Авторы коллективной монографии выражают искреннюю благодарность своим коллегам - исполнительному директору фирмы TERIS Яне Даховой и руководителю центра «Русский мир», заведующей кафедрой языковой подготовки Западночешского университета в г. Пльзень Власте Клаусовой, а также рецензентам - кандидату наук, профессору Педагогического факультета Карлова университета Радке Гржибковой (Прага), доктору педагогических наук, профессору, руководителю Департамента иностранных языков Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» Е.Н. Соловой (Москва), доктору филологических наук, профессору кафедры английского языка (основного) Военного университета С.Н. Курбаковой (Москва).

Функциональные аспекты исследования языка и междисциплинарность научного знания: проблемы филологии, культуры, методики преподавания: коллективная монография/О.В. Александрова, С.Г. Тер-Минасова Л.Л. Баранова, Т.В. Бычкова, Е.А. Вишнякова, О.Д. Вишнякова, М.В. Воронцова, Т.В. Кожевникова, Е.А. Короткова, А.П. Миньяр-Белоручева, Л.М. Осиновская, О.Н. Прохорова, П.И. Сергиенко, Е.С. Федорова, И.В. Чекулай. - 191 с. (7,96 п. л.).

Под общей редакцией О.Д. Вишняковой.

Коллективная монография посвящена вопросам междисциплинарного взаимодействия в области исследования феноменов языка, литературы, культуры, а также в изучении проблем филологического образования. Материалы, представленные в монографии, отражают современные тенденции научного осмысления явлений и процессов действительности с точки зрения лингвистики, литературоведения, лингвокультурологии, методических и лингвистических основ преподавания иностранных языков.

Работа предназначена для специалистов филологического профиля, лингвистов, литературоведов, специалистов в области переводоведения, межкультурной коммуникации, а также теории и методики преподавания языков и культур.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ КАРЕЛА ДАХА

Данное издание посвящается памяти Карела Даха — ученого, дипломата, патриота своей страны, блестящего организатора, оптимиста, прекрасного человека, который внес неоценимый вклад в дело укрепления мира, дружбы между народами и установления взаимопонимания между людьми.

Под руководством Карела Даха, Генерального директора фирмы TERIS, доктора технических наук, нашего друга и коллеги, осуществлено множество интересных международных проектов, среди которых — Международный научный семинар «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения», занимающий достойное место в научной жизни сообщества профессионалов.

Карел Дах - талантливый во всем человек, опытный руководитель, специалист-исследователь, музыкант, знаток различных языков, посетивший множество стран мира, где его ценят и уважают, человек высокой культуры и интеллекта - всегда в наших сердцах, всегда с нами, всегда среди нас.

VĚNOVÁNO PAMÁTCE KARLA DACHA

Toto vydání je věnováno památce Karla Dacha – vědce, diplomata, vlastence milujícího svou rodnou zemi, brilantního organizátora, optimisty, skvělého člověka, který vnesl nedocenitelný příspěvek k upevnění míru, přátelství mezi národy a vytvoření porozumění mezi lidmi.

Pod vedením Karla Dacha, generálního ředitele firmy TERIS, kandidáta technických věd, našeho přítele a kolegy bylo realizováno mnoho zajímavých mezinárodních projektů, včetně mezinárodního vědeckého semináře «Jazyk, literatura a kultura jako prostor mezinárodní komunikace» zaujímajícího důstojné místo ve vědeckém životě komunity profesionálů.

Karel Dach, ve všech směrech mimořádně talentovaný člověk, zkušený vedoucí, specialista – výzkumník, muzikant a znalec různých jazyků procestoval mnoho zemí, kde si ho vždy vážili a cenili, člověk vysokého intelektu a kultury – vždy bude v našich srdcích, vždy bude s námi.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …….4

ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ …….. 7
1.1 РОЛЬ ЯЗЫКА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА…….. 7
1.2. К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИЗУЧЕНИЯ АББРЕВИАЦИИ……..……..21
1.3. РАЗНООБРАЗИЕ ТЕРМИНОВ ПО ТЕМЕ «СОКРАЩЕНИЕ СЛОВ»: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ……...34
1.4. ОТ ЗНАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА ДО БОЛЕЕ ВЫСОКИХ УРОВНЕЙ ЕГО ПОНИМАНИЯ…….……..……..43

ГЛАВА II. РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА ЧЕЛОВЕКА……57
2.1. КОНЦЕПТ “INSULARITY” И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ……..57
2.2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ …….…….…66
2.3. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ……..…….84
2.4. КОНЦЕПТ «BREXIT» В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ……...102

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ……..109
3.1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ……109
3.2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ……..…114
3.3.ЛЕКЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ…….……121
3.4. ВИДЫ ДИСТАНЦИОННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ……..130

ГЛАВА IV. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ…….136
4.1.ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ (КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ)……....136
4.2. ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ, ИЗ НЕБЫТИЯ. КЛАССИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ПРОЗА КАК СТРОГИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ…….153

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….....191

ВВЕДЕНИЕ

В монографии представлены материалы, посвященные изучению вопросов современного языкознания, литературоведения, культурологии, методики преподавания иностранных языков и культур. Данный научный труд представляет собой объединенное общей тематикой комплексное исследование проблем междисциплинарного характера, отражающих развитие гуманитарных наук в свете современной научной парадигмы, с учетом ее антропоцентрического характера и функциональной направленности.

Монография состоит из Введения, четырех глав, содержащих результаты разработки проблем, освещенных с междисциплинарных позиций, базирующихся на объективном научном анализе, Заключения. Каждый раздел сопровождается собственным списком литературы и аннотацией.

Первая глава «Актуальные проблемы языкознания на современном этапе развития науки», отражающая новые направления исследований в области лингвистики, теоретические и прикладные аспекты ее изучения, подготовлена доктором филологических наук, профессором, заведующей кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова О.В. Александровой («Роль языка в жизни человека»), кандидатом филологических наук, доцентом, заведующей кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого Е.А. Вишняковой («К вопросу о теоретико-методологических основах изучения аббревиации»), кандидатом филологических наук, доцентом кафедры иностранных языков Российского государственного социального университета Т.В. Бычковой («Разнообразие терминов по теме «Сокращение слов»: уточнение понятий»), доцентом Дальневосточного федерального университета Е.А. Коротковой («От знания структуры медийного текста до более высоких уровней его понимания». Раздел представлен на английском языке).

Вторая глава «Роль языка в формировании картины мира человека» представляет собой обобщение опыта исследований в области частных вопросов, отражающих проблематику, лежащую в русле новой парадигмы научного анализа, направленного на выявление специфики картины мира и созидательной роли языка в процессе ее формирования. Авторами данной главы являются доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Л. Баранова («Концепт “Insularity” и его языковое выражение в британском варианте английского языка»), кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой западноевропейских языков Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

М.В. Воронцова («Историческое прошлое и национальный менталитет немецкоязычных народов»), доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета О.Н. Прохорова и доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ БелГУ И.В. Чекулай («Антропонимический концепт в интертекстуальном пространстве»), кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова П.И. Сергиенко («Концепт “Brexit” в британском политическом дискурсе»).

Третья глава настоящего научного труда «Современные подходы к преподаванию языков и культур» посвящена рассмотрению проблематики, связанной с теорией и практикой преподавания языковедческих и лингвокультурологических дисциплин. Данная глава подготовлена доктором филологических наук, профессором, заведующей кафедрой теории преподавания иностранных языков, Президентом-основателем факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой («Национальные особенности изучения и преподавания иностранных языков в России»), доктором филологических наук, профессором кафедры иностранных языков исторического факультета А.П. Миньяр-Белоручевой («Исторический дискурс как неотъемлемая составляющая при обучении английской лексике студентов-историков»), кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры английской филологии и перевода Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета Л.М. Осиновской («Лекционный дискурс как часть национального коммуникативного поведения»), кандидатом педагогических наук, доцентом, заведующей кафедрой иностранных языков Московского технического университета связи и информатики Т.В. Кожевниковой («Виды дистанционного тестирования в неязыковом вузе»).

Четвертая глава коллективной монографии - «Литературно-художественное пространство как объект филологического исследования» - подготовлена доктором филологических наук, профессором кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова О.Д. Вишняковой («Восхождение к истокам (Культурно-языковые универсалии в мировом литературно-художественном пространстве)») и доктором филологических наук, профессором кафедры теории преподавания иностранных языков ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова Е.С. Федоровой («Через столетие, из небытия. Классическая русская проза как строгий документ эпохи»). Авторы обращаются к анализу литературно-художественных произведений и освещают их роль в развитии мирового пространства культуры.

Проблематика, рассмотренная в данной работе, отражает основные направления развития современной научной мысли на материале языковедческих, литературоведческих и методических разысканий авторов данного коллективного труда, общим объединяющим началом которого является гуманитарный подход к рассмотрению явлений и процессов окружающей действительности, основанный на принципах функционализма, антропоцентризма, междисциплинарного характера научного знания.

Введение и **Заключение** подготовлены доктором филологических наук, профессором кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова О.Д. Вишняковой.

ГЛАВА I.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ

1.1. РОЛЬ ЯЗЫКА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В разделе рассматриваются основные тенденции в изучении языка XX–XXI столетий, особенности восприятия и интерпретации некоторых языковых и речевых ситуаций в сознании человека, живущего в современном обществе, и реакции на эти ситуации в определённом контексте.

Ключевые слова: дискурс, язык, речь, антропоцентризм, когнитивизм, культура.

THE ROLE OF LANGUAGE IN HUMAN LIFE

Abstract. The article treats some of the main tendencies in the linguistic studies in the XX–XXI centuries, the peculiarities of acquisition and interpretation of linguistic situations in the human mind of a person who lives in the modern society and reactions to these situations within a certain context.

Key words: discourse, language, speech, anthropocentrism, cognitivism, culture.

Исследование языка, его роли и функций в жизни человека активно развивалось в течение всего XX века. Действительно, первые серьёзные исследования в области языкознания можно отнести к концу XIX, началу XX веков. Прежде всего, в тот период времени развивалась наука о письменном языке. Это понятно, так как именно письменная форма языка в то время была доступна исследователям в виде письменных памятников, фиксировавших исторические события, церковные документы, а также памятники художественной литературы. До исследований в области звучащей речи оставалось в тот период ещё много времени. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на усиление интереса во второй половине XX века к устной речи. Это может объясняться развитием технических возможностей, необходимых для изучения именно устной речи: это возможности магнитных записей речи, их спектрального анализа и т.д. В это время появляются такие исследования, как работы Симеона Поттера, Ольги Ахмановой, Ирины Магидовой и др. Вопрос о просодии имеет свою историю. О ней много писали в 70-е годы прошедшего столетия. Впервые была предложена методика просодического анализа текста, что позволило выявить особенности его реализации в разных регистрах речи.

Основные просодические параметры речи – громкость, паузация, скорость, диапазон, ритм могут заметно изменить воздействующую роль речи на аудиторию. *В*озьмём, например, паузацию. С точки зрения фонологии они могутиспользоваться для обоз начения забывчивости: The chap, addressing it to me, introduced it with these words, and | Byron

seems to me a good example of an academic poet.; неуверенность: This is really quite interesting because I think that | we always have the idea that the academic is the most personal.; привлечения внимания в случае, например, лекции,публичного мероприятия для пр ивлечения внимания аудитории: This definition | can be regarded as a very useful one [Akhmanova, 1977, с. 100].

Как отмечал основатель Лондонской лингвистической школы Дж. Фёрс, просодия это по своей сути грамматика устной речи [Firth, 1957]. Действительно, без просодии речь вряд ли была бы понимаема. Выявление просодических параметров речи стали значимым поворотом всех лингвистических исследований второй половины XX века.

Работы лингвистов конца XX = начала XXI веков показывают, что в сферу изучения языка входят социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, уже давно закрепившиеся в языкознании прагматика и семиотика, а также многие другие области знания, вновь появляющиеся направления, например, эколингвистика. Но, стоит вспомнить, что даже на рубеже столетий семиотика, например, как математическая наука признавалась в лингвистике далеко не всеми учёными. В связи с последней хотелось бы вспомнить работу О.С. Ахмановой, корифея отечественного языкознания, о которой уже было сказано в начале настоящего раздела.

В 1977 году была опубликована работа Linguistics and Semiotics, в которой было обосновано место семиотики в изучении языка и необходимость этой отрасли знания для лингвистики [Akhmanova, 1977]. В то время учёный писала, что вопрос о взаимоотношении лингвистики и семиотики всё ещё не решён окончательно, остаются вопросы, касающиеся слова, его значения, роли слова в составе предложения, да и самого предложения в составе речи. Уже тогда О.С. Ахманова упоминала о кодовых системах в языке, ссылаясь на работы С. Вэлза, который подчёркивал, что собственное значение слова отличается от кодового. Видимо, под кодовым автор имел в виду словарное значение, но любое словарное значение, коих может быть несколько, зависит от контекста. Можно привести в этой пример Д. Кристала со словом charge:

I ordered the troops to charge; I need to charge the battery; I’m going to charge him with anoffence; The bank wants to charge extra interest [Crystal, 2006], или другой пример, который, впрочем, как и многие другие, может быть найден в любом словаре. Например, слово **blue** в английском языке. Слово blue, имеет целый ряд определений в современных словарях, однако для англоязычного человека данное слово имеет особое значение, связанное с жизнью королевской семьи. Заметим, что в русском языке существует много обозначений, связанных с оттенками голубого, скорее в русскоязычном сознании на первом месте стоит синий цвет, а голубой – это его оттенок, наряду с тёмно-синим, лазурным, цветом электрик.

Новое значение синего пришло в русский язык в 70-х годах прошлого века - клубный пиджак, модный и труднодоступный в то время аксессуар мужской одежды.

С одной стороны, в английском языке blue это обозначение цвета: **blue sky**. С другой, это может означать чувствогрусти: **She usually calls her mother when she's feeling blue.** А сколько существует слов и выражений с этим словом,имеющих метафорический, соц иально-окрашенный характер: **blue baby, blue-blooded, blue book, blue chip, blue collar, blue-eyed boy, bluegrass, blue movie, blue pages, blueprint, blue riband, blue-rinse** и т.д. А в русском, наравне санглийским это очень простое слово приобретает социолин гвистичекую окраску.

Уже очевиден тот факт, что язык является не только коммуникативной системой, но и важной частью когнитивной деятельности человека. Без языка невозможна ни одна сфера жизни, развития, взаимодействия людей, передачи их знаний, расширения сведений об окружающем мире. Исследования последних десятилетий показали со всей очевидностью, что язык существует только во взаимодействии с другими областями знаний – знаний об окружающем мире, что также является достаточно широкой областью сведений, составляющих когнитивную картину мира человека. В этой связи хотелось бы процитировать Н.Н. Болдырева, который пишет: «Современный взгляд на язык и вербальную коммуникацию не ограничивается их собственно семиотическим аспектом. Он предполагает выход за пределы языковой системы в область неязыковых, энциклопедических знаний о мире, обеспечивающих формирование и понимание конкретных смыслов в процессе общения» [Болдырев, 2012, с. 39]. Можно добавить, что понимание семиотического аспекта также может быть как узким, так и широким. Не вдаваясь в дополнительные рассуждения по этому вопросу, необходимо отметить, что семиотика сыграла большую роль в формировании когнитивного и, шире, функционального подхода к изучению языка, но на данном этапе развития науки языкознание в широком понимании этого термина вышло далеко за рамки чисто семиотического подхода, о чём собственно и свидетельствует процитированный отрывок из работы Н.Н. Болдырева.

В последние годы значительно усилился интерес науки к человеку. Появилась даже целая область знания – науки о человеке, где объединили усилия представители разных областей знания, как гуманитарных, так и естественно-научных. Е. С. Кубрякова ещё в 1995 году писала о четырёх основных тенденциях, наметившихся в лингвистике конца XX века: экспансионизме, функционализме, антропоцентризме, экспланаторности. Время подтвердило актуальность всех этих направлений, где антропоцентризм занял ведущую позицию [Кубрякова, 1995, с. 144]. Заметим, при этом, что все четыре направления теснейшим образом связаны, дополняя и обогащая друг друга. Как справедливо отмечает Г. Молчанова,

«реакция системы языка на быстро меняющийся ландшафт времени – несомненно, закономерный и предсказуемый процесс, требующий такой же остро убедительной мгновенной реакции лингвиста. Вербальные устойчивые знаки, отражающие современные тренды – сжатость, ритмичность, раскованность, экспрессивность, «впечатываемость в память», креативность средств коммуникации, - воплощают потребность нового поколения в свёртке смысла и повышении энергийности всех видов текста на основе, в том числе, действенных и эффективных маркентинговых и транзакционных стратегий» [Молчанова, 2017, с. 74]. Конечно же, всё сказанное напрямую связано с человеком и его языковой деятельностью. Именно поэтому человек находится в центре современных исследований, в том числе и лингвистических. В дальнейшем, мы ещё остановимся на этом положении в связи с динамическими аспектами развития языка в современном мире.

В конце прошлого века закладываются и основы корпусной лингвистики, изучающей разные аспекты формирования речи в разных стилях и регистрах. Корпусная лингвистика занимает ведущее место в современном языкознании. Известно о созданных корпусах английского языка, русского, других языков. Данные этих систем достаточно разработаны, и используются в составлении словарей, грамматик, учебников по иностранным языкам, в различных исследованиях и материалах для публикаций.

Корпусная лингвистика, оставаясь важной частью современной науки о языке в широком смысле, тесно примыкает к когнитивной лингвистике, являясь её неотъемлемой частью. В конце XX века сформировались отдельное направление когнитивной науки, которая, по словам Е.С. Кубряковой, «оказалась не просто междисциплинарной, но объединяющей или пытающейся объединить, с одной стороны, старые традиционные фундаментальные науки – математику, философию, лингвистику и психологию, с другой – подключить к себе новые и даже параллельно с нею развивающиеся науки и теории – теорию информации, разные методы математического моделирования, компьютерную науку, нейронауки» [Кубрякова и др., 1985, с.6].

Для когнитивной науки понятие дискурса имеет ключевое значение. Сам термин «дискурс» имеет долговременную историю. По свидетельствам исследователей, он появился ещё в латинском языке в виде слова discursus и обозначал «бегать туда и обратно». Слово дискурс как термин возродился с появлением структурной лингвистики в середине прошлого столетия для обозначения, в основном, устной диалогической речи, когда появился интерес лингвистов именно к устной речи, которая до этого практически не изучалась. В конце XX столетия термин дискурс прочно вошёл во все гуманитарные и общественно-политические науки и по сей день продолжает быть наиболее востребованным в самых разных областях человеческого знания. Такое широкое распространение этого термина в разных областях

человеческой деятельности иногда даже вызывает раздражение, но, с другой стороны, он вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня, когда речевые явления невозможно изучать в отрыве от широкого социально-исторического контекста. С приходом когнитивной лингвистики дискурс становится одним из ключевых её понятий. Это объясняется интересом исследователей к различным видам организации речи, рассмотрением её как части мыслительной деятельности человека. С изучением дискурса связано появление новых областей исследования, таких, например, как концептуальная картина мира и её отражение в языке, проблемы инференции и интертекстуальности и многие другие. Естественно, дискурсивные исследования касаются всего круга языковых и речевых явлений, и появляется новая парадигма их изучения, названная Е.С. Кубряковой когнитивно-дискурсивной.

На рубеже веков дискурс рассматривался с точки зрения его социального и идеологического значения, а не только лингвистического. Именно в это время исследователи пытаются дать определение дискурса, разграничить понятия дискурса и текста. Известно множество определений этого термина, но ни одно из них не является точным, полным и исчерпывающим. Так, как указывает А.А. Кибрик и его соавторы, «дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности и её результат – а результат и есть текст» [Кибрик, 2002, с. 307]. Действительно, на рубеже веков, вследствие стремительного развития человеческого знания стало очевидным, что любое произведение речи имеет разносторонний характер и может быть понято и оценено именно на основе определённого социально-исторического контекста. Возьмём в качестве примера политический дискурс. Данный тип дискурса предполагает определённую идеологическую направленность. Конечно, язык сам по себе не может быть абсолютно прозрачным и нейтральным, в языке проявляются определённые ценностные характеристики, привычки, верования, воззрения и т.д., да и сама культура не может иметь нейтральный характер. Так, британские лингвисты М. Маккартни и Р. Картер, анализируя заголовки газет в разных изданиях – Гардиан (the Guardian) NCB chief fit after incident at pit; Дейли Телеграф (the DailyTelegraph) Coal supremo felled in pit fury; и Монинг Стар (the Morning Star) MacGregor scraps pit visit in face of angrydemo делают следующие замечания [McCarthy, Carter, 1994, p. 156-157]. Газета Гардиан является либеральной независимой газетой, Дейли Телеграф – газета правого толка, а Монинг Стар – это газета коммунистической партии. Есть общие черты в заголовках всех трёх газет, например, опущение артиклей, использование аббревиатур, аллитерация (pit/fit; felled/fury), приём различных обозначений одного и того же лица:Coal supremo; MacGregor; NCB chief и т.д. Чисто лингвистический анализ, сам по себе, не позволяет увидеть глубокие отличия между этими заголовками с точки зрения их идеологии. Эти отличия направлены на то, чтобы

заставить читателя определённым образом интерпретировать события. Например, в третьем заголовке МакГрегор играет роль главного действующего лица, ответственного за акт прекращения действия (scraps visit, где scraps является переходным глаголом), при этом нет никаких сведений о его действительном физическом положении. Напротив, во втором случае МакГрегор не назван по имени и представлен как лицо, на которое было направлено действие с помощью эмотивной лексики (felled/fury). Первый заголовок носит более нейтральный характер, используя словоincident, и эллиптическую конструкцию (NCB chief (is) fit). Таким образом, каждый из заголовков представляет своё видение событий: в третьем случае не предполагается, что те, кто участвуют в демонстрации, непосредственно отвечают за действия МакГрегора; во втором случае МакГрегор является непосредственным объектом действия, что было вызвано яростью шахтёров. Путём противопоставления coal supremo и miners этот заголовок заставляет читателя абсолютно однозначно трактовать его содержание. В случае первого заголовка кажется, что его содержание вполне нейтрально, открыто не поддерживается ни одна сторона конфликта, хотя именно в таких случаях нейтралитет свидетельствует о поддержке тех политических сил, которые стремятся соблюсти статус кво. Во всех трёх случаях существует взаимодействие выбора стилистических средств, структуры текста и создания определённой идеологической читательской позиции. В каждом случае в выборе разнообразных средств языка закодирована определённая идеологическая направленность текста [Исаева, 2017].

В.З. Демьянков отмечает, что «новым для современного когнитивизма является освоение эмпирического материала в опоре на большие корпусы текстов. С помощью такой социологии текста (или социологии дискурса) исследуются сегодня многие важные когнитивно нагруженные понятия. Опора на большие корпусы текстов как результат технологической революции последних 20 лет в гуманитарных науках гарантирует доказательность и является отличительной чертой современной когнитивной лингвистики» [Демьянков, 2013, с. 74]. На усиление социальной составляющей современных лингвистических исследований указывает и О.К. Ирисханова [Ирисханова, 2014, с. 5].

В этой связи необходимо ещё раз вернуться к давно обсуждаемой проблеме соотношения языковой картины мира, понятийной картины мира, концептуальной картины мира, а ещё и многим другим картинам мира, которые рассматриваются разными науками, включая, конечно, и языкознание. Понимая, что существует множество подходов к их интерпретации, можно остановиться лишь на некоторых определениях. Так, языковая картина мира «отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира («язык как зеркало культуры»). Поскольку реальная картина мира представлена в сознании человека языковыми средствами, она объективирована языком и имеет уже только ту форму,

которую «отразил» и создал – на базе культуры – национальный язык» [Тер-Минасова, 2007, с. 22]. Реальная картина мира, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека [Тер-Минасова, 2007, с. 22]. Думается, однако, что реальная картина мира не может существовать без человеческого фактора, именно он в наше время является определяющим в реальной картине окружающего нас мира, пусть даже и внеземного. Все сведения о реальной картине мира черпаются нами из знаний, прошедших сквозь человека. Конечно, в мире существует огромное количество непознанного, но постепенно это непознанное познаётся человечеством, хотя, возможно, оно так и не будет познано до конца. Заслуживает внимания и определение культурной (понятийной) картины мира как «отражения реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное,… образ мира, преломлённый в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Там же, с. 22]. Действительно, культурная картина мира существует в сознании людей по-своему воспринимающих окружающий мир, в зависимости от их среды обитания, привычек, фольклорных традиций и верований и ещё многих факторов, определяющих жизнь человека.

Здесь следует обратить внимание на особенности терминологического характера. Есть ли различия между понятийной и концептуальной картинами мира? Термин «понятие» скорее относится к философии и психологии, а «концепт» к сфере когнитивной лингвистики. Об этом писали многие учёные. Так, Ю.С. Степанов пишет: «…концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии» [Степанов, 1997, с. 40].

Термин «концептуальная картина мира» утвердился в когнитивной лингвистике и определяется, как отражение мира в сознании, представление человека о мире, информация о среде обитания человека. Как видим, определение культурной и концептуальной картин мира во многом схожи.

Мы живём в эпоху глобализации всех процессов, происходящих в мире. Большому преобразованию подверглись процессы и средства коммуникации в этой новой реальности. Для человеческого общения стали необходимы как знания общего характера, так и понимание концептуальных систем индивидуального порядка. Как отмечает Г. Молчанова «в рамках и вслед за прагматическим и когнитивным направлениями возникает и развивается тенденция к формированию новой парадигмы – а именно, поликодовости (полимодусности,

мультимедиальности, мультимодальности) коммуникации, особенно межкультурной» [Молчанова, 2014, с. 8].

Н.Н. Болдырев подчёркивает, что успешность коммуникации находится в прямой зависимости от соответствия концептуальных систем коммуникантов друг другу, объясняя при этом, что «в любом познавательном процессе выявляются две его стороны: статическая, отражающая определённые результаты этого процесса (система знаний), и динамическая, связанная с самими мыслительными операциями, ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление» [Болдырев, 2012, с. 40].

Многие современные исследователи отмечают, что процесс коммуникации сконцентрирован на знании о языке, основанном на уровне выше слова, фразы или предложения и, прежде всего, на знании контекста не только сугубо лингвистического, но и экстралингвистического. Таким образом, понимание роли языковых единиц в процессе коммуникации не может осуществляться без знаний более широкого характера, связанных с условиями коммуникации, её целей, социокультурных знаний и ещё очень многих сопутствующих факторов. Так, английский учёный Г. Видоусон приводит такой пример: надпись на двери **LADIES** [Widdowson, 2004]. Что это: слово, предложение, дискурс? Как мы понимаем его действительное значение, в каком контексте и, с чем он у нас ассоциируется.

Или другой пример. Известный британский лингвист Алан Гардинер привёл в своей книге такой пример: **The lion roars** и прокомментировал его следующим образом: в какой ситуации может быть произнесено данное, как он выразился клинически правильное **(clinically correct)** с точки зрения английского языка предложение. Вспомним историю Великобритании – крупнейшей мировой империи, где знать любила ездить на сафари в Африку. Два охотника сидят в засаде, поджидая свою жертву, и вдруг у себя за спиной слышат рёв льва, какова будет их реакция. Вряд ли они произнесут предложение «Лев ревёт», скорее всего, они воскликнут “Look” или ”That’s the lion” или “Let’s run”. Таким образом, заключает учёный, такого предложения в реальной жизни существовать не может. [Gardiner, 1951] Можно отметить, в этой связи, что это условие устной речи и здесь важнейшей составляющей является просодия, о чём говорилось в начале данного раздела. Именно просодия образует в данном случае коммуникативную составляющую тревоги, озабоченности и даже страха.

Конечно, язык не является простым зеркальным отражением окружающего нас мира. Язык отражает мир, но в то же время и влияет на окружающий человека мир. Важно, что язык является основополагающей частью в конструктивной перспективе жизни человека.

Интересный пример приводит британский учёный Стефен Бакс: если взрослый говорит ребёнку **«school days are thebest days of your life»**, это не простая констатация факта, но определённая часть конструирования школьного процесса в концептуальной системе взрослого, возможно для того, чтобы мотивировать школьника ходить на занятия и хорошо учиться [Bax, 2011, с. 30] Однако для концептуальной системы школьника это не очевидно, у него ещё слишком мало жизненного опыта, чтобы оценить важность того или иного времени в его жизни да и школа - это первое сложное испытание для ребёнка, не всегда воспринимаемое им однозначно положительно.

Очень интересный пример приводят в своей работе Н.И.Юзефович и И. Игнатьева. Пример касается словосочетания**«новые русские» New Russians**. Данное словосчетание впервые было использовано журналистом Х. Смитом в его книге “New Russians”, где оно обладало явно положительной коннотацией, связывая появление новых русских с перестройкой и новой Россией [Юзефович, Игнатьева, 2015]. Вероятно, с тем же положительным значением оно появилось первоначально и в русском языке, однако это положительное значение очень быстро трансформировалось в отрицательные коннотации, указывая на внезапно разбогатевших, часто имеющих криминальное прошлое людей.

Настоящее время характеризуется как общий процесс глобализации. Этот процесс затрагивает все сферы деятельности человека: экономическую, социальную, политическую и т.д. В этом процессе язык играет решающую роль.

В связи с глобализационными процессами, происходящими в обществе в целом и, в языке, в частности, на первый план вышел английский язык. Как известно, это произошло в связи с целым рядом обстоятельств. На рубеже веков особую роль в этом сыграл интернет, первоначально появившийся в англоязычной стране и тем самым повлиявший на развитие сетевых языков в других странах. Многие слова, пришедшие в русский язык из интернета, сейчас уже фиксируются в словарях русского языка и русифицированные компьютерные программы не распознают их как иностранные.

Интересно отметить, что именно русский язык заимствовал большинство англицизмов в компьютерной терминологии, в других языках этого не произошло, там были введены свои слова, связанные с деятельностью интернета. Тем не менее, вхождение такого большого количества заимствований в русский язык в компьютерных технологиях объяснимо: это новая сфера жизни и деятельности человека для всех, появившаяся практически одновременно в разных уголках мира, поэтому легче было заимствовать и новый язык вместе с новыми понятиями. А вот когда заимствуются элементы концептуальных систем из других культур вместе со словами их обозначающими, это может привести к сбою в коммуникации.

Так, не очень давно в российских теленовостях было сказано, что в тот день на станциях московского метро предполагается организовать **буккроссинг**. Не было дано никаких объяснений этому слову. Для всякого, кто знает английский язык, понятно, что, видимо, это каким-то образом связано с книгами (book crossing). Открыв словарь английского языка, можно было обнаружить, что этим словом обозначается процесс свободного обмена книгами в общественных местах. Неизвестно состоялось в конечном итоге это мероприятие в тот день, но вряд ли, поскольку не только слово, но и стоящее за ним явление англоязычной культуры осталось непонятным для москвичей. Это произошло несколько лет назад, но с тех пор это слово редко встречается в нашей жизни, видимо потому, что и стоящая за ним традиция не прижилась в нашем обществе.

В апрельском номере журнала ELLE в 2017г., в его русской редакции опубликовано обширное интервью с Алёной Долецкой (из истории), где находим такие выражения, как **«интересный link; драйв менеджерский, креативный, филологический; массовый бренд, андерграундсный бренд»** и т.д. [Elle, 2016, с. 136-140].

Не преувеличивая роль английского языка в глобализационных процессах, можно отметить и проникновение, заимствование других слов и понятий, пришедших из других языков в нашу действительность, например, **мундиале** в испанском имеющем значение мировой, всемирный. Это слово появилось на международной арене после чемпионата мира по футболу в Испании в 1982 году, а теперь им обозначается чемпионат мира в глобальном масштабе. Как известно, очередной Чемпионат будет проводиться в России в 2018, но уже сегодня это слово можно услышать в новостных программах российских СМИ. А, ведь, о футбольных чемпионатах давно известно в России, у нас есть миллионы болельщиков, но вряд ли они знакомы с этим новым для русского языка словом. Ещё раз хотелось бы вернуться в этой связи к положению о статической и динамической моделях в организации концептуальных систем. У человека, принадлежащего определённой языковой общности, имеются свои фоновые знания о языке, культуре, и других сферах, связанных с языковой деятельностью. В то же время, процессы, происходящие в жизни общества, новые реалии, связанные с новыми условиями существования человека, накладывают свой отпечаток на его язык как средство категоризации и концептуализации мира. В этой связи хотелось бы ещё раз процитировать справедливое замечание Н.Н. Болдырева о том, что «Ведущая роль человека в языковой концептуализации и категоризации пространства, в интерпретации пространственных отношений проявляется, в частности: 1) в выборе соответствующей пространственной координаты как когнитивной точки референции и 2) в её конкретной интерпретации человеком» [Болдырев, 2015, с. 33].

Уникальность человека состоит в том, что у него есть язык, которым он пользуется для разных целей. Язык сопровождает человека во всей его жизни. Человек никогда не лишён языка, даже если у него есть какие-то физические особенности. В этом случае на помощь приходит язык жестов, или всякие другие условные коды, а сегодня ещё и другие девайзы, способствующие достижению эффективности коммуникации. Вот, ещё одно новое слово, заимствованное из английского, но получившее вполне широкое распространение, особенно в молодёжной среде. Как справедливо отмечает известный британский учёный Дэвид Кристалл, язык человека – это отражение его идентичности, его культурных основ и ассоциаций, язык это, прежде всего средство коммуникации, но это далеко и не только самое главное. Именно язык является неотъемлемой частью мыслительной деятельности человека, средством формирования и передачи его идей, соображений и знаний.

Итак, в конце 20-го, а ещё более интенсивно в первые десятилетия XX века изучение языка потребовало расширения сферы интересов собственно языкознания и понимания его важной роли и взаимодействия с другими областями знания, касающихся человека. В силу многих процессов, происходящих в этот исторический период – глобализация общества и науки, развитие когнитивных знаний, а они напрямую связаны с человеком, и многих других факторов – стала очевидным невозможность изучать данные языка в отрыве от всех сопровождающих его процессов. Не только семиотика, прагматика и другие смежные с языкознанием науки оказались всё более важными для понимания человеком окружающего мира, но и культура, история, социальные, психологические факторы и многое другое, не говоря о математике, физике, химии, биологии и т.д. Глобализационные процессы затронули все сферы жизни и деятельности общества, а язык в этих процессах играет существенную, если не сказать, решающую роль.

Уже упоминавшийся Д. Кристал, в своей книге English as a Global Language описал пути становления английского языка как глобального, языка международного общения во всех сферах жизни человечества на современном этапе [Crystal, 2006]. Конечно, английский язык оказал огромное влияние на все языки мира и русский язык не исключение. Немалую роль в этом сыграл Интернет, о чём также было упомянуто неоднократно. Всем известно об огромном количестве заимствований из английского, что произошло в 20-м веке, а позднее в связи с появлением и немысленно быстрым развитии сетевых программ. Приведём примеры названий медиа текстов, да и самих текстов (в данном случае это, в основном тексты рекламы), где проникновение английского языка в русский наиболее заметно:

С палеткой Color Drama от марки MAYBTLLINE NY каждая из нас почувствует себя визажистом. Вначале наносится праймер – специальная база, выравнивающая кожу губ, затем прокрашиваем губы, играя с тёмными и светлыми оттенками…

Или - **Журналист раскрыл спойлер к ленте «Тор: Рагнарёк»**

В данных случаях следует обратить внимание также на тот факт, что используется комбинация слов на русском и английском языках, но слова на английском языке вполне понятны и известны для русскоязычного читателя.

Не стоит думать, что и глобальный язык не испытывает на себе влияние других языков, с которыми он постоянно взаимодействует. Это сказывается не только на лексическом составе английского языка, но даже и на его грамматическом строе. Как уже неоднократно отмечалось, грамматика – это наиболее консервативная часть языка, её изменения наименее заметны в сравнении с лексикой и фонетикой. Однако, уже сегодня отмечается отмирание системы перфектных времён в английском языке, передача временных отношений лексическими способами, изменения в обозначении множественного числа существительных, пришедших из латинского и французского. Отмечается тенденция к языковой экономии, некоторые учёные рассматривают, такие тенденции, как стремление английского языка быть лёгким для восприятия представителями других языковых сообществ, но думается это не так. Некоторые лингвисты предсказывают и более радикальные изменения в английском языке, например переход английского в систему синтетических языков, появление в нём падежной системы, а, следовательно, и системы окончаний. Всё это подтверждает мнение о том, что языки меняются с изменениями их роли в общих процессах, происходящих в мире, сближением и взаимозависимостью жизни людей в разных странах и на разных континентах. В связи с всё расширяющимися границами науки о человеке, антропоценризм в языкознании приобретает всё большее значение. Как подчёркивает Л.М. Терентий, который посвятил своё исследование изучению дипломатического дискурса, «особым образом проявляется в политическом дискурсе референтная функция языка, которая служит основой взаимодействия человека и мира. Именно в политическом дискурсе явно проявляется тот факт, что мир – это то, что было воспринято человеком в процессе познания окружающей реальности и стало достоянием его сознания в результате интерпретации различных фактов при помощи языка. Таким образом, различия в интерпретации, где язык играет ведущую роль, ведут к совершенно разному видению одних и тех же событий, что позволяет многим исследователям выделять особую функцию политического дискурса – функцию конструирования реальности» [Терентий, 2009, с. 28-29].

Понимание того или иного сообщения требует знания определённого контекста, определённой информации, уже существующей у человека, хранящейся в его памяти, опосредованной его знаниями, мнениями, впечатлениями. «В силу этого формулировка новой информации непосредственно зависит от моделей отображения стереотипной

ситуации» [Терентий, 2009, с. 39]. Возьмём для примера короткий отрывок из статьи, опубликованной несколько лет назад в журнале The Economist. “**Can you reform break Russia’s oil dependency? Our oil reserves are not unlimited. The most important thing is the diversification of business and industry – something that we have never had time to do before. If we do not catch up with our competitor countries now, we will never survive the next crisis in 10 to 15 years’ time.**”

Конечно, для иллюстрации вышеуказанного положения был выбран очень понятный отрывок. Нам известно, что экономика России сейчас находится в прямой зависимости от цен на нефть, этот факт заботит как рядовое население страны, так и руководящие структуры. От этого зависит благосостояние наших людей. Не зря в Думе обсуждается в настоящее время вопрос о том, как уйти от нефтяной зависимости. Понимание контекста этого отрывка зависит, также от ситуации, которая складывается сегодня на нефтяном рынке, а данная ситуация находится в прямой зависимости от политических процессов, происходящих в современном обществе.

Итак, хотелось бы подчеркнуть, что жизнь во всех её проявлениях, вербальных и невербальных, теснейшим образом связана с человеком. Важнейшей составляющей существования человека, как в своей лингвокультуре, так и в процессах общения с представителями иной, является его язык и языковая деятельность в условиях жизни общества на микро- и макро - уровнях. Именно решению этой задачи подчинены современные исследования языка как важнейшего инструмента действия во всех процессах коммуникации.

В заключении хотелось бы привести ещё одну цитату: «Отправной точкой всех исследований, проводимых в коммуникативно-семиотическом плане, является «человек и язык» [Молчанова, 2017, с. 77]. Язык – это важнейшее орудие деятельности человека, а нашей задачей является его всестороннее изучение в составе когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, предложенной и обоснованной профессором Е.С. Кубряковой.

Литература

Болдырев Н.Н. Принцип антропоцентризма в языковом конструировании пространства // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. Москва-Тамбов, 2015.

Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Выпуск XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Москва-Тамбов, 2012.

Демьянков В.З. О некоторых результатах эмпирических исследований в области когнитивной лингвистики//Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. Москва-Тамбов, 2013.

Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: Структуры социальных знаний и проблемы их описания// Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4.

Исаева А.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных интернет-изданий) // Автореф. дисс. канд. наук// Москва, 2008.

Кибрик А.А. и др. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления // УРСС. 2002.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века // Наука. 1995.

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : МГУ. 1996.

Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. Москва. 2014.

Молчанова Г.Г. Антропоцентричность меметики в когнитивно-семиотическом ракурсе.// Когнитивные исследования языка. Серия XXX. Когнитивная лингвистика в антропологической парадигме исследований. Москва – Тамбов – Белгород. 2017.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры // Языки русской культуры. М. 1997.

Терентий Л.М. Дипломатический дискурс: политика, наука, искусство. Москва: Научная книга. 2009.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Москва, 2007.

Юзефович Н.И., Игнатьева И. Причины неудачного трансфера знаний в политическом дискурсе: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. Выпуск XX. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. Москва-Тамбов, 2015.

Akhmanova O.S. Linguistics and Semiotics. МГУ. 1977.

Akhmanova Olga. Linguistics: Theory and Method // Mouton. 1976.

Bax S. Discourse and Genre. Analysing Language in Context. Palgrave Macmillan. 2011.

Crystal D. English as a Global Language. Oxford. 2006.

Elle // апрель 2016.

.McCarthy M., Carter R. Language as Discourse. Perspectives for Language Teaching. Longman. London and New York. 1994.

. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951.

Widdowson H. Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis. Oxford. Blackwell 2004.

1.2. К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИЗУЧЕНИЯ АББРЕВИАЦИИ

Аннотация. Явлению аббревиации принадлежит особое место в теории номинации, что обусловлено спецификой реализации сокращенных наименований в процессе речеупотребления. Изучение данного феномена осуществляется в лингвистике с различных сторон, включая когнитивно-дискурсивные аспекты, обусловливающие возможность рассмотрения стоящих за сокращенной языковой формой форматов знаний. В речевой действительности аббревиатура реализуется как обладающий определенной спецификой языковой знак и как знак-признак, выполняющий роль индикатора состояния индивидуального и группового сознания. Английский язык обладает четко выраженной тенденцией к аббревиации, как вследствие своих лингвистических особенностей, так и вследствие экстралингвистических причин социокультурного характера.

Ключевые слова: теория номинации, ономасиология, семасиология, аббревиатура, языковой знак, социокультурная значимость, когнитивно-дискурсивный подход, английский язык

ON THE PROBLEM OF THEORETICAL METHODOLOGICAL BASIS OF ABBREVIATION ANALYSIS

Abstract. The phenomenon of abbreviation has a special place in the theory of nomination, due to its realization peculiarities in the process of speech. The investigation of this phenomenon is carried out in linguistics from various points of view, including cognitive-discursive aspects, which make it possible to consider the formats of knowledge behind the abbreviated linguistic forms.In speech reality, the abbreviation is realized as having a specific linguistic sign and as a symptom sign of the attributive character that performs the role of indicator in terms of the state of individual and group consciousness. The English language has a clearly pronounced tendency to abbreviation, both because of its linguistic features, as well as for extra-linguistic reasons of sociocultural nature.

Key words: nomination theory, onomasiology, semasiology, abbreviation, linguistic sign, sociocultural significance, cognitive-discursive approach, the English Language

Исходя из положения о том, что номинативная функция языка является одной из важнейших, исследователи подчеркивают тот факт, что проблемы языковой номинации выступают в качестве центральных в теоретической и прикладной лингвистике. О.С. Ахманова определяет номинацию следующим образом; «1. Назывная функция или сторона слова, семантический аспект слова как употребляемого (возникающего) в данной речевой ситуации или контексте; ср. сигнификация. 2. (именование). Называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом. 3. То же, что функция номинативная» [Ахманова, 1966, с. 270]. Е.С. Кубрякова пишет: «Под номинацией понимается наречение

предметов и ситуаций с помощью языковых средств, закрепление за определенным референтом того или иного специального знака. Номинация представляет собой комплексный речемыслительный процесс, имеющий как логико-гносеологические, так и психологические, как биологические, так и социальные, как физиологические, так и чисто языковые основания» [Кубрякова, 2008, с. 6].

Следует подчеркнуть теснейшую взаимосвязь номинативной функции языка с другими языковыми функциями (например, гносеологической, коммуникативной, прагматической), характеризующими феномены вычленения фрагментов действительности, формирования соответствующих представлений, структурирование концептов, а также других способов ментальной репрезентации явлений, поиска знаковой формы как языкового представления данных сущностей, а затем и дальнейшей их актуализации в реальной речевой действительности.

Данные процессы обусловлены сложными взаимоотношениями языка, мышления, объективно существующей реальности, также находящими выражение в сфере языковой номинации, где, как известно, на основе объектно-предметного соотношения единиц изучаемого материала, выбора конкретного теоретического аспекта в исследовании, выявляются ономасиологический и семасиологический подходы. По определению О.С. Ахмановой, ономасиология рассматривается как раздел семасиологии, посвященный изучению закономерностей и принципов «обозначения» предметов и выражения понятий лексическими и лексико-фразеологическими языковыми средствами, или «наука об обозначении, назывании, номинации (в отличие от семасиологии как науки о значении, сигнификации)» [Ахманова, 1966, с. 288]. Исследователи подчеркивают многооаспектный и многомерный характер номинации как процесса, а также важность ономасиологичского подхода, отмечая, что в данном случае в центре внимания лингвиста находится связь явлений действительности с их обозначением, выбором и созданием названий для этих явлений, осуществляется рассмотрение непосредственной роли самих номинативных единиц как феноменов реальности в процессах номинации, в реализации их номинативных функций [Кубрякова, 2008, с. 5-6].

Семасиология рассматривается в лингвистике как область языкознания, которая изучает «значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц» [Ахманова, 1966, с. 401], а также как раздел языкознания, посвященный изучению лексических значений слов и выражений и изменению их значений [Там же]. О.С. Ахманова определяет языковое значение как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в

качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова» [Ахманова, 2004, с. 92]. По словам В.В. Виноградова, «всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений» [Виноградов, 1953, с. 5]. Иными словами, обращаясь к анализу смысловой структуры имени, называющего то или иное явление действительности, т.е. к изучению данных феноменов с точки зрения семасиологии, необходимо принимать во внимание все особенности системного и функционального характера, определяющие статус и специфику существования данной языковой единицы в качестве имени.

В «Словаре лингвистических терминов» приводятся следующие определения аббревиатуры: «1. (сложносокращенное слово). Слово, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания… 1. (инициальный тип сложносокращенных слов, акроним). Слово, образованное путем сложения начальных букв слов или начальных звуков» [Ахманова, 1966, с. 27]. Автор приводит целый ряд соответствующих примеров, поясняя принципы их создания и функционирования на основе дифференциации аббревиатур буквенных, звуковых, буквенно-звуковых [Там же]. Явление аббревиации справедливо может рассматриваться как четко выраженная современная тенденция развития языков. Вместе с возникновением новых понятий, которые отражают новые либо подвергшиеся новому осмыслению явления окружающей реальности, появляются языковые знаки, репрезентирующие данные процессы и представляющие собой в данном случае наиболее емкие и экономичные, направленные на оптимизацию коммуникативных взаимодействий всех уровней единицы языка. В исследованиях подчеркивается роль прагматического фактора в создании и широком употреблении сокращенных единиц, следования принципам языковой экономии, эмфазы, эвфемизации, политкорректности, проявляющихся в ряде функционально-прагматически обусловленных мотивами, потребностями, установками разновидностей аббревиатур, где в качестве основного фактора выдвигается прагматическая установка, служащая способом проявления

интенционального состояния, определенной ментальной направленности субъекта по отношению к действительности [Горшунов, 1999, с. 13].

Вместе с тем, следует отметить тот факт, что подвергающиеся в соответствии с различными структурно-содержательными моделями номинативные единицы далеко не всегда могут рассматриваться лишь как сумма семантических характеристик своих составляющих и способны к приобретению целого ряда собственных формальных и содержательных свойств. В ходе исследования языковедами выявлены такие трансформационные векторы в развитии аббревиатур, как изменения, связанные с приращением значений в сфере семантики единиц-дублетов исходных языковых структур-развернутых наименований. В процессе употребления аббревиатура может приобретать целый ряд различных коннотаций, а в некоторых случаях — новые семантические характеристики. Данная проблематика рассматривается учеными в следующих аспектах: выявление мотивационных характеристик возникновения новых созначений и смыслов, установление природы и типологии новых значений, установление специфики взаимосвязи между значениями исходной языковой единицы (прототипа) и новыми, приращенными значениями [Дюжикова, 1997; 2013].

Как известно, процесс аббревиации традиционно принято считать направленным на создание экономичных по форме, малозатратных по физическим и материальным усилиям эквивалентов для полнозначных единиц языка [Инфантова, 1976, с. 120]. Е.А. Дюжикова, автор исследования «Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты)» подчеркивает, что специфика данного сложносокращённого наименования определяется тем обстоятельством, что в некоторых случаях элементы аббревиатуры реализуются особым образом и в виде некоторого фрагмента исходной конструкции, выступающие в трансформированном виде, например, представляя собой только определенную часть данной конструкции [Дюжикова, 2013]. В данной трактовке автор следует за Е.С. Кубряковой, которая определяет аббревиацию как «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [Кубрякова, 1981, с. 71].

Исследователи приводят обоснование когнитивно-дискурсивного подхода к изучению процессов аббревиации, подчеркивая тот факт, что дискурсивная деятельность выступает как когнитивный процесс, связанный с оперированием со структурами знаний различных типов, появлением у человека новых знаний и оценок [Кубрякова 2001]. Развивая данный тезис, ученые обращают внимание на специфику осуществления когнитивного подхода к

изучению аббревиации, отмечая, что «когнитивный подход существенно отличается от других направлений тем, что он дает объяснение языковым явлениям (в том числе и процессу аббревиации) и находит его в особенностях творческого познания человеком окружающего мира. В отличие от ономасиологического направления, которое стремится отразить познавательные моменты в **номинативной** деятельности как процессе соотнесения языковых элементов слов с обозначаемыми объектами (предметами, признаками, событиями и т. п.), когнитивная лингвистика объясняет **особенности создаваемых в результате когнитивной деятельности структур знания,** которые объективируются в актах номинации. Каждая языковая единица рассматривается в когнитологии не только как носитель определенного «кванта знаний», а как облегченный ментальный «след» объекта» [Дюжикова 2013(1), с. 2]. Важно подчеркнуть, что оптимизирующие процессы, к которым относится и аббревиация, отражают особенности концептуализации и категоризации, представляющие систематизированное отражение мира в человеческом сознании [Александрова, 2016, с. 29]. Вместе с тем, дискурсивный аспект исследования в качестве одной из характеристик аббревиатур включает правила порождения (ввода) аббревиатуры в текст, с учетом данного функционального стиля, функциональных особенностей использования аббревиатуры [Дюжикова 2013(1), с. 3-4].

В процессе работы с материалом нами были проанализированы различные англоязычные аббревиатуры, привлекающие исследовательское внимание в том числе и с точки зрения своей социокультурной значимости. Следует обратить внимание в этой связи на такой важный фактор, как конвенциональность аббревиатур, исключительно быстро приобретаемое данными образованиями свойство в целом ряде ситуаций современного употребления. Одним из значимых параметров в этом плане является факт словарной фиксации аббревиатуры, что также позволяет прийти к заключению о частотности реализации того или другого сложносокращенного образования в определенном значении в случае нередко имеющей место омонимии [Вишнякова, 2017, с. 26]. Так, в англоязычных лексикографических источниках, как специального, так и общего, энциклопедического характера, аббревиатура BP получила подробное освещение. The Penguin Dictionary of Geography представлет читателю-пользователю словаря следующую информацию: “Before the present day, used as a measure of time to avoid the necessity of using BC (before Christ, i.e. in the year before the reputed date of the birth of Christ) or AD (Latin Anno Domini, in the year of our Lord, i.e. in the year since the reputed date of the birth of Christ) [The Penguin Dictionary of Geography, 2003]. В значительном количестве рассмотренных нами словарей аббревиатура BP представлена как способ языкового выражения зргонима British Petroleum. Например:

“BP - a British multinational oil and gas company headquartered in London. It is one of the world's seven oil and gas "supermajors", whose performance in 2012 made it the world's sixth-largest oil and gas company, the sixth-largest energy company by market capitalization and the company with the world's twelfth-largest revenue (turnover). It is a vertically integrated company operating in all areas of the oil and gas industry, including exploration and production, refining, distribution and marketing, petrochemicals, power generation and trading. It also has renewable energy interests inbiofuels and wind power” [BP. From Wikipedia, the free encyclopedia. Эл. ресурс].

Longman Dictionary of English Language and Culture содержит следующую информацию о данной языковой единице: “1. abbrev. for British Petroleum; a British company producing petrol and chemicals. In 1998 BP joined the US oil company Amoco to form BP Amoco, one of the largest companies in the world. 2. British Pharmacopoeia; a book listing drugs with their uses etc, as approved by the British medical bodies” [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2006]. Сетевой Оксфордский словарь проводит дифференциацию инициальных букв в зависимости от регистра и содержит следующие дефиниционные блоки: “bp1 - Biochemistry Base pair(s), as a unit of length in nucleic acid chains. Finance - Basis point(s). Boiling point; Bp2 – Bishop; BP3 – 1 Before the present (era). ‘18,000 years BP’; 2 Blood pressure; 3 British Petroleum, a large multinational oil company; 4 (indicating listing in the) British Pharmacopoeia” [English Oxford living dictionaries. Эл. ресурс].

В медицинском сетевом словаре представлены значения blood pressure; British Pharmacopoeia; bronchopleural; bronchopulmonary; boiling point, base pair [The Free Dictionary by Farlex. Эл. ресурс]. В этом же источнике представлен материал по декодированию аббревиатуры BP, заимствованный из Segen's Medical Dictionary (2012), также принадлежащий медицинской сфере репрезентации: Bachelor of Pharmacy, bacillary peliosis, back propagation, bacterial peritonitis, bacterial pneumonia, bacterial prostatitis, base pair, basic protein, bathroom privileges, bedpan, Bell’s palsy, bench press benefit period, benzoyl peroxide, binding potential, binding protein, blood pressure, bowenoid papulosis, breaking point, British Pharmacopoeia (Medspeak-UK), bullous pemphigoid [The Free Dictionary by Farlex. Эл. ресурс].

Аббревиатуры омонимического характера по формальному признаку встречаются в целом ряде специальных, профессиональных языков. Так, например, из области экономики и информатики могут приведены следующие образования, отражающие факт оптимальной прагматизации и минимизации человеческого общения [Вишнякова, 2011]: SMB (server message block), (small and medium business); SMP (shared memory processing), (symmetric multiprocessing); SMS (system management server), (short message service); UDF (uniqueness

database file), (universal disk format), (user-defined function); SAR (storage address register), (specific absorption rate); RMS (root mean square), (rights management service); PTT (post, telegraph, telephone), (push-to-talk); ABR (automatic baud rate detection), (available bit rate); ACC (automatic carrier control), (automatic color control), (automatic classification code); ACS (access control system), (asynchronous communication server); ADC (analog to digital converter), (adaptive data compression); ASP (active server pages), (application service provider); ASR (automatic speech recognition), (automated system recovery); ATL (ActiveX Template Library), (Adobe Type Library); MMS (Microsoft Merchant Server), (Multimedia Message Service) и др. [Ваулина, Рычков, 2005].

Совершенно очевидным является тот факт, что важнейшая роль в процессе дешифровки аббревиатуры принадлежит контексту ее употребления. Дискурсивные факторы выступают в качестве основных параметров коммуникативного и социокультурного плана в этом случае. Отмечается роль всех типов контекста, участвующих в актуализации языкового значения: собственно лингвистический и речевой контекст, ситуативный контексту, вертикальный контекст, а также имеющий исключительное значение когнитивный контекст, определяемый как «контекст знаний, отражающий весь познавательный опыт человека как отдельной личности (индивидуальный опыт познания мира) и как представителя определенных социума и культуры (коллективный опыт познания мира)» [Болдырев 2014: 119]. В этом отношении исключительно важным является тезис о том, что в основе коммуникативной компетенции человека, позволяющей ему осуществлять полноценный процесс общения с другими людьми и ориентироваться в мире в широком смысле, лежат коммуникативно релевантные знания, обусловливающие характер его дискурсивной деятельности. В данном случае речь идет о собственно языковых знаниях, с одной стороны, и о знаниях общих и специальных, а также знаниях коммуникативно-прагматического плана, знании социальных конвенций, знаниях, позволяющих ориентроваться в типах и форматах дискурса. Специалисты подчеркивают необходимость учета всех типов знаний в процессе коммуникации, конструирования и адекватной интерпретации высказывания: «Язык — это средство передачи мысли и как таковой выступает главным образом в виде своеобразной «упаковки». Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое. При этом ни один из типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение» [Герасимов, Петров, 1988, с. 6].

Среди проанализированных нами примеров одним из наиболее показательных в этом плане представляется аббревиатура MLE, которая получила распространение в целом ряде сфер употребления, со спецификой своей дишифровки: “What does **MLE** mean? We know **146** definitions for **MLE** abbreviation or acronym in **8** categories. Possible **MLE** meaning as an acronym, abbreviation, shorthand or slang term vary from category to category. Please look for them carefully“[1]. [What does **MLE** Stand For? Эл. ресурс.]. Обратимся к примерам из различных сфер употребления данной аббревиатуры: Mobile Logistics Element, missile launch envelope, mobile launcher equipment (вооруженные силы), microprocessor language editor (техника), Maximum Likelihood Estimates, оценка, полученная методом максимального правдоподобия (maximum likelihood estimate)(математика), Male (юриспруденция), Metropolitan Line Extension (телекоммуникации), maximum likelihood estimate, MultiLine Entry field (IBM, OS/2) (вычислительная техника), Manufacturing Logistics Engineering (фирменный знак), Media Lab Europe (СМИ), Mediated Learning Experience, managed learning (образование), maximum likelihood estimator (контроль качества), Multiple Line Encryption (безопасность), Male, Maldives (названия аэропортов) [Универсальный англо-русский словарь. Эл. ресурс].

Приведенные образования используются в языках для специальных целей (LSP), выступая как минимизированные по форме и семантически емкие, оптимизированные по содержанию единицы специального, терминологического характера. По составу данные структуры характеризуются присутствием элементов meta-, micro-, macro-, mid-, multi-, mio-, maximum, media, multiple, medical, motor, mobile, mode, model, функционирующих в качестве знаков-признаков принадлежности к сфере специального, профессионального общения: Mid-Latitude Ecosystem, Maximum Loss Expectancy, Mobile Launcher Equipment, Mobile Logistics Element, Meta Language Extension, Micro Leader Enterprises, Media Lab Europe, Multi Language Environment, Multi Level Education, Multi Link Encryptor, Model Learning Environments, etc. Некоторые реализации, имеют комплексный характер и могут содержать несколько уровней сокращений: MAGTF (Marine Air-Ground Task Force) Liaison Element, MLS Law and Economics (Master of Science in Legal Studies – MLS - and Economics), MEF (Marine Expeditionary Force) Liaison Element.

Возникновение аббревиатуры MLE (Multicultural London English) исследователи относят к 90-м годам прошлого века, что может быть подтверждено следующим контекстом:

1 What does **MLE** Stand For? URL: http://acronymsandslang.com/MLE-meaning.html (accessed 10/09/2016).

“**Multicultural London English** (abbreviated **MLE**) is a sociolect of English that emerged in the late 20th century. It is spoken authentically by working-class, mainly young, people in London (although there is evidence to suggest that certain features are spreading further afield)….

As the label suggests, speakers of MLE come from a wide variety of ethnic and cultural backgrounds, and live in diverse inner-city neighbourhoods such as Brent, Lambeth and Hackney. As a result, it is (arguably) regarded as a multiethnolect. One study was unable ‘‘to isolate distinct (discrete) ethnic styles’’ in their data on phonetics and quotatives in Hackney and commented that the ‘‘differences between ethnicities, where they exist, are quantitative in nature’’. In fact, they find that it is diversity of friendship groups that is most important; the more ethnically diverse an adolescent's friendship networks are, the more likely it is that they will speak MLE.

In the press, MLE is often referred to as ‘‘**Jafaican**’’, conveying the idea of ‘‘fake Jamaican’’, because of ‘‘popular belief’’ that it stems from ‘‘immigrants of Jamaican and Caribbean descent’’. However, research suggests that the roots of MLE are much more complex.Two Economic and Social Research Council funded research projects found that MLE has most likely developed as a result of Language contact and group second language acquisition. Specifically, it can contain elements from "learners’ varieties of English, Englishes from the Indian subcontinent and Africa, Caribbean creoles and Englishes along with their indigenised London versions (Sebba 1993), local London and south-eastern vernacular varieties of English, local and international youth slang, as well as more levelled and standard-like varieties from various sources”[Multicultural London English is not “Jafaican”. Эл. ресурс].

П. Керсвилл (Университет Ланкастера) [Kerswill P. Эл. ресурс] и другие исследователи отмечают его широкое распространение в пределах Лондона: “Over the past 30 years the world famous Cockney dialect, which has been spoken in London for more than half a millennia, has been transformed into a new hybrid language and dialect form called ‘Multicultural London English’ with the original Cockney facing extinction within its city of origin. This new hybrid, known in slang terms as ‘Jafaican’ is a mixture of elements of Cockney, Bangladeshi and West Indian. As a recognisable vocal reference point, it is most famously spoken by the rap star Dizzee Rascal.

At the same time the traditional Cockneys have moved out of the Capital and into surrounding regions of Essex and Hertfordshire, especially areas such as Romford and Southend, where the accent – and the culture - continues to thrive with many teenagers still proudly claiming their Cockney roots….

Cockney in the East End is now transforming itself into Multicultural London English, a new, melting-pot mixture of all those people living here who learnt English as a second language” [Lancaster University News Archive. Эл. ресурс]. В результате политики

мультикультурнализма общество и культура характеризуются новым состоянием, что нашло выражение в области специфики существования и развития английского языка: “Ever since the 1960s these areas of London have become home to immigrants from the West Indies, the Indian Subcontinent and many other places, from South America and Africa to Central Asia and the Far East. Some of these people spoke the kind of English typical of their original countries (such as Nigerian English or Indian English). Others couldn’t speak English, so children were speaking their native language at home but were learning English at school. This means that children were no longer learning their English dialect from local Cockney speakers, but from older teenagers who themselves had developed their English in the linguistic melting pot. Out of all this, the new English which we call Multicultural London English emerged, most likely in the 1990s, and this is the new sound of Inner-City London which we hear today” [Там же].

Как нами было показано в передыдущих исследованиях, что значимость данного феномена, называемого исследователями, по аналогии с именем самого явления, относящегося к области мультикультурализма, «мультиэтнолектом» ('multiethnolect') [Cheshire, Nortier, Adger, 2015], обусловливает частотность употребления его языкового резепрезентанта [Вишнякова, 2017, с. 30]. Комплексный характер данной языковой единицы, обусловленный присутсвием составляющей с компонентом multi- (multicultural), также может рассматриваться в качестве индикатора тенденции подобных единиц к сокращению. Номинация Multicultural London существует в сознании носителей английского языка как хорошо известная культурная реалия, обладающая прозрачной смысловой структурой и полноправным статусо*м* в лингвокультуре. Рассматриваемый языковой знак характеризуется наличием определенного культурного опыта, являющегося источником формирования оценочных суждений и приобретения возможных созначений в результате содержательных трансформаций [Вишнякова, 2015]. Вместе с тем, вопрос о приращении смыслов, в данном случае — на основе сильного влияния со стороны экстралингвистических — социокультурных факторов, в данный момент лишен оснований, хотя в ряде источников и высказываются предположения о возможности предполагаемой синонимизации MLE с вариантом, называемым Jafaican (fake Jamaican). Так, например: “**Jafaican** is slang for **Multicultural London English**, a dialect spoken in the inner city of London which has a fair amount of Carribean influence thanks to the city’s**West Indian** population. The accompanying accent is marked by vowels that are more “conservative” than those in **Cockney** or other types of London English.* This makes “Jafaican” speakers coincidentally sound more like **Northern English accents** to my American ears, although I admit this is totally impressionistic” [Multicultural London English is not “Jafaican”. Эл. ресурс].

Специалисты-филологи характеризуют MLE как закономерное социокультурно обусловленное явление и подчеркивают высокий статус данного этносоциолекта как средства общения между различными этническими и социальными молодежными группами: “Language changes, it's inevitable, and the more communication happens in a concentrated urban area (e.g. London), and the more mixing there is from multiple languages and dialects and learners of English from all over the world (including majority white countries like Australia, for all you racists out there), the faster a language changes. It's human, and it's absolutely beautiful, and if you think otherwise then I think you're probably missing out on a lot of the great things in life“[Там же]; “In fact, they find that it is diversity of friendship groups that is most important; the more ethnically diverse an adolescent's friendship networks are, the more likely it is that they will speak MLE”[Cheshire et al., 2008]. Аббревиатура MLE, несмотря на факт формального совпадения с целым рядом других, идентичных по форме сокращений, обретает широкое признание в пространстве английского языка и вследствие своих особенностей может служить речевой характеристикой, выступающей как социокультурно обусловленный семиотический признак представителей определенных социальных и этнических групп.

В процессе употребления сокращенных наименований в целях оптимизации сообщений реализуется принцип экономии языковых средств, что обусловливает более рациональное использование языковых и экстралингвистически значимых ресурсов. Аббревиатура выступает как обладающий определенной спецификой языковой знак, с одной стороны, и как определенный знак-признак, выполняющий роль индикатора состояния индивидуального и группового сознания, - с другой. С появлением новых коммуникационных технологий все более очевидным оказывается факт, что как несущий культурную информацию вербальный знак [Вишнякова, 2015] аббревиатура обладает способностью передавать информацию о тенденциях в области изменения когнитивных состояний (внимания, памяти, а также специфических особенностей реализации когнитивного стиля), отражающих стремление к оптимизации сообщений [Crystal, 2009], что подтверждается данными исследований в области сетевой коммуникации [Вишнякова, 2011].

Как уже отмечалось, явление аббревиации может рассматриваться как четко выраженная тенденция развития современных языков. Английский язык представляет собой один из наиболее ярких примеров, как вследствие своих собственно лингвистических особенностей (проявление аналитизма, семантическая ёмкость наименований, сочетание имплицитности/эксплицитности на уровне значений, стремление к оптимизации), так и в результате функционирования в качестве средства межкультурного общения [Тер-Минасова, 2008], в том числе - в различных своих разновидностях в англоязычном лингвокультурном социуме.

Литература

Александрова О.В. Изменения в языковой системе в условиях экономической и социокультурной глобализации//Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Второй Международный научный семинар, 24 апреля–30 апреля 2016 года. Чешская Республика, Австрия. Сборник статей и научных сообщений. Пльзень: University of West Bohemia in Pilsen, 2016. С. 26-33.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире//Вестник Челябинского государственного университета. 2014. Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118-122.

Ваулина Е.Ю., Рычков В.Н. Термины современной информатики: программирование, вычислительная техника, Интернет. Англо-русский, русско-английский словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3-29.

Вишнякова Е.А. Аббревиация как область неологии//Сборник научных и учебно-методических трудов. Вып. 14. Под общ. Ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. М.: «КДУ»; «Университетская книга», 2017. С. 22-35.

Вишнякова Е.А. Интернет как область лингвистического моделирования (на материале английского языка)//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). Вып. 9. С.112-119.

Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума// Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50-66.

Герасимов В.И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: 1988. С. 5-11.

Горшунов Ю. В. Прагматика аббревиатуры. Дисс. … докт. филол. наук. М., 1999.

Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты). Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013.

Дюжикова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка). Дисс…докт. филол. наук. М., 1997.

Дюжикова Е.А. Функции аббревиатур в свете когнитвно-дискурсивной парадигмы (на материале английского языка)//Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013 (1). № 3. Лингвистика. С. 1-10. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/419 (accessed 26.03.2018).

Инфантова Г. Г. Об экономии в языке // Филологические этюды. Языкознание. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1976. Вып. 2. С. 120.

Универсальный англо-русский словарь. URL: http://translate.academic.ru/MLE/en/ru/ (accessed 04/10/2017)

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Кубрякова Е.С. Четверть века на кафедре лексикологии//Английский лексикон в когнитивно-дискурсивной парадигме: Сб. науч. трудов. М.: МГЛУ, 2001. С. 5-9.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: СЛОВО/SLOVO, 2008.

BP. From Wikipedia, the free encyclopedia. Electronic resource. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/BP (accessed 25.10.2017).

Cheshire J., Fox, S., Kerswill P., Torgersen E. (2008). Ethnicity, friendship network and social practices as the motor of dialect change: Linguistic innovation in London //Sociolinguistica. 2008. #**22** (1). Pp. 1–23.

Cheshire J., Nortier J., Adger D. Emerging Multiethnolects in Europe" (PDF). Queen Mary Occasional Papers in Linguistics. 2015. #4. URL: http://linguistics.sllf.qmul.ac.uk/linguistics/404.html (accessed 04.01.2017)

Crystal D. Txtng. The Gr8 Db8. Oxford University Press, 2009.

English Oxford living dictionaries. Main definitions of bp in English: bp1 Bp2 BP3. Electronic resource. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/Bp (accessed 21.10.2017).

Kerswill P. Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of Multicultural London English. URL: http://www.biling.su.se/polopoly_fs/1.91795.1339483992!/Kerswill_110111.pdf (accessed 14.09.2017).

Lancaster University News Archive. University of Lancaster press release 2010. URL: http://news.lancs.ac.uk/Web/News/Pages/D47105465E6D082B8025775300374D2E.aspx (accessed 14.09.2017)

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Pearson Education, 2006.

Multicultural London English. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Multicultural_London_English (accessed 01.10.2017)

Multicultural London English is not “Jafaican”. URL: http://dialectblog.com/2011/06/08/jafaican/(accessed 07/10/2017)

The Free Dictionary by Farlex //Online Language Dictionaries. Electronic resource. URL: http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/BP (accessed 16.10.2017).

The Penguin Dictionary of Geography/ by Audrey N. Clark. Penguin Books Ltd, 2003.

1.3. РАЗНООБРАЗИЕ ТЕРМИНОВ ПО ТЕМЕ «СОКРАЩЕНИЕ СЛОВ»: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В настоящем разделе представлены результаты сопоставления терминов по теме «сокращение слов» из исследований российских и зарубежных авторов. Для этой цели были проанализированы англоязычные и русскоязычные информационные источники. Исследование проводилось на базе авторитетных англоязычных и русскоязычных словарей. Была проверена семантика терминов, подобраны синонимы. По результатам исследования, были верифицированы многократно цитируемые английские и русские термины. Уточненный перечень представлен в виде таблицы. Основу таблицы составляют восемнадцать терминов на английском языке. В таблице также представлены их соответствия на русском языке, примеры и синонимы; приводятся ссылки на источники информации. Проведенный анализ позволил дополнить англоязычный список из монографий В.Е. Абрамова и Ю. А. Хуснуллиной, В.В. Борисова, Е.А. Дюжиковой. С другой стороны, в статье выявляются терминологические неточности из перечней терминов по данной теме из работ российских авторов, а именно словоформы: anagram «анаграмма», curtailment, abecedism и trunk-word. Данные словоформы не вошли в итоговую таблицу. Результаты анализа позволят избежать в дальнейших исследования повторения ошибочных представлений по данной терминологической системе в работах российских авторов.

Ключевые слова: термины, сокращение слов, верификация, семантика терминов, синонимы

VARIETY OF TERMS ON THE TOPIC “SHORTENING OF WORDS”: VERIFICATION OF CONCEPTS

Abstract. The paper deals with presenting comparisons of terms on the topic “shortening of words”, used in papers of Russian and English authors. The article focuses on analysis of both English and Russian information sources. The data are based on both English and Russian dictionaries with semantics of terms verified and their synonyms given. As a result of the survey the English and Russian terms which are often referred to in papers of Russian authors are analysed and the final list is presented in the form of a table. Eighteen English terms bear the basic information on the topic “shortening of words”. The table also includes examples of usage and synonyms to the basic terms. The analysis results are supported by corresponding references. The article discovers that the terms in the works by such Russian authors as V.E. Abramov, E.A Dyuzhikova, Yu.A. Husnullina, V.V. Borisov need to be complemented with a few more word-forms. On the other hand, such word-forms as anagram «анаграмма», curtailment, abecedism and trunk-word are not to be further used as irrelevant to the topic “shortening of words. A more exact list of terms has been compiled and it is believed that the results of the investigation shall promote to exclude further repetition of the incorrect notions on the topic of “shortening of words”. The

results of the study shall contribute to avoid repetition of incorrect terms in works of Russian authors.

Key words: terms abbreviation, verification, semantics of terms, synonyms

Создание сокращений – заметно активизировавшийся в наши дни процесс. Причинами для употребления и производства сокращений являются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Стремление английского языка к моносиллабизму можно указать в качестве одного из фундаментальных движущих факторов [Балли, 1955; Арнольд, 1973]. Принцип экономии языковых средств и речевых усилий разрабатывался известными учеными [Мартине, 1965; Балли, 1955; Поливанов, 1968; Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Этот принцип проявляется в виде стремления к сокращению материальной оболочки высказывания или отдельного слова, что позволяет экономить не только время воспроизведения языковой единицы, но и речевые усилия.

Вопросы аббревиации, несмотря на наличие основательных исследований, посвященных изучению процессов сокращения слов, продолжают привлекать внимание языковедов, которые единодушно отмечают существование нерешенных проблем. В работах по этому направлению лингвистики встречаются многочисленные термины. Для задач нашего исследования приведем определение термина, данное Суперанской А.В. и др. Термин – это «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; основной понятийный элемент языка для специальных целей; для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного научного определения) [Суперанская, 1989, с.14].

В монографиях Е.А. Дюжиковой «Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты)», В.В. Борисова «Аббревиация и акронимия» и В.Е. Абрамова, Ю.А. Хуснуллиной «Коммуникативная аббревиация компьютерного дискурса» почти без изменений (в монографии В.Е. Абрамова, Ю.А. Хуснуллиной отсутствует слово telescope) перечисляются два десятка разнообразных терминов, которые встречаются в англоязычных исследованиях: abbreviation, abecedism, abridgement, acronym, alphabetic word, anagram, blend, clipping, contraction, curtailment, elliptical word, incomplete compound, initialism, logogram, protogram, shortening, stump-word, telescope, trunk-word и др.]. По мнению авторов, они обозначают разные типы аббревиаций [Дюжикова, 2013, с. 74; Борисов, 1972, с. 90; Абрамов, Хуснуллина, 2012, с. 26]. Из этих понятий выстраивается англоязычный терминологический аппарат для описания современных словообразовательных процессов, неразрывно связанных с сокращением слов. Не менее неопределенной можно считать ситуацию с русскоязычными терминами.

В исследованиях российских ученых по теме «сокращение слов» также встречаются многочисленные словоформы. Представляется важным мнение В.Е Абрамова, который констатирует наличие нерешенных проблем, обусловленных отсутствием дефиниций для подобного широкого спектра специальных понятий. В.Е. Абрамов особо выделяет, что наличие многочисленных терминов для определения сокращенных лексических единиц в русскоязычных работах: а именно, «аббревиатура», «сокращение», «акроним», «усечение», «сложносокращенное слово», «инициализм», «контрактура», «суспензия» - затрудняет получение однозначного ответа на вопрос, идет ли речь об одном виде сокращения, которое определяется разными терминами или же разные сокращения описываются одним и тем же термином [Абрамов, 2012, с. 25].

Представляется интересным метафоричное высказывание Г. Шухардта о пагубности терминологической неопределенности: «Неясность терминологии оказывает такое же влияние на исследование, как туман оказывает на мореплавателя. Но она даже опасней, потому что люди обычно не подозревают о ее существовании» [Spitzer, 1938, S. 158]. Нельзя не согласиться с подобным метким замечанием, особенно если учесть, что помимо уже перечисленных выше, в работах российских исследователей встречаются также следующие слова: слияние, вставочное словообразование [Соколенко, 1965], слова-слитки [Хахам, 1968; Мурадян, Колесниченко, 1983], слова-стяжения. слова-гибриды [Костюков, 1967], слова-портмоне [Заботкина, 1989], стяжения (О.Есперсен) [Хомяков, Коровушкин, 1984], слова-чемоданы [Кэрролл, 1966] слова-омонимы [Ахманова, 1966], [Гальперин. 1979], слова-спайки [Амосова, 1958], гаплологические телескопические неологизмы (телескопы) [Тимошенко, 1976], телескопческие слова [Борисов, 1972], универбы [Райлен, 1983; Шевчук, 1984] словосложения-сокращения. инновации [Мостовой, 1973], алфабетизмы [Ярмашевич, 2004; Дюжикова 2013, с.74-75].

Для обоснования важности анализа понятий по теме «сокращение слов» резюмируем, что некоторые термины в работах по лингвистике, а в исследованиях по медицине или из другой области знания - выглядят достаточно курьезно, хотя подобный широкий спектр названий свидетельствует о том незатухающем внимании, которым пользуется этот один из самых главных, наряду с аффиксацией, префиксацией, конверсией, способов словообразования. Понятно стремление каждого автора к словотворчеству, особенно при условии отсутствия универсального термина, предположим, «abbreviation» (англ. яз.) – «Abbreviatur» (нем. яз.) – «abréviation» (франц. яз.), русскоязычный «аббревиация». Как результат, появляются экзотические термины: «слова-слитки», «телескопические неологизмы (телескопы)», «слова-чемоданы», «слова-портмоне»; часто буквализмы с иностранных наименований для

данного универсального процесса словообразования: blend, telescope, trunk-word, portmanteau word.

Принятая нами за основу позиция А.В. Суперанской в том, что специальная лексика, составляющая основу терминологического аппарата в какой-то специальной области, требует точности – понятна, но одновременно существует отличающееся мнение по этому вопросу С.Д. Шелова, который предпринял попытку доказать, что «условие точности, строгости обозначаемого понятия (или его определения) не является необходимым; условие наличия дефиниции (определения) обозначенного языковым знаком понятия является достаточным, но не обходимым»; и, наконец, «не является необходимым требование системности термина» [Шелов, 2003, с. 265-266]. Однако отметим, что, на наш взгляд, подобный несистемный подход только осложняет изучение данного явления. Особенно с учетом наличия в лингвистических исследованиях перечисленных выше многочисленных словоформ по теме «сокращение слов» как на английском, так и на русском языке.

Присоединимся к мнению Дюжиковой Е.А. в том, что представленный в монографии перечень не является окончательным. В известном смысле его можно изменить или дополнить, а также расширить. Поскольку авторитетными учеными ставится под сомнение целесообразность и адекватность, точность и строгость терминологии [Шелов, 2003, с. 265-266], а также в условиях множественности словоформ по теме «сокращение слов», настоящая работа ставит своей целью уточнить понятийные элементы, упомянутые в научных исследованиях, а также ответить на поставленный В.Е. Абрамовым вопрос и определить, описывают ли разные термины разные виды сокращений или же разные сокращения описываются одним и тем же термином. Для этой цели проводится анализ на основе англоязычных и русскоязычных справочных изданий. Прежде всего из списка в монографиях, руководствуясь соответствующей словарной статьей «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др., на наш взгляд, следует исключить термин anagram - «анаграмма», который обозначает «изменение порядка следования звуков в слове, образующее новое слово. Например, русск. бук – куб; англ. act – cat».[2] В подтверждении данного тезиса уточним, что термин «анагра́мма» имеет греческое происхождение от ανα- — «пере» и γράμμα — «буква». В основе этого литературного приёма лежит перестановка букв или звуков определённого слова (или словосочетания). Как видно из примеров, в результате подобного действия из всего

2 Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 9000 терминов. Изд-е 2-е, испр. и доп. /, 2003 – С. 19.

исходного набора букв образуется слово. Это явление широко изучалось А.В. Пузыревым [Пузырев, 1995]. Построение анаграмм не связано с сокращением слов или словосочетаний в рамках словообразовательных процессов, поэтому включение этого термина в список терминов по теме «сокращение слов» можно считать ошибочным.

В целях исследования семантики ключевого термина abbreviation рассмотрим синонимию по данным англоязычных лингвистических и общеязыковых словарей.

В “Oxford Concise Dictionary of Linguistics” П. Мэтьюса приводятся три лексические единицы, синонимичные термину abbreviation. Это acronym, blend, clipping.[3] В кратком тезаурусе “The Oxford Compact Thesaurus” Л. Урданга в число синонимов термина abbreviation входят следующие слова: initialism. acronym, shortening, contraction. Их значения раскрываются в этой же словарной статье на примерах: “UK is one kind of abbreviation or initialism”; “NATO, which is pronounced as word, is another, usually called an acronym” [4].

Исследование терминов, причисляемых к теме «сокрашение слов» продолжим, и проанализируем семантику слова curtailment. Значение словоформы curtailment раскрывается в полном объеме в словарной статье из “Longman Dictionary of Contemporary English”, где curtailment приводится как имя существительное от глагола curtail, использующего в сфере формальной коммуникации в случае уменьшения чего-либо, например, денежной суммы: “The Government wants private firms to curtail wage rises”[5]. Таким образом, семантика этого слова не несет в себе значения сокращения уже известных слов и словосочетаний с целью образования новых языковых знаков. По этой причине данная словоформа в итоговую таблицу не вошла.

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др. представлены следующие термины по данной теме: abbreviation,

3 Matthews P.H, .(Peter Hugoe) “Oxford Concise Dictionary of Linguistics”. Oxford. Oxford University Press. 1997. C. 1..

4 Urdang Laurence The Oxford Compact Thesaurus. Oxford, Oxford University Press. 1997.

5 Longman Dictionary of Contemporary English. Editorial director Adam Gadsby. Third edition. Longman Dictionaries. 1995. P. 337.

abridgement, acronym, alphabetic acronym, aphaeresis (apheresis), apocope, blend, clipped form, contraction, logogram, logograph, shortening, syncope. portmanteau(-) (word), telescoped word.

Исследование авторитетных англоязычных словарей “The Historical and Comparative Linguistics” и “Key Concepts in Language and Linguistics” по проблеме «сокращение слов» продемонстрировало наличие словарных статей из терминов: abbreviation, abridgement, acronym, alphabetic word, aphaeresis (apheresis), apocope, blend, clipping (clipped form), contraction, elliptical word (ellipsis), initialism, logogram, logograph, shortening, syncope, stump word, telescope, portmanteau word. Интересно отметить, что в англоязычных словарях не было найдено словосочетание alphabetic acronym из «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др. Значение этой словоформы не вызывает трудностей для понимания, в словаре приводятся соответствия – «акроним», «буквенное сокращение», «буквенная аббревиатура». Будем считать alphabetic acronym синонимичным словосочетанием для alphabetic word**.** С другой стороны, в «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского и др. отсутствуют несколько словарных статей. Например, термин stump word из перечня Е.А. Дюжиковой или stump compound из англоязычного словаря ‘The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics’, в котором stump compound рассматривается как термин для словоформ, образованных из произвольного сочетания начальных слогов двух или более слов, например, sci-fi = science fiction, sitcom = situation comedy; синонимы clipped form, blend. [6]

Термин initialism в “The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics” описан как термин для слов, составленных из инициалов (начальных букв) значимых слов из словосочетаний с аналогичными значениями. В отличии от акронимов, данные словоформы не произносятся как одно слово, а читаются по буквам, например, BBC = British Broadcasting Corporation[7]. Требуется пояснить термин protogram из списка, часто встречающегося в работах российских авторов. В “The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics” указано, что префикс proto- свидетельствует о принадлежности к праязыку.[8] В перечисленных англоязычных и русскоязычных словарях термин protogram не встречается.

6 Trask R.L.(Robert Lawrence The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics. Chicago, Illinois. Fitzroy Dearborn Publishers. 2000. P. 327.

7 Там же P. 166-167.

8 Там же P. 266.

Слова abecedism и trunk-word в исследованных лингвистических и общеязыковых словарях также не были найдены**.** Эти словоформы не были включены в итоговую таблицу.

Таким образом, резюмируем: сопоставление словарных статей позволило установить соответствия между английскими и русскими терминами и сделать соответствующие выводы относительно терминологической системы по теме «сокращение слов». Результаты исследования, на наш взгляд, достаточно убедительные - представлены в таблице:

Англоязычный термин	Перевод	Синоним, примеры	Словарная статья
abbreviation I-	аббревиация		Баранов 2003:1 Hartmann 1972:1
abbreviation II	аббревиатура сокращение		Баранов 2003:1
abridgement	сокращенное слово, сложносокращенное слово	shortening	Баранов 2003: 2 Longman 1995:4
acronym	акроним, инициальная аббревиатура	abbreviationII	Баранов 2003:5 Trask 2000:7
alphabetic acronym (alphabetic word)	акроним, буквенное сокращение, буквенная аббревиатура	acronym	Баранов 2003:17
apheresis (aphaeresis)	аферезис, афереса падение начального звука/слога, усечение инициальной части	phage = bacteriophage (бактериофаг), skite = blatherskite (трепло австрал.)	Баранов2003:24 Trask 2000:23
apocope	апокопа, усечение звуков. морфем, утрата конечного звука или звуков слова	amb = ambulance, fab = fabulous, rev = revolution склиф, универ	Баранов2003:24 Trask 2000:24
blend I	слово-гибрид, скобочная форма; сложное слово с опущенным серединным компонентом в	brunch = breakfast+ lunch), smog = smoke + fog; motel = motor + hotel; skyjack= sky + hijack; Chunnel = Channel +	Баранов2003:42 Trask 2000:43

	результате соединения частей двух других слов	tunnel син. telescoped word	
clipped form (clipping)	апокопированная форма, усеченная форма	doc = doctor син. apocope	Баранов2003:58 Trask 2000:59
contraction	стяжение (грам) укорочение словоформы, отображаемое на письме апострофом	I’ve come = I have come	Баранов2003:85 Trask 2000:73
elliptical structure, ellipsis	эллиптическая структура		Баранов2003:122 Trask 2000:102
incomplete compound	сложносокращенное слово		Дюжикова 2013:74
initialism	буквенное сокращение, читается по буквам	BBC = British Broadcasting Corporation acronym	Trask 2000:166
logogram	логограмма, графическое сокращение	син. logograph, graphic abbreviation, ideogram, pictogram	Баранов 2003:218
portmanteau(-) (word),	скобочная форма; сложное слово с опущенным серединным компонентом	син. blend, telescoped word	Баранов 2003:277 Trask 2000:259
shortening	сокращенное слово, сложносокращенное слово	abridgement	Баранов2003:325 Trask 2000:309

stump compound (stump word)	сокращение из произвольного сочетания начальных слогов двух или более слов	sci-fi = science fiction; sitcom = situation comedy син. clipped form, blend	Trask 2000:327
syncope	синкопа, стяжение; сокращение слова в результате выпадения середины слова или промежуточного гласного	regs = regulations, telecoms = telecommunications Иваныч = Иванович,	Баранов2003:350 Trask 2000:333
telescoped word	скобочная форма (структура); сложное слово с опущенным серединным компонентом	smog = smoke + fog glitterati = glitter + literati син.portmanteau(-) (word), blend	Баранов 2003:356 Trask 2000:341

Результаты проведения верификации терминов по теме «сокращение слов», на наш взгляд, позволят избежать повторения ошибочных представлений по данной терминологической системе в работах российских авторов. На основе информации из справочных источников перечень терминов в работах российских лингвистов был уточнен и ограничен восемнадцатью словоформами.

Литература

1. Абрамов В.Е., Хуснуллина Ю.А. Коммуникативная аббревиация компьютерного дискурса; монография / В.Е. Абрамов, Ю.А. Хуснуллина. Самара: ИУИЛ ПГУТИ- 2012. – 140 с.

2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.:, Воениздат, 1972. – 320 с.

3. Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты) : монография / Е.А. Дюжикова; вступительная статья Е.С. Кубряковой.- Одинцово: АНОО ВПО «ОГИ», 2013.- 320 с.

4. Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. / А.В. Пузырев; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Пенз. гос. ед. ун-т им. В.Г. Белинского. – М.; Пенза: ПГПУ, 1995. – 377 с.

5. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989.
6. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.
7. Schuchardt-Brevier H. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft Ed. by L. Spitzer [Text] / H. Schuchardt-Brevier. Halle, 193. P. 334

1.4. ОТ ЗНАНИЯ СТРУКТУРЫ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА ДО БОЛЕЕ ВЫСОКИХ УРОВНЕЙ ЕГО ПОНИМАНИЯ

Аннотация. Цель настоящего исследования - описать то, как неизвестные для студентов понятия о структуре текста, инструкции, объясняющие концепции структуры текста, а также виды деятельности, развивающие знания о структуре текста, «обогащают» стратегии понимания в процессе чтения и способствуют более качественному восприятию и пониманию современных медийных текстов студентами-бакалаврами университета, специализирующимися в области международных отношений с уровнем английского B2-C1.

В разделе представлены понятия о структуре текста в терминах психолингвистики, разрабатываемые в экспериментальном курсе, которые могут быть неизвестны студентам, занимающимся по программе «Английский в специальных целях». Исследование вводит понятие «инструкции, объясняющие структуры текста», которое помогло объяснить концепции структуры текста и определить виды деятельности, связанные с этими концепциями, что дополнило стратегии понимания в процессе чтения. Соотношение между видами деятельности, связанными со структурами текста, и стратегиями понимания представлены в таблице для того, чтобы проиллюстрировать, какие виды деятельности, объясняющие концепции структуры текста, дополняют стратегии понимания в процессе чтения и формируют знание структуры медийного текста у обучаемых.

Исследование также описывает характеристики медийных текстов, взятых из источников зарубежных СМИ, и определяет три основных уровня понимания медийного текста у обучаемых: уровень ограниченного понимания или уровень фрустрации; уровень частичного понимания в процессе чтения или обучающий уровень; и уровень полного понимания в процессе чтения или независимый уровень. Экспериментальные исследования, полученные и представленные в таблице, подтверждают, что формирование и закрепление знаний о структуре медийного текста и эффективных стратегий понимания во время экспериментального курса повысило точность понимания медийного текста у студентов университета , занимающихся по программе «Английский в специальных целях», и доказало эффективность данного подхода.

Ключевые слова: знания или информация о тексте; инструкция, объясняющая структуру текста; виды деятельности, связанные с объяснением структуры текста; стратегии понимания в процессе чтения; медийный текст; уровни понимания; экспериментальное обучение

FROM MEDIA TEXT STRUCTURE AWARENESS TO HIGHER READING COMPREHENSION LEVELS

Abstract. The current research traces the way the text – structure knowledge (TSK) and text-structure instruction (TSI) as well as TSK related activities "enrich" reading comprehension (RC) strategies and contribute to better perception and understanding contemporary media texts by B2-C1 level university students seeking bachelor's degree and majoring in International Relations studies.

The paper presents notions of text structure in terms of psycholinguistics presumably unknown to ESP students that were developed in the experimental course. The research incorporates the notion of text structure instructions (TSI), which was instrumental in introducing the concepts of text structures and designating the TSK related activities , which complemented the RC strategies. The correlation between the TSK related activities and RC strategies are submitted in the table to illustrate what activities supplement RC strategies and build reading comprehension awareness of media texts in learners.

The research also features characteristics of media texts taken from the foreign mass media resources and specifies three major comprehension levels in learners such as limited or frustration RC level; partial or instructional RC level and full or independent one. The experimental studies obtained and submitted in the table confirm that raising text-structure awareness and consolidating effective reading comprehension strategies in the experimental course increased the accuracy of media text comprehension in ESP University students and proved the efficiency of this approach.

Key words and phrases: text - structure knowledge (TSK), text-structure instruction (TSI), TSK related activities, reading comprehension strategies, media text; comprehension levels, experimental studies

The goal of this paper is to present the impact of the regular usage of text structure knowledge (TSK) and text structure instructions (TSI), as well as text structure knowledge related activities (TSK related activities) on the reading comprehension (RC) strategies and higher comprehension levels in the ESP reading class with senior university students seeking bachelor's degree in the course of five semesters from 2014 till 2017. We presumed that the regular usage of the text – structure knowledge (TSK) and text-structure instruction (TSI) along with TSK related activities could build the text structure awareness in University students in ESP class, thus, boosting their reading comprehension levels. A few series of experiments were held in 7 groups of 154 students during several semesters of 2014-2015, 2015-2016 including the autumn semester of 2016-2017.

Media texts from foreign mass media resources were implemented on a regular basis alongside with the conventional textbooks recommended by the syllabus.

What is the text structure knowledge and why is it important to obtain higher comprehension levels while reading? Text structure refers to the ways authors organize the information in the text. Teaching students to recognize the underlying structure of content-area media texts can help them focus attention on the key text concepts and relationships anticipate and monitor their comprehension as they read. Several researchers of reading comprehension stand in favor of the text structure knowledge and research the different aspects of the TSK. Some of them have indicated that readers' awareness of different types of text structure has been a useful strategy for better comprehension. M. Heydari and Dr. Ghazali M., for example, consider the text structure awareness to be a useful strategy for better comprehension and another look at reading comprehension strategy in L2 class [Heydari, Dr. Ghazali, 2009, p.254-258]. Students proficient in reading use awareness of text patterns to understand key points of the text. When they are asked to recall what they have read, their summaries reflect the text organization. However, less experienced readers, apparently unaware of text structures, have difficulty organizing and prioritizing text information [Heydari, Dr. Ghazali, 2009, p.254-258].

The number of researchers supports the significance of TSK for learners and highlights its link with the text comprehension. Pearson P.D. & Duke N.K. maintain that 'tutors play an important role in assisting students to develop reading comprehension strategies including expository and narrative text structure awareness' [Pearson & Duke, 2002, p.247-258]. Carrel P.L. highlighted the association between the effects of text-structure knowledge and higher proportion of text concepts students could considerably recall [Carrel, 1984, p.441-449]. Meyer B.J.E., Brandt D.M., & Bluth D.J. uphold that readers who are unaware of the text structures are at a disadvantage because they do not approach reading with any type of reading plan [Meyer, Brandt, & Bluth , 1980, pp.72-103]. However, readers who are familiar with text structures expect the information to unfold in certain ways. The effects of exploring text-structure information were researched by Horiba Y. as well as Salager-Meyer E. [Salager-Meyer, 1991, p. 645-662]. Horiba's study confirmed that "both low and high-proficiency readers sensed the significance of the structural variables in text coherence building, which let them incorporate them in their mental model construction". [Horiba,1990, p.188-202]. Similarly, Salager-Meyer determined that 'text-structure variables …affect comprehension among ESL learners with varying proficiency' while reading specific, conceptually demanding texts [Salager-Meyer, 1991, p. 645-662]. Viewed as a whole, the findings offer strong support for the conviction that TSK account for diverse impact on reading comprehension of both high- and low-proficiency learners.

In the course of teaching integrated reading and writing skills it was found out that the number of tasks in the contemporary textbooks ran short of some sort of knowledge or explanation that would make their performance easier for students. For example, such activities as “Read the text and answer the questions below” in a multiple –choice test [Upstream, p.74,]; or “Which paragraph would you look at to find this information” [Language for Study, p.61]; or: “Choose the correct heading for each paragraph from the list of headings below” [IELTS Practice Test, p.140].or: “Complete each sentence with the correct ending A-G from the box below” [IELTS Practice Tests Plus 2, p.124]; or: “Write a summary of the text above” [English for Experts in International Relations, 2006, p.296, 430, 517] pose the problem, but do not provide its solution as the clarification of TSK concepts is missing from the textbooks and study-guides. For this reason, learners need special instruction in the greater part of cases and are quite often unable to find the support to the reply in a multiple-choice test; they make the wrong choice of the headings in the matching exercises as they cannot find the proper topic sentence in the paragraph or match it with the headline in question, nor can they figure out **why** they have chosen this or that paragraph for the specific information. In addition, students write summary to the text having no specific knowledge of the text structures and do it reflexively bearing no clear instructions in mind. Consequently, we presumed that both explicit and implicit text structure knowledge could be quite essential for the students, as on the one hand, it sets up the knowledge innovative for the ESP students and breaks the traditional mode of perceiving the new textual information, on the other hand, it can raise the levels of any text comprehension, including media texts.

All opinions considered, to perform the experimental research we had to clearly identify the text structure knowledge (TSK), by which we understand an array of concepts of psycholinguistics, which deals with both directly and indirectly stated textual information, its organization and segmentation, as well as its key concepts the awareness of which ensued higher RC levels in university students. We maintain that the text structure knowledge focuses on both methodological and psycholinguistic concepts. Treating the text as the unity of both external and internal structures we implicitly incorporated the standards of text linguistics, a branch of linguistics that deals with texts as communication systems, into our experimental series.

Among the seven “standards of textuality” [Beaugrande and Dressler, 1981, p.63] such as cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informatively, situationality and intersexuality we consider cohesion which focuses on the ways in which the components of the “surface” or directly-stated text information are linked within a sequence, and coherence which relates to the ways in which textual concepts and relations are connected to each other and used to achieve efficient discourse communication to be the most essential ones for our research. The text coherence also deals with text integrity and refers to the text specificity levels, distinguishing between the general and specific

information of several textual rungs. For this reason, we experimentally singled out several TSK concept groups the grasp of which could help raise students' text structure awareness. In our case they are various media text patterns: sequencing or narrative text (time –order pattern); expository text as a list of characteristics, comparison and contrast texts; cause-and-effect relationship text pattern and problem solution text pattern [Bossone, 1979, p. 29-30]. which can manifest themselves in argumentation as well as expository and narrative texts respectively; text hierarchy or the information of the first, second, third, etc. rungs; text segmentation and its units: directly stated vs. implied information; subtitle; controlling idea; topic sentence/main idea of the paragraph or subtext; general versus specific information; major versus minor supporting sentences; mode of paragraph development (deductive, inductive, deductive-inductive-deductive or framed, headword and implicit or with no explicit topic sentence); logical subject / logical predicate development, and link words related to each text pattern.

Our study also deals with the linguistic characteristics of media texts taken from the Internet such as BBC and CNN as well as media texts from the "Wall Street Journal" edition issued in the USA. What is a mass media text? It is the text intended for a large audience, which takes the form of print media, like newspapers and magazines or internet media which can also attain mass media status to take advantage of the ready availability of Internet in many regions of the world. Media texts aim to reach a very large readership market covering world news, transmitting and analyzing political information. [Media-text-definition, URL]

The paper also looks into the features of the media texts which apply political metaphors to conjure images, to use "old" words in the "new" context and "boost" or amend a word or phrase slightly to add irony or reverse the meaning and other features of the language of Politics. Other characteristics of the media articles as "inverted pyramid" structure (lead, body and end), attribution, direct and indirect quotations and emphasis on the details are looked into. The emphatic character of the media texts is also focused on.

Text structure instructions (TSI) go next to the TSK in our course. TSI are strategies used by the tutor or the textbook to introduce text structure knowledge to learners and consolidate it on a regular basis. Comprehension strategy instruction helps students become purposeful and active readers who are in control of their own reading comprehension.

According to Koda K.[Koda, 2005, p. 231] text-structure instruction is intended to reduce gaps in knowledge among ESL readers. Equally, studies on text structure instruction signify that in case of low-proficiency students logical structure awareness training endangers comprehension benefits in both expository [Carrel, 1985; p.727-752; Tang, 1992, p.177-195] and narrative texts [Kitajima, 1997, pp. 84-97] as underdeveloped information-extraction reading skills overburden working memory capacity and diminish attention space for global text features.

We needed TSI in our experimental series due to the number of factors. Firstly, having reviewed several textbook, we found out the bulk of the textbooks does not provide the explanation of the TSK; they just give the activities based on it. Secondly, only some contemporary textbooks edited by Cambridge University Press such as Empower, Unlock, Academic Encounters [Williams, 2013] and others give the explanation of TSK; however, it is not based on a regular course. Thirdly, modern textbooks give the activities based on TSK, but they are not based on mass media articles. This paper presents the findings of the regular usage of TSK and TSI in the experimental series of the activities with senior students seeking bachelor's degree in the ESP class and traces the way the TSK and TSI affect the higher reading comprehension levels. So, the total or partial lack of text-structure instruction in the textbook or focusing only on the reading comprehension as on the psychological process leads to incomplete perception and processing the text structures by the university students.

Thus, it was postulated that text-structure instruction was really relevant for fostering text structure knowledge due to the novelty of some textual structure information and substantial comprehension gains such training could entail. Readers benefited from supporting advantages of text-structure instruction that focused on presumably unknown text structure information for students.

In our research and follow-up experiment TSI were supposed to brief students on various issues of text structure knowledge. Here are some practical examples of TSI.

"To find the Topic or Topic Sentence (TS), ask the questions: Who or what is repeatedly mentioned or referred to in the paragraph?"

"To check for a topic sentence (TS), look for a general sentence with the following characteristics: it can be used to sum up the main idea of the paragraph, it is developed in more specific detail by other sentences in the paragraph."

TSI also gave instructions to specify the function of supporting sentences:

"In paragraphs containing TS, the supporting sentences supply the specific details that make it clear and convincing. Distinguish between the topic sentence and supporting sentences." Or: "What do the following ideas stand for? Read the article again and find the support for them." "When the main idea of the paragraph or subtext is implied rather than stated, supporting sentences combine to suggest it; when there is no main idea in the paragraph, the supporting sentences describe the topic and list its important characteristics."

TSI can also explain how to find the controlling idea of the text: "Ask the question what the media text is about and the answer will be the TS of the text. Ask what new information is said about the topic, the answer will be the controlling idea. Write down the controlling idea of the media text."

TSI as well reported on cause-and-effect relationship: "Sometimes events form a cause-and-effect chain reaction. Cause is the reason for something happening. Effect is what happens. Cause and

effect work together. Cause precedes effect. Cause must be directly related to effect. A sequence of events shows cause –and- effect relationship only when one effect leads to another." "Find the cause of these statements". Or. "What effects do these causes lead to?" The notions of text structure knowledge and text structure instruction are directly associated with reading comprehension. Reading comprehension is a process in which information from the text and the knowledge possessed by the reader act together to construct meaning.

Another important assumption is that memory and comprehension are largely inseparable: comprehension occurs only if text information is stored in memory, and content retention is possible only if it is adequately understood [Koda, 2005, p.228].Reading comprehension is a matter of degree as 'some readers…extract more text information than others, some texts are more easily understood than others, and some contexts foster comprehension better than others. Consequently, in considering the factors affecting the assessment of reading comprehension, we must first define what is meant by 'comprehending better' by clarifying the different perspectives from which degrees of comprehension can be characterized and then, distinguished. Three such perspectives have received significant attention: processing levels, task requirements, and reader purposes.

Koda K. distinguishes such three hierarchical operation levels determining success in reading and focusing on the text meaning as: low-level decoding converting print into linguistic information; interim-level textbase construction extracting and integrating textual information and higher-level situation-model building synthesizing text information within prior knowledge [Koda, 2005, p.231]. However, according to Carver R.P. [Carver, 1990, 2000] reader purposes offer another means of evaluating levels of text understanding representing purpose-induced reading modes ('gears'): lexical access (mode 5: scanning); local semantic integration (mode 4: skimming); sentence integration and main idea retention (mode 3: basic comprehension); grasping unfamiliar concepts (mode 2: learning); and remembering content information (mode 1: memorizing). So, two major goals in teaching RC – learning to read and reading to learn – entail different objectives: in learning to read readers must master adequate decoding skills, extract meaning at the lexical level and uncover only familiar content. On the other hand, during reading to learn stage comprehension focuses on obtaining new knowledge and constructing new meaning from unfamiliar content [Koda, 2005, p.231]. So, the classifications of reading comprehension boil down to putting forward only the text comprehension without focusing on TSK and reader's objectives.

In defining the types of RC in adult learners we took as a basis the TSK described above and singled out several levels of RC in accordance with TSK. They are **limited or frustration RC level; partial or instructional RC level** and **full or independent RC level**.

How do RC levels correlate with TSK? We presume that limited RC level features complete lack of TSK or intuitional knowledge of text structures. Partial RC level relates to spontaneous or

purposeful knowledge of TSK; and complete RC level suggests total array of guided TSK concepts consciously applied by the learners.

In view of all this the low-proficiency readers having frustration RC level are supposed to have limited or spontaneous knowledge of only main directly-stated factual text messages or no such knowledge at all. Readers having instructional RC level are aware of only main ideas as well as those of major and minor supporting sentences directly or indirectly stated in the text. They have the sufficient knowledge of text hierarchy and segmentation as well as of modes of paragraph and subtext development, link words and their application in the media texts. Similarly, high-proficiency readers acquiring complete RC level are aware of all the concepts listed in the partial or instructional RC level including comprehension of implied or not directly stated information. They can as well find the topic sentence, construct its meaning, or infer it from the media text.

We could not boil down our training only to TSK and TSI which would be incomplete without reading comprehension strategies which we identify with conscious plans — sets of steps that proficient readers use to make sense of the text.

These seven basic RC strategies have research-based evidence for improving text comprehension. They are monitoring comprehension, metacognition, conceptualizing graphic and semantic organizers including drawing inferences, answering and generating questions, recognizing text structures and summarizing. In our experimental course RC strategies and reading comprehension activities go hand in hand with each other. RC activities develop RC strategies and enhance TSK.

The benefits of text structure knowledge and text structure instruction for reading comprehension have strong experimental support.

What were the tools of measuring the levels of reading comprehension? In our concept it is activities fostering RC that were used to define the major RC strategies as well as TSK indexes. By the RC activities we understand the set of tasks or exercises developing RC strategies based on TSK and TSI. We consider RC activities consolidating RC strategies to be the part and parcel of teaching RC strategies and call them TSK - related activities. In our experimental series they served as the tool teaching reading comprehension, on one hand, and formal assessment technique measuring reading comprehension, on the other hand. The number of successfully accomplished activities was converted into percent and finally counted to compare and contrast the results of different groups during indicated experimental series. We designated the following TSK related activities: 1. To identify different text structures; 2. To recognize signal words/linkers belonging to different text structures; 3. To mark the signal words to identify the text structure; 4. To identify controlling idea of the media text; 5. To cite, construct or infer the topic sentence or main idea; 6. To distinguish general from specific information; or: main idea from major /minor supporting sentences); 7. To use graphic organizers to fill in the text skeleton chart or concept map; 8. To fill in the problem

solving chart, timeline chart, KWL (what I know, what I want to know, what I learnt) chart, "What is the main idea?" chart, summary graphic organizer; etc.; 9. To find the logical subject and logical predicate in the paragraph and subtext; 10. To define the mode of paragraph development; 11. To define the segments of the text hierarchy.

We also singled out some writing-related activities closely connected with successful text comprehension during the tentative learning: 12. To write the outline of the media text; 13. To write the logical plan of the text; 14. To leave out the secondary information or unnecessary details and 'compress' or abridge the text; 15. To paraphrase or restate the paragraph, subtext or text. 16. To write the secondary text in the form of a précis/ summary; 17.To write the secondary text in the form of an abstract (see No.1 table).

Our next step was to show the relationship between TSK related activities and reading comprehension strategies. No.1 table denotes such a correlation and obviously demonstrates that some strategies such as the strategies of monitoring comprehension, metacognition, answering and generating questions and that one of recognizing the text structure were developed by one group of TSK-related activities, while another group of strategies such as conceptualizing graphic and semantic organizers including drawing inferences as well as summarizing strategy was fostered by another set of activities. The numbers placed after RC strategies denote what exact TSK related activities were used to develop RC strategies.

No.1 Table. Correlation between TSK related activities and RC strategies

TSK related activities	RC strategies
Text structure related activities: 1. Identifying different text structure; 2. Identify signal words/linkers belonging to different text structure; 3. Mark the signal words to identify the text structure; 4. Identify controlling idea of the media text; 5. Cite, construct or infer the TS or MI; 6. Distinguish general from specific information; (main idea from major /minor supporting sentences); 7. Use graphic organizers to fill in the text skeleton chart; 8. Fill in the problem solving chart, timeline chart, KWL chart, what's the main idea chart,	**1.Monitoring comprehension : 1-10** 2.Metacognition: 1, 2,3,4,5,6,9 3.Conceptualising graphic and semantic organizers including drawing inferences- 7, 11,12;13 **4.Answering questions –** 1-6; 8,9 **5.Generating questions-** 1-6, 8;11-13 6. Recognizing text structure – 1-6;7;9

summary graphic organizer; etc.; 9. Find the logical subject and logical predicate in the paragraph and subtext; 10. Define the mode of paragraph developing: deductive, inductive, deductive –inductive, headword, implicit; 11. Define the segments of the text hierarchy; Writing-related activities: 12. Write the outline of the media text; 13. Write the logical plan of the text; 14. Leave out the secondary information and 'compress' or abridge the text; 15. **Paraphrase or restate the paragraph, subtext or text.** 16. Write the secondary text in the form of a précis / summary; 17. Write the secondary text in the form of an abstract.	7.Summarizing – 5,6,7,8,9,13,14,15;16;17

Here are a few examples of TSK related activities. This TSK related activity is offered at the while-reading stage of the media text presentation. Students are recommended to go over the whole article using the TSI guidance, focus on the initial and concluding paragraphs of the text as well as the first sentence of every paragraph and find out what the controlling idea of the article is. Here is the supposed answer the learners are expected to give: "Nominee on behalf of the democratic party, H. Clinton, who is striving for presidency in the Oval Office, is very critical of both Donald Trump, the Republican candidate, who she considers to be too inexperienced and risky for the 'mainstream' politics and her counterpart from Democratic Party, the Vermont Senator Bernie Sanders, who does not want to bow out and will fight for every last delegate which fact irritates H. Clinton." [WSJ, 2016]. Some other TSK related activities presented at the while-reading stage are: "Find the logical predicate matching the logical subject of the paragraphs"; "Read these statements from the text. Tick the sentences presenting the main ideas of the paragraphs"; "What do the following ideas stand for? Read the text again and find the support (or: major and minor supporting sentences) for them"; "Find specific information about characteristics of governmental form of power and countries referring to it. Fill in the following grid". Students have to clarify what countries exercise unitary system of government, federalism or confederal system and feature their characteristics; "Now specify the cause-and-effect relationship and complete the following grid", etc. Such TSK related activities make students go over the text structure concepts on and on, thus, memorizing more detailed information from the text.

Some activities foster the students' skills to deduce indirectly-stated information and foster their ability to 'read between the lines'. For example: "What is implied by the following claims? : 1. There is no way that I won't be the nominee for my party… 2. But the Vermont Senator has vowed

to fight until the party convention. 3. In Mrs. Clinton's opinion Donald Trump is too risky to put in the Oval Office".

Accomplishing this activity students have to show high-level comprehension of the article, be aware of the implied information and be able to use the paraphrasing technique to fulfill the task. For this reason, they have to be able to use the synonyms and different syntax structures to present the same text in the new way. Only high-proficiency students can perform this activity. Here is what students were supposed to do: 1. "I am sure to be the nominee for my party". Or: "In any case will I be the nominee for my Democratic Party. Under no circumstances will I fail to be the nominee for my party". 2. "Bennie Sanders has promised to participate in the race for the presidency until the party convention is held again as he has lots of supporters to promote him". 3. "In Mrs. Clinton's opinion Donald trump is too dangerous and unpredictable to take office in the White House".

Writing-related activities are notably significant as they make students optimize what textual information they have already extracted from the text and successfully understood. Writing-related activities entail more than just comprehension. They require sorting and organizing extracted information for subsequent production, abridging, paraphrasing and condensing the media texts. When a précis or abstract is written in the target language, the activity necessitates a much higher proficiency level that is required for comprehension. Afore-mentioned writing –related activities and successful summary performance, unquestionably, ensue successful comprehension on behalf of students involved in tentative learning.

This complex of thoroughly worked out TSK, TSK related activities and RC strategies was used for undergraduate university students majoring in International Relations Studies for three academic years. The first series of experiments was held with the 5th year students majoring in International Relations (IR) studies and Regional Studies (RS) seeking the state-recognized degree and with the 3rd and 4th year students majoring in IR studies seeking bachelor's degree in 2014-2015, the total amount of students was 53.The second series of tentative learning was held for the 2nd, 3rd and 4th year students majoring in IR studies and seeking bachelor's degree in 2015-2016. The total number of students amounted to 61.The third series of experimental course was held with the 3rd and 4th year students majoring in IR studies in the autumn semester of 2016-2017, the total number of students being 40.

No.2 chart. Students' accomplishments in RC strategies based on TSK related activities and obtained during a three-year period (%)

Periods of experimental learning	No.1 Series of experiments, Autumn/Spring Semesters	No.2 Series of experiments, Autumn/Spring Semesters	No.3 Series of experiment, Autumn sem. 2016-

RC Strategies Based on TSK related activities	2014-2015	2015-2016	2017
1. Monitoring comprehension: 1-10	82.4%	91.5.%	92.8%
2. Metacognition: 1-6,9	83.6%	94.1%	95.2%
3. Graphic/semantic organizers: 7, 11,12,13	80.7%	92.3%	83.4%
4. Answering questions: 1-6;8,9	87.9%	86.5%	97.9%
5. Generating questions:1-6;8,11-13	91.7%	81.3%	89.1%
6. Recognizing article Structure:1-6; 7,9	95.6%	98.9%	90.6%
7. Summarizing: 5-9; 13-17	91.8%	94.5%	96.4%

We obtained the results of students' achievements in RC abilities on the basis of RC tests compiled as the set of before-reading, while-reading and after-reading activities developed on the basis of media texts taken from foreign press and Internet resources. Firstly, we diagnosed the students' knowledge/ lack of knowledge of text structures to pinpoint the sources of problems in TSK and reading comprehension frequently experienced by underachieving readers. Secondly, we worked out the series of tests using TSK related activities and checking both media text structure knowledge and the level of reading comprehension in individual students and group applying reading comprehension strategies as the tool of assessing the students' ability to comprehend the media texts. Using TSI to introduce the new Text Structure concepts earlier unknown to students we attained the regular students' awareness of TSK which resulted in the raised levels of reading comprehension of media texts.

How effective were reading comprehension strategies based on TSK, TSI and TSK related activities during the three-year period? According to the variables illustrated by No.2 chart relatively high-level performance was shown by the students participating in the experiment. The most successfully developed strategies were recognizing article structure and metacognition strategies with indexes of 95.6%, 98.9% and 90.6% versus 83.6%, 94.1% and 95.2% respectively. Students displayed high performance level writing summaries in the form of an abstract or précis, which testified to the fact that learners internalized the TSK concepts required to write the summary such as generating main ideas; inferring not directly stated information; uniting the main or central ideas; eliminating unnecessary information and evaluating the information. There is some dispersion of data in the chart depending on the period of tests accomplishment: monitoring comprehension, filling in

graphic /semantic organizers answering and generating questions. It depended on the group level of L2 proficiency and the individual student's performance. Some indexes indicate the progress in the strategies of monitoring comprehension, metacognition, answering questions and text summarizing. However, some strategies denote the relative regress. They are the strategies of filling in graphic/semantic organizers, those of generating questions and recognizing media text structure.

TSK , TSI and TSK related activities assisted in defining the main features of the media text in terms of psycholinguistics: topic sentence and main idea, in distinguishing general from specific information, in singling out the levels of textual specificity and filling in the concept maps as well as defining different text patterns. This new TSK also assisted in developing the mode of paragraph development and distinguishing between the directly and indirectly stated information. Similarly, TSK and TSK related activities enriched the generally accepted RC strategies and raised levels of reading comprehension in University students majoring in IR studies up to the independent level.

The experimental study confirmed that raising text-structure awareness and developing effective reading comprehension strategies in the experimental course during the given period increased the accuracy of comprehension levels in ESP University students and proved the efficiency of this approach.

References

Кубъяс Л.Н., Кудачкина И.В. Английский для специалистов-международников. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 296, 430. С. 517.

Beaugrande R. & Dressler W. U. Introduction to text linguistics / Robert-Alain De Beaugrande, Wolfgang Ulrich Dressler. London; New York: Longman, 1981. P.63

Bossone R.M. English proficiency. Developing your Reading and Writing power – USA, 1979. Pp. 29-30.

Carrel P.L. The effects of rhetorical organization on ESL readers // TESOL, Quarterly, 1984, P. 441- 469.

Carrel P.L. Facilitating ESL reading by reading text structure//TESOL quarterly, 1985. P. 19, 727-752.

Carver R.P. Reading note: A review of research and theory. New York, Academic Press, 1990.

Carver R.P. The cause of high and low achievement. Mahwah, NJ, Erlbaum, 2000.

Evans V., Dooley J. Upstream Proficiency,C2, Express Publishing, Student's Book, 2007. P.74.

Heydari M., Dr. Ghazali M., Text Structure Awareness: Another Look at Reading Comprehension Strategy in L2 Classes // The Journal of International Management Studies, Vol. 4, No. 2, UPM, Malaysia, August 2009. P. 254-258; URL: http://www.jimsjournal.org/Maryam%20 Heydari.pdf (reference date: 16.07.17).

Horiba Y. Narrative comprehension processes. A study of native and non-native readers of Japanese // Modern Language Journal, 1990. P. 188-202.

Kitajima, R. Referential strategy training for second language reading comprehension of Japanese texts // Foreign language Annals, 1997. P. 84-97.

Koda K. Insights into Second Language Reading: A Cross-Linguistic Approach, Cambridge University Press, 2005, P. 228, 231.

Media-text-definition, [electronic resource]. URL: http://www.asdnyi.com/media-text-definition/ (reference date: 17.06.16).

Meyer B.J.E., Brandt D.M. & Bluth G.J. Use of top-level structure in text: Key for reading comprehension of ninth-grade students // Reading Research Quarterly, 16. P. 72-103.

Morgan T., Wilson J., IELTS Practice Test, Plus 2, Pearson, Longman, 2010, P.124, 140.

Pearson P.D., & Duke N.K. Comprehension instruction in the primary grades. In C.C. Block & M. Pressley (Eds.) // Comprehension instruction: Research-based best practices, New York, Guilford; 2002. P. 247–258.

Salager-Meyer E. Reading expository prose at the post-secondary level. The influence of textual variables on L2 reading comprehension: A genre-based approach// Reading in a Foreign Language, 1991, R. P. 645-662.

Tang G. The effect of graphic representation of knowledge structures on ESL reading comprehension // Studies in Second language Acquisition,1992, Pp.177-195.

Wall Street Journal, Election News, 2016, [electronic resource]. URL: https://www.wsj.com/news/types/election-2016, (reference date: 10.04.16).

Williams J, Academic Encounters, Reading, Writing, American Studies, 2nd Edition, Cambridge University Press, 2013.

ГЛАВА II. РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА ЧЕЛОВЕКА

2.1. КОНЦЕПТ “INSULARITY” И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В разделе рассматривается концепт “Insularity” как неотъемлемая часть понятийной и языковой картины мира жителей Британии на протяжении нескольких веков. Считается, что именно географическое положение страны сыграло ключевую роль в формировании «островного мышления» ее жителей. Менталитет британцев неизбежно находит свое языковое выражение в британском английском. Данное утверждение подкрепляется примерами, взятыми из политического дискурса и языка средств массовой информации. Кроме того, приводятся дефиниции слова “Insularity”, заимствованные из авторитетных толковых словарей английского языка. Подчеркивается, что одним из проявлений «островного мышления» является особое, недоверчивое отношение к иностранцам, вследствие чего слова “foreign” и “foreigner” часто вызывают у англичан негативные ассоциации, хотя, казалось бы, в словарных статьях это никак не отражено, за исключением того, что в качестве синонимов прилагательного “foreign” приводятся “alien” и “strange”. Тем не менее, в британских университетах никогда не употребляется словосочетание “foreign students”, а только “overseas students”. Указывается на то, что дальнейшие исследования в этом направлении позволят лучше понять не только «островное мышление» жителей Альбиона, но и специфические особенности их языка.

Ключевые слова: картина мира, концепт, британский вариант английского языка

THE CONCEPT OF “INSULARITY” AND ITS LINGUISTIC MANIFESTATION IN BRITISH ENGLISH

Abstract. The paper deals with the concept of “Insularity” as the essential component of the conceptual and linguistic worldview of Britons during several centuries. It is usually believed that it is the geographical position of the country which has played a crucial role in forming the insular mentality of its people. This mentality inevitably finds its linguistic manifestation in British English. The latter statement is borne out by examples borrowed from political discourse and the language of the media. Besides, definitions of the word “Insularity” from authoritative monolingual dictionaries are adduced. It is pointed out that among various aspects of insularity one can name distrust of foreigners, therefore the words “foreign” and “foreigner” are often negatively perceived by the British, although this, as a rule, is not reflected in dictionary entries, with the exception of the word’s synonyms “alien” and “strange”. Nevertheless, the word-combination “foreign students” is never used in British universities, being replaced by “overseas students”. It is pointed out that

further research in the field would promote better understanding of not only the “insular mentality” of the British, but also of the peculiarities of British English.

Key words: worldview, concept, British English

Представляется весьма уместным предварить обсуждение заявленной в названии статьи темы цитатой из исторической пьесы Уильяма Шекспира «Ричард II» (Акт 2, сцена 1) [Clark, 1989, p.445]:

This royal throne of kings, this scepter’d isle,
This earth of majesty, this seat of Mars,
This other Eden, demi-paradise,
This fortress built by Nature for herself
Against infection and the hand of war,
This happy breed of men, this little world,
This precious stone set in the silver sea,
Which serves it in the office of a wall,
Or as a moat defensive to a house,
Against the envy of less happier lands,
This blessed plot, this realm, this England!

Не вызывает сомнения тот факт, что концепт “Insularity”, или «островное мышление», является неотъемлемой частью как понятийной, так и языковой картины мира британцев. Их часто характеризуют как высокомерных снобов, отстраненных и лицемерных, а также как необщительных и сдержанных в проявлении эмоций людей. Считается, что именно географическое положение Британии сыграло ключевую роль в формировании «островного мышления» ее жителей.

Будучи истинными островитянами, англичане относятся к иностранцам с недоверием, а порой и с презрением. Преступник может исправиться и стать уважаемым членом общества. Иностранец исправиться не может. Иностранец — это навсегда. Можно получить британское гражданство, но стать англичанином — никогда.

Известный венгерский журналист, Джордж Микеш, эмигрировавший в Великобританию в середине прошлого века, приводит следующий курьезный пример такого отношения в своей книге «Как быть иностранцем» [Микеш, 2007, с. 57]. Он вспоминает, что встретил девушку-англичанку, влюбился в нее и даже подумывал о том, чтобы сделать ей предложение. Единственное, что его останавливало – это реакция его матери, которая могла не приветствовать брак с иностранкой, о чем Микеш и поделился со своей невестой. Девушка отреагировала на это немедленно: «Я иностранка? Это ты – иностранец!»

В этой связи следует отметить и тот немаловажный факт, что слова *foreign* и *foreigner* часто вызывают у англичан негативные ассоциации, хотя, казалось бы, в словарных статьях это, как правило, не отражено, за исключением того, что в качестве синонимов прилагательного *foreign* приводятся *alien* и *strange*. Тем не менее, в британских университетах никогда не употребляется словосочетание *foreign students, а* только *overseas students.*

Вспоминается и любопытный пример из одного из выпусков IATEFL (International Association of Teachers of English as a Foreign Language) Newsletter, официального печатного органа Международной ассоциации преподавателей английского языка как иностранного. Один из преподавателей-англичан в письме к редактору издания посетовал на то, что в названии ассоциации присутствует слово *foreign*, предложив изменить его хотя бы на *non-native*.

Продолжая рассмотрение концепта “Insularity”, необходимо прежде всего обратиться к словарным дефинициям этого понятия, зафиксированным в авторитетных справочных изданиях. Так, в словаре The Cambridge Advanced Learners’ Dictionary (CALD) слово представлено с пометой *disapproving* (неодобрительное) и снабжено следующим определением: “the state of being interested only in your own country or group and not willing to accept different or foreign ideas. To a great extent insularity has shaped the character of Britons for all time” [Cambridge, 2010, p. 750].

В словаре The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners можно найти лишь определение прилагательного “insular” без каких-либо помет: “not interested in meeting anyone outside your own group or country, or not interested in learning new ideas or ways of doing things” [Macmillan, 2007, p.785].

Приведем еще несколько определений из словарей:

Oxford Advanced Learner’s Dictionary:(derogatory) “the state of having no interest in or contact with people and ideas from outside one’s own country or society: NARROW (3) insular *attitudes/views*” [Oxford, 1997, p. 619].

Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary: “if you say that someone is **insular**, you are being critical of them because they are unwilling to meet new people or to consider new ideas …the old image of the insular, xenophobic Brit. Insularity/ But at least they have started to break out of their old insularity” [Collins, 2006, p. 754].

The Longman Dictionary of English Language and Culture: “**1** (derogatory) narrow (in mind); interested only or mainly in one’s own group, country, etc.: an insular outlook/Don’t be so insular! – compare PAROCHIAL (2) **2** of or like an island - ~ity n [U]: the insularity of the British” [Longman, 2005, p. 722].

Интересно отметить, что в последних двух словарных статьях слово insular/insularity используется именно применительно к британцам: …*the old image of the insular, xenophobic Brit* и the *insularity of the British*. Здесь же употреблено и прилагательное *xenophobic*, которое довольно часто ассоциируется с островным мышлением, так же, как и слово *snobbish* с производным существительным *snobbishness*, о чем будет сказано ниже.

Действительно, море всегда служило своеобразным оборонительным рвом для британцев. Тем не менее, как известно из истории, на протяжении веков произошло несколько вторжений иноземцев на территорию Британии, причем многие из них имели судьбоносные последствия для жителей острова – например, набеги викингов и Нормандское завоевание.

Но обратимся к XVI веку, когда конфликт между Британией и Испанией из-за контроля над торговыми путями из Нового Света достиг апогея и грозил крупномасштабной войной. Король Испании Филипп II, вняв уговорам Папы Римского, принял решение вторгнуться в Англию в марте 1587 года. Этому способствовали и новости о казне Марии Стюарт, вызвавшие шок в континентальной Европе. Англия столкнулась с угрозой не только иностранного вторжения, но и, возможно, аннексии: это была опасность, сравнимая только с Нормандским завоеванием 1066 года.

Существовали серьезные причины опасаться Филиппа II: его империя состояла из Испании, Португалии, большей части Италии, Нидерландов, а также колоний в Азии и Северной и Южной Америке. Испанская казна была в десять раз больше английской, а армия считалась самой сильной в Европе, причем военный флот насчитывал 200 кораблей против 40 английских.

Тем не менее, испанский король осознавал всю сложность и риск военной кампании против Англии. Прежде всего это означало, что необходимо было собрать большое количество солдат в одном месте, в одно время и переправить их на лодках через Ла Манш, что было крайне опасно. И хотя у англичан было меньше кораблей, но они были более маневренны и оснащены дальнобойными пушками.

Испанская Армада бросила якорь возле Кале в июле 1588 года и стала ждать подхода остальных войск, чтобы переправить их через Ла Манш. В такой ситуации испанцы были очень уязвимы: англичане могли в любой момент атаковать, да и погода в этой части Европы могла меняться довольно быстро.

В этот напряженный момент накануне битвы Елизавета обратилась к своим войскам в Тилбери со следующей речью:

“My loving people, we have been persuaded by some, that are careful of our safety, to take heed how we commit ourselves to armed multitudes, for fear of treachery; but I assure you, I do not desire to live to distrust my faithful and loving people. Let tyrants fear; I have always so behaved

myself that, under God, I have placed my chiefest strength and safeguard in the loyal hearts and good will of my subjects. And therefore, I am come amongst you at this time, not as for my recreation or sport, but being resolved, in the midst and heat of the battle, to live or die amongst you all; to lay down, for my God, and for my kingdom, and for my people, my honour and my blood, even the dust.

I know I have but the body of a weak and feeble woman; but I have the heart of a king, and of a king of England, too; and think foul scorn that Parma or Spain, or any prince of Europe, should dare to invade the borders of my realms: to which, rather than any dishonour should grow by me, I myself will take up arms; I myself will be your general, judge, and rewarder of every one of your virtues in the field.

I know already, by your forwardness, that you have deserved rewards and crowns; and we do assure you, on the word of a prince, they shall be duly paid you. In the mean my lieutenant general shall be in my stead, than whom never prince commanded a more noble and worthy subject; not doubting by your obedience to my general, by your concord in the camp, and by your valour in the field, we shall shortly have a famous victory over the enemies of my God, of my kingdom, and of my people".

В приведенной выше речи следует отметить большое количество исконно английских слов наряду с французскими заимствованиями, например: *take, heed, fear, behaved, God, strength, heart, good, will, come, time, midst, heat, live, die, kingdom, blood, dust, weak, grow, field.* Особого внимания заслуживает фраза "and think foul scorn that Parma or Spain, or any prince of Europe, should dare to invade the borders of my realms", в которой использовано так называемое «предположительное» (Suppositional) наклонение, способное выражать в английском языке крайнюю степень сомнения. Здесь попытка герцога Пармского (командующего испанской армией) вторгнуться на территорию королевства представлена как нечто весьма сомнительное и вряд ли осуществимое.

Обратившись к своим войскам таким образом, королева подняла их боевой дух и вселила в них уверенность в победе над испанцами. Воодушевленные речью Елизаветы, англичане в ночь на 28 июля 1588 года напали на испанский флот, заставив часть Армады позорно ретироваться. На следующее утро оставшиеся корабли подверглись интенсивному обстрелу дальнобойными пушками английского флота. Не выдержав такого натиска, Армада устремилась на север, попав в сильный шторм. Вернулась в Испанию лишь третья часть кораблей когда-то могущественного флота.

Несколько веков спустя Уинстон Черчилль, обращаясь к Палате общин британского парламента в 1940 году, использовал некоторые риторические приемы, заимствованные из речи Елизаветы I: известно, что он изучал текст речи в Тилбери перед своим выступлением:

“We shall go on to the end, we shall fight in France, we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air, we shall defend our Island, whatever the cost may be.

We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender.

And even if, which I do not for a moment believe, this Island or a large part of it were subjugated and starving, then our Empire beyond the seas, armed and guarded by the British Fleet, would carry on the struggle, until, in God's good time, the New World, with all its power and might, steps forth to the rescue and the liberation of the Old”.

Здесь также используются преимущественно слова англо-саксонской этимологии: *go, end, fight, seas, growing, strength, grounds, streets, hills, never, Island, struggle, good, time, New, World, might, steps forth, Old.* Следует обратить внимание и на примеры синтаксического параллелизма – *we shall fight on the seas and oceans, we shall fight with growing confidence and growing strength in the air; We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills.*

Особого комментария заслуживает написание существительного *Island* с заглавной буквы в письменном варианте выступления премьер-министра. Известно, что использование заглавных букв относится к горизонтальной стратификации английской письменной речи. Заглавные буквы употребляются не только для обозначения начала предложения и имен собственных, но и помогают передать определенные, более тонкие оттенки значений, выделяя ту или иную часть высказывания из основного потока речи при помощи, в первую очередь, модификаций громкости и темпа [Баранова, 2008, с. 204].

В рассматриваемом примере слово *Island* относится к острову Британия, и премьер-министр намеренно выделяет его в своей речи, придавая особую значимость территории своей страны, которой вновь угрожает вторжение неприятеля, на этот раз со стороны фашистской Германии.

Необходимо сказать несколько слов и об использовании Черчиллем глагола *shall.* С одной стороны, глагол мог и в настоящее время может образовывать аналитическую форму будущего времени с первым лицом единственного и множественного числа (*I shall, we shall*), но в устной речи более вероятно употребление сокращенных форм (I’ll, we’ll). Таким образом, можно заключить, что скорее всего здесь глагол *shall* предстает в своей модальной ипостаси со значением обязательства, долга британцев защитить свою страну и одновременно предупреждения и угрозы противнику, осмелившемуся планировать вторжение.

Наконец, анализ речи Черчилля был бы неполным без краткого комментария использования косвенной модальности в следующем фрагменте речи: *And even if, which I do not for a moment believe, this Island or a large part of it were subjugated and starving, then our Empire beyond the seas, armed and guarded by the British Fleet, would carry on the struggle*. Здесь налицо употребление Subjunctive 2 (или второго сослагательного наклонения, или second Conditional, пользуясь терминологией британских грамматистов), которое в английском языке служит для описания совершенно нереального действия или состояния. Черчилль намеренно выражает свою мысль таким образом, подчеркивая полную невозможность завоевания Британии чужеземцами.

Обращаясь к более позднему периоду современной истории Великобритании, следует отметить, что англичане порой нетерпимо относятся и к другим исконным национальностям, населяющим Британские острова, например, к шотландцам, валлийцам и ирландцам. Это проявляется и в многочисленных анекдотах, и на бытовом уровне.

Однако для данной работы интересен именно языковой аспект проблемы, и в этой связи интересен случай, описываемый в книге авторитетного британского фонетиста Джона Хани "Does Accent Matter? The Pygmalion Factor" [Honey, 1991, p. 111-112]. Профессор Хани рассматривает ситуацию, в которую попала Сьюзен Рей, диктор Би-Би-Си, когда в начале 80-х годов прошлого века она перевелась из шотландского бюро Британской радиовещательной корпорации в Лондон. По ее собственным словам, приводимым ниже, она была весьма удивлена крайне отрицательной реакцией радиослушателей на свой шотландский акцент:

"I came down from BBC Scotland to be a Radio 4 announcer. I was surprised at how much comment my accent provoked. For the first time in my life I was made to feel very Scottish, not having been terribly aware of it before.

Listeners seem to have flocked to their telephones and typewriters as soon as I hit the airwaves. They either loved or loathed me. Some of them were terribly negative, quite depressing in fact, and the kind of thing they wrote was: *Many of the sounds uttered by Miss Rae are incomprehensible* – and that's quite typical of a lot of the more negative ones.

One chap was good enough to send me an extract from some Dickensian tome as to how to talk properly, saying that in order to have a pleasing voice all Scotch or Irish brogues ought to be eliminated.

I find the whole thing quite bewildering. Obviously, I am bound to say it, I don't think I'm all that hard to understand. But I am surprised at the depth of feeling it provokes. I think there's quite a bit of raging xenophobia in it, snobbishness perhaps, and insularity".

Комментируя ее речь, профессор Хани отмечает, что шотландский акцент может создавать проблемы с распознаванием речи, поскольку в нем налицо монофтонгизация дифтонгов,

отсутствие придыхания при произнесении сильных взрывных согласных перед ударной гласной, неразличение кратких и долгих гласных, если упомянуть только некоторые из его отличительных черт. Иной раз это может привести к неправильному пониманию зачитываемой диктором информации. Так, Сьюзен Рей, объявляя одну из программ, озвучила ее как *Foot Programme*, тогда как передача не имела ничего общего ни с торговлей обувью, ни с уходом за ногами, а посвящалась еде (*Food Programme*) [Honey, 1991, p. 112].

Еще один пример «островного мышления», относящийся на этот раз к политическому дискурсу, связан с членством Великобритании в организации Европейского Экономического Сотрудничества (ЕЭС). Как известно, зимой 1991 года лидеры Европейского Союза собрались в Маастрихте для того, чтобы планировать более тесную интеграцию ранее независимых европейских государств. По словам известного британского журналиста Эндрю Марра, это сводилось к одному вопросу: кто будет главным? [Marr, 2009, p. 485-486].

Идея заключалась в том, что Маастрихтский договор даст Брюсселю больше полномочий в решении внешнеполитических вопросов, в деле соблюдения прав рабочих и ускорит процесс принятия единой европейской валюты. В Британии отношение к Договору было двойственным: с одной стороны, Джон Мейджор, бывший в то время премьер-министром страны, поддерживал его. Однако большинство англичан было против.

Маргарет Тэтчер, все еще остававшаяся авторитетным политиком, называла Договор «рецептом для самоубийства страны» (*recipe for national suicide*). Критикуя понятие «общеевропейский дом» (*common European home*), она отмечала, что британцам необходимо чувствовать себя в безопасности в этом доме (*Britons need to feel safe in that home*). Это явилось еще одним проявлением менталитета британцев и их «островного мышления».

Таким образом, Британия, хотя формально и была членом Евросоюза, никогда не перешла на единую европейскую валюту в конце 90-х годов прошлого века, а в 2016 году на референдуме, посвященном выходу страны из ЕЭС, большинство британцев проголосовало «за», положив начало болезненному процессу разрыва с Евросоюзом. Появившийся неологизм «Брексит» (Brexit = Britain+exit) кратко и лаконично обозначил это явление в британской политике.

В совсем недавнее время понятие «островное мышление» снова зазвучало в средствах массовой информации в связи с печально известным делом отравления Скрипалей. Так, отвечая на безосновательные обвинения британских властей в адрес России, представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации отметил, что либо Великобритания не способна обеспечить защиту людей на своей территории, либо это срежисированный акт: третьего не дано. Он обратил внимание на тот факт, что Британия по сути игнорирует любые

запросы из Москвы по делу Скрипаля, призвав Лондон оторваться от русофобии и «островного мышления» [МИД России призвал Британию… Эл. ресурс].

Однако несмотря на то, что англичане часто подвергаются критике со стороны представителей других стран за свой снобизм и эмоциональную холодность, сами они чрезвычайно гордятся тем, что являются жителями Великобритании. Показателен в этом смысле отрывок из книги уже упоминавшегося британского журналиста Эндрю Марра "A History of Modern Britain", в которой он описывает самые драматичные моменты современной истории Великобритании со времен Второй мировой войны до наших дней [Marr , 2009, p. 599-600]: "It's been a strange old story – our long march out of post-war austerity towards today's swarming material profusion. For the last sixty years Britain has been on the front-line of change: from the Cold War to Thatcher's revolution, from de-industrialization to online culture. Britain has been transformed from the planet's most sprawling empire to an island that is now home to people from all over the world – the many-coloured heart of the global economy.
The history of modern Britain for all our increased wealth has been surprisingly turbulent – plenty of tight spots and loose living, political mistakes and embarrassments of all kinds. Looking ahead, we, world's islanders as we have become, are more open and, perhaps, more vulnerable than ever before. And yet, to be born British remains a fantastic stroke of luck!"

Интересно отметить, что и в данном примере можно найти языковое выражение концепта "Insularity": слова *island, islanders* встречаются здесь уже в несколько модернизированном контексте: сначала указывается на то, что из могущественной империи Британия стала островом, который могут назвать своим домом многочисленные иммигранты (Britain has been transformed from the planet's most sprawling empire to an island that is now home to people from all over the world – the many-coloured heart of the global economy): безусловно, это влияние глобализации. Однако здесь же Эндрю Марр называет британцев *world's islanders*, подчеркивая не только связь современной Британии со всем миром, но и некую ее обособленность, в то же время указывая на возросшую уязвимость нации (we… are more open and, perhaps, more vulnerable than ever before).

Подводя итог сказанному, заключить, что концепт "Insularity" является одним из основополагающих концептов, формирующих языковую и понятийную картины мира британцев, а дальнейшие исследования в этом направлении позволят лучше понять не только менталитет жителей Альбиона, но и специфические особенности их языка.

Литература

Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи. Москва, Издательство Православного Святотихоновского гуманитарного университета, 2008. 311 с.

Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion Factor. London, Faber and Faber, 1991. 214 p.

Marr A. A History of Modern Britain. London, Pan Macmillan, 2009.629 p.
Интернет-документы:
МИД России призвал Британию оторваться от русофобии и «островного мышления» [Электронный ресурс] site. - URL: http:// pandoraopen.ru/2018-03-22/mid-rossii-prizval-britaniyu-otorvatsya-ot-rusofobii-i-ostrovnogo-myshleniya/ (дата обращения 16.04.2018)
Художественные произведения:
Микеш Д. Как быть иностранцем. Москва, Б.С.Г.-Пресс, 2007. 320 с.
Clark W.G., Wright, W.A. (Eds). The Unabridged William Shakespeare. Philadelphia, Running Press, 1989. 1421 p.
Словари:
Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 1997.1428 p.
Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow, Harper Collins Publishers, 2006. 1712 p.
The Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 1699 p.
The Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, Macmillan Publishers Limited, 2007. 1748 p.

2.2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ)

Аннотация. Возрастание контактов разных народов в современном мире делает особо актуальным сравнение разных культур с точки зрения менталитетов народов-носителей этих культур. Менталитет определяется как устойчивые образцы поведения носителей, основанные на их восприятии мира (национальный образ мира) и укоренившиеся в психологии людей-носителей данной культуры. Основой общих элементов в восприятии действительности является общее историческое прошлое. Менталитет немецкоязычных народов – немцев, австрийцев и швейцарцев – определяется как система, состоящая из 3-х элементов – восприятие пространства, восприятие времени и соотношение публичного и частного в сознании носителя данного менталитета. Немцы воспринимают пространство как малое, тесное и узкое, закрытое. Причина такого восприятия пространства – долгое существование отдельных мелких независимых княжеств. Австрийцы воспринимают пространство по-другому, оно незамкнутое, большое и не тесное. Это наследие большой империи. У швейцарцев пространство тоже замкнутое и малое, но не тесное, как у немцев. Различно и восприятие времени у немецкоязычных народов. Известна немецкая

пунктуальность и стремление все четко спланировать. Причина – жесткий контроль личности в мелких государствах в течение столетий. У немцев ярко выражена потребность в стабильности, что является следствием жесткой регламентации жизни. Отличительной чертой австрийцев является их консерватизм. Особенности ментальности немцев, австрийцев и швейцарцев подтверждают тот факт, что общность языка не является однозначной предпосылкой для формирования сходного менталитета. Историческое прошлое народа, породившее особое мировосприятие, разные поведенческие образцы и эмоциональные реакции, передающиеся из поколения в поколение неосознанно, являются основой для формирования разных менталитетов.
Ключевые слова: менталитет, восприятие пространства, восприятие времене, частная и публичная жизнь, историческое прошлое.

HISTORICAL PAST AND NATIONAL MENTALITY: THE CASE OF GERMAN-SPEAKING PEOPLES

Abstract. The increase of contacts between different countries makes in modern world very actual to compare different cultures from the point of view of the countries' mentality. In this article different mentalities are defined through behavior patterns, based on their national world's perception. The basis of having joint elements for the perception of the reality is common historical past. The author gives the definition of the mentality, the national character and the national picture of the world. The mentality of German-speaking peoples – Germans, Austrians and Swisses - is determined through 3 elements: the perception of space, the perception of time and the balance between private and public life. Germans perceive the space as small, tiny, closed. The historical reason of such perception is in long-lasted existence of Germany as many small independent domains. Austrians perceive the space very differently, as large, non-closed and non-tiny. This is the inheritance of a large empire. Swisses also perceive the space as closed and small, but not so tiny as Germans. There is also a big difference in the perception of time among German-speaking countries. German's punctuality is world-known. It is rooted in strict control over every personality in small states during several centuries. The Germans have a high demand for stability as the result of strict regulation of their lives. Austrians are very conservative. The peculiarities of the mentality of Germans, Austrians and Swisses confirm the fact that similar language does not guarantee the same mentality. The historical past, different behavior patterns, emotional reactions, which are unconsciousness transferred from generation to generation, form the basis of different mentalities.
Keywords: mentality, perception of space, perception of time, private and public life, historical heritage.

Менталитет, национальный характер и национальный образ мира

Менталитет того или иного народа – это совокупность определенных образцов поведения, привычек и установок в осмыслении событий, которые носителями другого менталитета воспринимаются как чуждые и непонятные. Менталитет становится видимым и ощутимым только при соприкосновении с носителями других ментальностей, при взгляде извне. Изнутри самой культурной общности определенные образцы поведения или установки в осмыслении мира воспринимаются как привычные и нормальные. Они не осознаются носителями данного менталитета, и часто носители определенной ментальности очень удивляются, когда им рассказывают про них самих. Их реакция обычно такая: да, это правда, но я раньше об этом никогда не задумывался. Поэтому основной способ изучения менталитетов всегда сравнительный. Нагляднее всего объяснять основные образцы поведения и основные черты мировосприятия, сравнивая их с родным менталитетом. Есть мнение, что такой сравнительный способ приведет к разному описанию ментальности в зависимости от того, с чем она сравнивается. Например, закрытость немецкого типа личности отмечают все представители южных народов Европы и русские. А для англичан и голландцев такая закрытость привычна, и они не обратят на нее внимание. Китайцы же, наоборот, отмечают способность немцев открыто выражать свои чувства, так как у них принята и воспитана еще большая закрытость личности. Очевидно, что для описания менталитета нужны определенные параметры, которые позволили бы найти основу при описании образцов поведения и установок в осмыслении мира.

Раньше до примерно 90-х годов использовался термин национальный характер. Под национальным характером понималась совокупность черт характера, которые характерны для того или иного народа. Они отражались в сказках и детских книгах, которые должны были воспитывать у детей те или иные черты характера, в анекдотах, которые рассказывают представители разных народов друг о друге, в результатах социологических опросов, которые показывают мнение представителей разных наций друг о друге. Но представление национальных особенностей как черт национального характера приводит к созданию своего рода шаблонов при восприятии носителей другой культуры. Одни народы получаются хорошими и добрыми, а другие – плохими и злыми. Именно этот момент и породил скептическое отношение к изучению культур с точки зрения их ментальности.

Возрастание активных контактов между народами в современном мире снова обнажило проблемы несоответствия восприятия мира у носителей разных культур. В 90-е годов появился новый термин – национальный образ мира, который является основой при формировании тех или иных поведенческих образцов. Национальный образ мира формируется у народа под влиянием тех исторических и культурных процессов, а в

последнее время и экономических, участниками которых являются носители данной ментальности или являлись их предки. Разница в мировосприятии у немцев бывшего ГДР и у немцев в западной части Германии, которые жили 40 лет в разных политических режимах, позволяет сделать вывод о том, что смена одного или двух поколений = уже достаточный срок для формирования некоторых черт национального образа мира.

Национальный образ мира можно определить как совокупность тех общих образов в сознании носителей одной культуры, которые определяют их поведенческие образцы и влияют на психологию восприятия. Вместе с образцами поведения эти образы передаются из поколения в поколение, пока изменения реального мира не приведут к изменениям в сознании людей и старые образы уже не позволят им успешно ориентироваться в реальном мире.

Национальный образ мира является основой формирования определенной ментальности, он включает в себя те образы, которые влияют на формирование определенных поведенческих образцов. Примером образа, влияющего на ментальность, может быть отношение к монархии в Англии. Несмотря на многократную критику монархических особ наличие некоторого скепсиса в обществе относительно монархического строя, все англичане переживают и обсуждают события, связанные с частной жизнью королевской семьи. Этот образ до сих пор влияет на мировосприятие англичан. В России, которая тоже долгое время была монархией, эта традиция была прервана. Поэтому попытка создания монархических организаций в России вряд ли будет иметь успех, так как образ монарха стерся в исторической памяти народа. С другой стороны, Россия долгое время существовала как огромная империя. Эта форма государственного устройства существенным образом отражается в ментальности русского народа до сих пор. Для русской ментальности характерно, например, восприятие пространства как большого, практически не имеющего границ. В политическом устройстве продолжается традиция существования метрополий – Москвы и Петербурга – и провинции. Склонность к вертикальной структуре власти, а не к многоуровневой, как, например, в Германии, тоже связана с привычным образом империи.

Национальный образ мира – это наше мировосприятие. Основу такого мировосприятия составляют наше восприятие пространства (большое или малое, замкнутое или открытое, постоянное или изменчивое), наше восприятие времени (жесткий диктат времени или его расплывчатость, исторический оптимизм или пессимизм), наше восприятие личности в его взаимодействии с обществом (открытый или закрытый тип личности, индивидуализм или коллективизм). Национальный образ мира порождает определенные поведенческие образцы, т.е. служит базой для формирования национального характера. Совокупность определенных черт характера проявляется в конкретных действиях и

поступках, т.е. в образцах поведения, свойственных определенному народу, что является частью ментальности.

Восприятие пространства в менталитете немецкоязычных народов

Исторические предпосылки формирования особого восприятия пространства у немцев – это самое позднее в истории Европы образование национального государства (70-е годы 19 века), длительное существование раздробленных малых государств (в начале века на территории современной Германии было около 30 маленьких государств). Специфика восприятия пространства у немцев – ощущение узости пространства и тесноты, отсутствие стремления к расширению своего «горизонта», закрытость внешнего и внутреннего мира.

Вся современная Германия – это, в основном, страна мелких и средних городов, небольших деревень и населенных пунктов. Только 4 города в Германии имеют население более миллиона человек. Города не имеют тенденции к укрупнению. Жители городов, где это пытаются сделать, всегда протестуют. Власти городов принимают специальные постановления, запрещающие расширение территории города. Поэтому пространство всегда воспринимается как малое. Такое восприятие – следствие жизни многих поколений в маленьких городах-государствах, долгий период раздробленности территории Германии (в течение 8 веков).

Мой маленький город – это мой окружающий мир, так думают немцы. Окружающий мир воспринимается очень конкретно: это не наша планета, а мой район, моя деревня. Поэтому для немцев характерно такое пристальное внимание к проблемам окружающей среды. Загрязнение окружающей среды воспринимается конкретно как загрязнение моей малой территории. Загрязнение сточных вод касается конкретно моей семьи, которая получает воду из озера под моим окном. Ни в одной другой европейской стране экологические проблемы не воспринимаются так остро и так конкретно, как в Германии.

Восприятие пространства как малого повлияло и на организацию социальной жизни в Германии. Все политические структуры существуют как бы на трех уровнях – федеральном, земельном и коммунальном. Все права и обязанности каждой из этих структур четко определены законом. Те проблемы, которые затрагивают жизнь каждого отдельного человека, решаются на уровне общины. Поэтому жизнь человека как бы замкнута в своей общине, где каждый знает каждого, где соседи и есть твой социум.

В Германии сильны региональные различия. Немцы часто, говоря о себе, называют не страну, откуда они родом, а свой регион. Например, «я из Баварии или Тюрингии», «я шваб». Разница проявляется и в национальных костюмах, и в любимых сортах пива, и в оформлении домов. Жители стремятся сохранить свое региональное своеобразие. Есть специальные предписания, как можно украшать свои дома, а как нельзя. Эта традиция ведет свое

происхождение от мелких городов-государств, где каждый правитель создавал свои законы и порядки. Переезд из одного города в другой был крайне редким, так как законы предписывали оставаться в своем государстве. Браки жителей соседних городов разрешались редко. Поэтому жители оказывались привязанными к своему месту жительства на много поколений. Местные различия приобретали особое значение. Они передавались в генетической памяти из поколения в поколение. Сейчас во времена Европейского союза многие немцы считают, что роль регионов еще более возрастет, потому что роль государства вместо Германии будет играть Европейский союз. Во внутренней политики ФРГ тоже четко прослеживается принцип регионализма.

Другая важная черта восприятия пространства у немцев – это восприятие его как узкого и тесного. Германия – страна с высокой плотностью населения. Будучи на протяжении многих веков крестьянской страной, Германия всегда испытывала нехватку земли. Дома редко строят высокими, немцы в идеале хотят жить поближе к земле. Дом на одну семью (традиционное крестьянское жилище) – мечта каждого немца.

Восприятие пространства как тесного и узкого повлияло и на те события современной истории, которые связаны с планами Германии завоевать всю Европу. Причиной двух мировых войн в 20 веке было стремление к «большому пространству», к империи. Известный немецкий писатель Томас Манн писал, что «стремление к мировому господству у немцев является следствием комплекса неполноценности».

Еще одна важная черта при восприятии пространства немцами – это его закрытость. Идеалом для немцев является жизнь в малом пространстве, где все необходимое находится рядом, «за углом». Этот идеал отразил в своем стихотворении «Идеал» Курт Тухольски. Он описал идеал дома немецкого бюргера, который хочет иметь все в непосредственной близости от своего дома – пляж на побережье Балтийского моря, и Альпы, куда он будет ходить на прогулки, кинотеатр и библиотеку, тишину сельской местности и шум большого города. Все это должны быть в пяти минутах ходьбы от его дома, в котором должно быть десять комнат и терраса, сад на крыше и гараж.

С восприятием пространства как закрытого связана любовь немцев к оседлости. Это сильно отличает их от американцев, которые достаточно свободно передвигаются по стране, если к этому их вынуждает смена места работы. По данным социологических опросов, проводившихся гамбургским институтом ГЕТАС, две трети немцев мечтают иметь одно жилье на всю жизнь и никуда не переезжать. Мечта каждого немца – иметь дом в собственности. Наличие собственной недвижимости – признак стремления к оседлости.

Идеал немцев – постоянная жизнь в маленьком закрытом пространстве. Но в таком пространстве становится «тесно душе». Узость, закрытость пространства порождает

обратную тенденцию – желание вырваться за его пределы. Неслучайно европейский романтизм, основным лозунгом которого стал призыв вырваться из города на волю, на природу, зародился в Германии. В городе душе тесно. Она хочет вырваться в горы, где веют свободные ветры и свободно дышит грудь. Таков основной мотив стихотворения Г.Гейне, предваряющее его прозаическое произведение «Путешествие по Гарцу». Это стихотворение, в котором все время повторяется строка «Я хочу уйти в горы», является манифестом немецкого романтизма.

Попыткой вырваться за пределы своего узкого мира можно объяснить и страсть немцев к путешествиям. Социологические опросы показывают, что немцы – самая путешествующая из всех европейцев нация. Каждый немец старается обязательно хотя бы раз в год уехать за пределы Германии. Это попытка вырваться за пределы своего замкнутого и узкого мира.

Восприятие пространства как закрытого повлияло и на формирование особой культуры жилища. В немецком доме традиционно всегда много маленьких комнат. Для офисов немецких компаний тоже характерно большое число небольших кабинетов. Двери между комнатами всегда закрыты. Немцев раздражают открытые двери. В этом смысле их восприятие пространства противоположно американскому. Немцы любят, когда мебель имеет много маленьких ящичков. В этом тоже реализуется принцип закрытости и расчлененности пространства. Столь же закрытым является пространство вокруг дома. Каждый дом обязательно имеет ограду. Часто это не связано с чувством безопасности, а связано со стремлением отгородить свою территорию, с чувством защищенности в своем жилище, со стремлением разграничить все пространство на малые кусочки.

Итак, основными чертами восприятия пространства у немцев являются:

- пространство всегда воспринимается как малое;
- пространство всегда тесное и узкое;
- пространство всегда закрыто.

Совсем другое восприятие пространства у австрийцев, которые жили в других исторических условиях – в огромном имперском государстве в течение многих веков. Имперское сознание австрийцев породило образ пространства, полностью противоположный немецкому. У австрийцев пространство незамкнутое, большое и не тесное. Вена, бывшая некогда столицей большой империи, производит совсем другое впечатление, чем традиционные немецкие города. Улицы здесь шире, чем в обычном немецком городе. Сохранено много исторических фасадов домов. Все дома красивы, имеют много украшений на своих фасадах. Они построены не только для жилья, но и для того, чтобы ими любовались издали. В Вене важна внешняя эстетика, праздничность. В Вене есть несколько больших парков, много памятников истории. Кафе, как правило, имеют достаточно большие,

просторные помещения. Сама атмосфера в кафе и ресторанах совсем другая. Это, скорее, место расслабления и отдыха, а не деловых встреч, как в Германии.

У швейцарцев восприятие пространства в чем-то сходно с немецким, но имеет и отличительные черты. Швейцария – небольшое государство, существующее много веков во многом отдельно от остальных европейских стран. От одних они отгорожены высокими Альпами, а в контактах с другими они пытаются сохранить многовековой нейтралитет. Отсюда пространство у швейцарцев тоже замкнутое и малое, как у немцев, но не тесное. На территории современной Швейцарии почти нет крупных городов. Нет ощущения, что пространства мало. Швейцарцам, скорее, присуще чувство самодостаточности и удовлетворенности. Поэтому они гордятся тем, что не участвовали в течение многих веков в европейских войнах.

Восприятие пространства является одним из важных факторов при формировании менталитета того или иного народа. Оно определяет мироощущение народа и порождает определенные стандарты поведения, которые становятся ясными в результате анализа восприятия пространства.

Восприятие времени у немецкоязычных народов

Все, кто когда-либо сталкивался с немцами, отмечают их специфичное отношение ко времени. Немцы всегда пунктуальны и не любят, когда другие опаздывают. Их планирование времени вызывает одновременно и чувство уважения, и раздражение. Сами немцы часто отрицают свою пунктуальность. Они чувствуют, что это их отличает от других. Но непунктуальность других неизбежно вызывает у них чувство дискомфорта.

Исторически формирование восприятия времени у немцев имеет те же предпосылки, что при восприятии пространства. Такими предпосылками являются длительная раздробленность и жизнь в отдельных малых городах-государствах, частая смена правителей в малых государствах и жесткая регламентация жизни. Немцам слишком многое предписывалось инструкциями, регламентировавшими их частную жизнь. Контроль за жизнью каждого был достаточно жестким. Государство было маленьким, и могло спокойно контролировать практически всех, кто проживал на его территории. Соседи всегда контролировали друг друга: кто ходит в церковь, а кто – нет, кто какие праздники отмечает и когда и т.п. Поэтому в немецкой ментальности годами закреплялся принцип строгой и жесткой регламентации каждого дня, недели, месяца, года. Точность и жесткость в регламентации своего времени – черта, свойственная всем немцам независимо от их региональной принадлежности.

Основные черты немецкого восприятия времени – это:

- жесткая регламентация частной и общественной жизни;

- диктат времени;
- высокий темп жизни.

Жесткая регламентация времени в частной жизни проявляется в стремлении немцев все спланировать. У каждого немца есть свой ежедневник, называемый Terminkalender. В этом ежедневнике все четко разграничено: когда они с кем встречаются, когда пойдут за покупками, когда будут мыть машину, когда пойдут в кино и т.п. Если Вы захотите назначить немцу встречу, он никогда не будет договариваться с Вами, не заглянув в свой ежедневник. В воскресенье каждая семья собирается на традиционный воскресный обед, когда готовится более изысканная еда (есть даже специальное слово Sonntagsbraten). В других странах есть похожие традиции, но они не соблюдаются с такой четкой последовательностью, как в Германии. Если семья не может собраться к обеду в воскресенье, она собирается на воскресный кофе (Sonntagskaffee), когда хозяйка старается обязательно испечь пирог. Столь же четкие временные ориентиры есть и в календарном году, например, Рождество – своеобразная точка отсчета семейного календаря. Вся семья должна собраться вместе накануне Рождества и вместе поужинать.

Немецкому слову Termin нет соответствия в русском языке. Оно обозначает дело или встречу, назначенную на определенное время. Главное – точно обозначенное время. В русском менталитете отсутствует привычка регламентировать свою личную жизнь. Отсутствие жесткой регламентации в частной жизни воспринимается как отдых от диктата времени в деловой жизни.

В немецком менталитете есть четкое разграничение частной жизни и работы, Есть специальное слово Feierabend, обозначающее конец рабочего дня. Это четкая граница между личным временем и рабочим. У русских такой четкой границы нет. Немцы работают строго до конца своего рабочего дня, а потом начинается сверхурочное время, за которое их работодатель должен платить надбавку. Русские часто работают дольше и не требуют никаких надбавок. Но и в течение рабочего дня немцы четко делят время, когда они работают, а когда делают перерыв. Своеобразными точками отсчета служат перерыв на обед или для кофе. Русские могут работать один день очень плотно и напряженно, а на другой день – спокойно пить чай и беседовать, если работа уже сделана. Их рабочий ритм больше сориентирован на завершение дела, а не на стандартный утвержденный рабочий ритм, как у немцев. Если Вы приезжаете в командировку в воскресенье, Вас вряд ли встретит кто-то из немецких коллег, так как воскресенье – это их частная жизнь, в которой нет места делам по работе. Немцы день в день уходят на пенсию, когда им исполняется 60 лет (для женщин) или 65 (для мужчин).

Немцы всегда пунктуальны и точны. Это качество выделяет их из всех других народов. Они могут опаздывать, но испытывают при этом чувство дискомфорта и всегда извиняются за опоздание. Немцы понимают, что партнеры из других стран не столь пунктуальны, но их опоздания им не нравятся. Поэтому при контактах с немцами всегда нужно спланировать встречу, назначить на точное время и обговорить с партнерами, сколько эта встреча может продолжаться. Такой принцип контактов касается не только деловой сферы, но и учебы в университетах и частной жизни. В немецких университетах все профессора имеют часы консультаций для студентов и общаются со студентами строго в эти часы. Во время частного визита следует тоже обратить внимание на то время, когда Вас пригласили. Если Вас пригласили на обед, то он обычно происходит в час или в два и продолжается полтора-два часа. Потом гости должны уйти, так как хозяева не рассчитывают кормить Вас ужином или поить кофе. Засиживаться допоздна нельзя, если это специально заранее не оговорено.

Регламентация времени является достаточно жесткой, она является тем порядком, который осознается как комфортный немцами и как напряженный и странный иностранцами. Например, многие иностранцы испытывают дискомфорт из-за того, что в Германии рано закрываются магазины. После 18 часов вечера, кроме четверга, все магазины закрыты. Открытыми остаются только киоски на автозаправках. В субботу магазины закрываются в 14 часов, поэтому, если Вы заранее не позаботились о еде, Вам придется питаться в кафе или голодать. Немцы привыкли к такому ритму жизни, они заранее планируют, когда они пойдут за покупками, сколько потратят денег, что купят. Спонтанность при выборе товаров или их количества им несвойственна.

Такая регламентация времени является следствием потребности в стабильном порядке. Стабильность частной жизни – это то, к чему неосознанно стремятся все немцы. Для них комфортно знать, что будет через два часа, через сутки, через неделю, через месяц. Стабильность частной жизни воспринимается как добродетель, отсутствие стабильности вызывает сильный дискомфорт. В этом смысле немецкий менталитет представляет собой полную противоположность русскому, в котором отчетливо выделяется склонность к спонтанным действиям. К немцам нельзя внезапно приходить в гости, даже поход в кино должен быть заранее спланирован. Поэтому так трудны для русских контакты с немцами в частной сфере.

Жесткая регламентация времени, его планирование связаны с тем общественным идеалом, который долгое время культивировался в немецком обществе. Так называемое «общество максимальных достижений» (Leistungsgesellschaft), ориентированное на экономическое процветание, требовало от человека полной отдачи всех его сил и времени. Известный немецкий предприниматель Крупп, владелец и глава огромной корпорации, описал в своей

автобиографии обычный рабочий день, разделив его по минутам. Опоздание коллег на совещание на 3 минуты грозило увольнением. Правда, в последнее время в немецком обществе среди молодежи наметился скепсис в отношении этого идеала. Молодежь не хочет всю жизнь работать только для достижения экономического процветания. Постепенно в обществе возникает идеал «общества свободного времени» (Freizeitgesellschaft). Но и в этом общественном идеале остается четкое разделение на рабочее время и отдых, который всегда должен быть спланирован.

Важным отличием восприятия времени немцами и американцами в общественной сфере является чувство пессимизма, присущее немцам и отличающее их от американцев. У немцев в общественном сознании есть особая группа - пожилые люди, о которых надо заботиться, которым нужны особые условия жизни. Выход на пенсию воспринимается как закат жизни. В американском обществе «все молодые», пожилые люди полностью адаптированы в общество, о них не говорят как об особой группе. Немецкое общество в сравнении с американским всегда консервативно. Консерватизм понимается как воспроизведение общества через несколько поколений в неизменном виде. Этой цели служит, например, система школьного образования в Германии. Наличие трех типов школ позволяет воспроизводить социальные слои неизменными в течение нескольких поколений. Люди из более высоких слоев общества обучают своих детей в гимназиях, ориентируя их на получение высшего образования в университетах, а значит, на работу в качестве руководителей и на интеллектуальные профессии. Люди средних слоев посылают своих детей в реальную школу, после окончания которой они получают обычно среднее профессиональное образование и не сдают экзамен, дающий право поступать в университеты. Люди более низших слоев ориентируют своих детей на максимально быстрое получение возможности идти работать и посылают своих детей в общую школу, где образование длится всего 9 лет (минимум обязательного образования по закону). Практически переходы из одного слоя в другой очень редки именно из-за наличия тройного стандарта школьного образования.

Ориентация в обществе на максимальный материальный достаток породила в обществе усталость от жесткой регламентации жизни и от ее высокого темпа. С высоким темпом жизни обычно связывают тот факт, что Германия была долгое время единственной европейской страной с неограниченной скоростью движения автомобилей на автобанах (сейчас в Европейском союзе существуют единые правила ограничения скорости движения). Высокий темп жизни порождает состояние усталости, прежде всего, усталости от самой жизни. Поэтому немцы стараются провести жесткую границу между рабочим временем и личной жизнью. Профсоюзы в Германии в течение многих десятилетий борются за

сокращение рабочего времени при сохранении заработка и за увеличение отпуска. В США, например, такую борьбу профсоюзы не ведут, считая, что каждый вправе выбирать, сколько ему работать – много или мало. В результате рабочий день в Германии составляет всего 35 часов в неделю, а продолжительность отпуска – не менее 4 недель в год. Но это, в свою очередь, создает трудности предпринимателям, которым невыгодно такое трудовое законодательство. В результате Германия становится страной с максимальным экспортом рабочих мест в страны Восточной Европы или третьего мира. Такие противоречия невыгодны уже никому, они связаны с негибким восприятием времени в немецком менталитете.

У молодого поколения восприятие времени постепенно меняется. Оно становится не столь жестким, но все его основные признаки – регламентация частной и общественной жизни, планирование, пунктуальность – сохраняются. Правда, они хотят избавиться от слишком высокого темпа жизни и жесткой регламентации своих планов.

Восприятие времени у других немецкоязычных народов – австрийцев и швейцарцев – более мягкое по сравнению с немецким. Нет такого жесткого диктата времени, нет строгой регламентации. Австрийцы любят подчеркивать: «Мы австрийцы, не немцы». У австрийцев нет четких границ между частной и публичной сферами жизни. Австрийский профессор поговорит с Вами и вне часов консультаций, главное – Вы должны быть вежливы и соблюдать необходимый этикет. В восприятии времени важной чертой является ориентация на традицию, определенный консерватизм. В отличие от немцев австрийцы гордятся своим прошлым. У них дома всегда есть старинные вещи, которыми они дорожат. Облик небольших австрийских городов и деревень практически не меняется с течением времени. Туристов, приезжающих в Альпы кататься на лыжах, удивляет та атмосфера покоя и патриархальности, которая царит в австрийских деревнях в горах. Практически во всех ресторанах есть традиционная австрийская еда. В Австрии совсем не так много итальянских, китайских и греческих ресторанов, как в Германии. Австрийцы в своем восприятии времени не устремлены в будущее, они в целом довольны своей жизнью и живут спокойно, не спеша.

С австрийцами легче общаться русским именно благодаря их снисходительности относительно русской спонтанности и непунктуальности. По-видимому, смешение разных народов в течение многих веков, когда Австрия была центром империи, в состав которой входили многие народы Восточной и Центральной Европы, породило особый тип терпимости относительно недостатков представителей других национальностей, хотя сами австрийцы достаточно точны и пунктуальны.

Швейцарцы тоже не стремятся к предельно четкой регламентации своего времени. Они привыкли жить как бы отдельно от других европейских народов. У них тоже есть четкие

правила распределения своего времени, но это больше связано с деловой сферой, а не с частной жизнью. Швейцарцы неторопливы и спокойны, темп жизни в Швейцарии более медленный, чем в Германии. Многие частные магазины работают по своему графику, так, как удобно хозяину, а не по общему строгому графику. Поэтому русские в Швейцарии чувствуют себя тоже достаточно комфортно.

Восприятие времени является одной из важных составляющих менталитета того или иного народа. Для немецкого менталитета восприятие времени является той чертой, которая во многом отделяет немцев от других европейских народов. Незнание этой особенности немецкого менталитета часто приводит к сложностям в контактах с немцами, а иногда и делает эти контакты невозможными.

Частная и публичная формы жизни в менталитете немцев

Одним из основополагающих признаков немецкого менталитета является разграничение частной и публичной форм жизни. Во-первых, частная и публичная форма жизни четко разграничены во времени. Есть специальное слово Feierabend, которое обозначает границу между этими двумя формами. Обычно это слово переводят как конец рабочего дня. Но в языковом сознании немцев оно имеет ряд дополнительных значений: это граница между моей частной жизнью и временем, когда я являлся публичным человеком. На работе я один человек, а после работы или в отпуске – другой. Многие владельцы отелей и ресторанов не любят немецких туристов. Они много шумят, пьют, неаккуратно едят, не уважают местные обычаи. Почему так отличается поведение немцев во время их работы и во время отдыха? Это происходит из-за того, что в ментальности жестко разграничены формы частной и публичной жизни, т.е. на работе действуют одни правила поведения, а вне работы – другие.

Во внешнем мире отношения строятся по-другому. Поэтому для немцев так важно, кто допущен в частную сферу, а кто – нет. Постоянные дискуссии в средствах массовой информации о формах общения на «ты» или на «Вы» кажутся иногда странными. Для русских это, скорее, традиционное обращение, чем имеющее какой-то глубокий смысл. Для немцев обращение на «ты» означает, что человек допущен в частную сферу, значит, к нему надо по-другому относиться, чем к тем, с кем общение происходит на «Вы».

Для немецкого менталитета характерно не только жесткое разграничение сфер частного и публичного, но и закрытость частной формы жизни. Если Вам назначают встречу, то она обычно происходит в кафе, т.е. вне дома. Если Вас через некоторое время приглашают к себе домой, это означает, что Вы допущены в сферу частной жизни человека, а для немцев это значит очень многое. Немецкий дом закрыт для посторонних, приглашают в дом только тех, кто допущен в частную сферу. Вокруг домов всегда стоят заборы, которые не несут никакой функции защиты, а просто отгораживают «мое» пространство от чужого. Наличие

бессмысленных заборов бросается в глаза многим иностранцам, которые побывали в Германии. Комнаты внутри дома или квартиры обычно небольшие, всегда есть двери, часто на дверях замки. Это сильно отличает их от американских домов, где, как правило, мало комнат, но они большие, и между комнатами часто нет дверей.

Закрытость частной формы жизни проявляется не только во внешнем закрытом пространстве дома, но и в максимально закрытой информации о личности. Немцы будут Вам рассказывать при первом знакомстве о своей семье или о своей личной жизни, это табу. Они дают гораздо меньше информации о себе, своих привычках и своей семье, чем русские и американцы. В 80-е годы 20 века в Германии велась дискуссия в средствах массовой информации о защите информации о личности (по поводу Datenschutzgesetz). Для немецкой ментальности скрытость личной информации крайне важна. Никто не хочет распространять ее без особого повода. Когда Вы вступаете в разговор с немцем, важно не касаться тем, затрагивающих его частную жизнь, пока он сам не расскажет о ней. Есть темы разговоров, которые являются табу, например, разговоры о заработной плате или доходе семьи, о семейном бюджете и т.п. Это слишком личные темы для немцев. Табуированные темы разговоров есть практически у любого народа, но у немцев эти запреты проявляются наиболее четко и последовательно. Разговор на такие темы не просто неприятен, он служит сигналом непрошенного вторжения на его частную территорию и может стать концом разговора и контактов. Основная причина такого поведения немцев – закрытость частной формы жизни, закрытость личности.

Закрытостью личности объясняется и эмоциональная сдержанность немцев. Они, по мнению многих иностранцев, редко выражают свои чувства вовне, им не нужно сочувствие других людей. Свою радость они тоже выражают сдержанно. Сдержанность в проявлении эмоций вовне воспитывается с детских лет в семье. Немцы говорят: «Если ты держишься открыто, ты не немец». Такая закрытость личности является, по мнению психологов, не слишком комфортной для человека. Но она сформировалась как реакция на страх перед открытостью. Причина такого страха коренится в историческом прошлом Германии. Малые государство, существовавшие на территории Германии в течение многих веков, развили систему жесткого контроля за личностью, опиравшуюся на множество законов, регламентировавших обыденную жизнь человека. Была развита система контроля за действиями всех людей, система доносов соседей друг на друга. Жесткий контроль за личностью со стороны государства (а оно было небольшое и могло контролировать всех) породил стремление личности отгородиться, защитить себя. Поэтому во внешней сфере немцы всегда стараются предстать добропорядочными гражданами, а свою частную сферу всегда держать закрытой.

Другой важной чертой частной формы жизни немцев является ее упорядоченность. В семейной жизни действует тот же принцип планирования, создания четких ориентиров, принцип досконального соблюдения правил и предписаний. Такая достаточно жесткая регламентация всех отношений в семейной жизни делает семейную жизнь, с одной стороны, предсказуемой и создает тем самым ее стабильность, а с другой стороны, в ней подавляются индивидуальные проявления личности. Протестом против сильной регламентации семейной жизни является нежелание сегодняшнего молодого поколения заключать браки, чтобы оставить место свободе личности в своей частной жизни. Для семейной жизни немцев характерен, например, точный расчет семейного бюджета и распределение обязанностей между членами семьи. Есть много предписаний органов местного самоуправления, как и когда выносить мусор, как подстригать деревья, какого цвета должны быть стены дома или крыши и т.п. Все эти предписания должны тщательно соблюдаться. Для иностранцев такое обилие предписаний, регламентирующих частную жизнь, кажется абсурдным. Но немцы привыкли и видят в этом основу стабильности и размеренности своей жизни. Известным является пример абсурдности соблюдения немцами правил дорожного движения. Если водители двух движущихся навстречу друг другу автомобилей считают, что каждый из них прав, они просто врежутся друг в друга, доказывая свою простоту, но не свернут в сторону. Этот пример показывает, что для немцев важна не сама реальность, а правила и регламентации.

Важной чертой немецкой ментальности является дисциплинированность. Дисциплина понимается как исполнение разного рода предписаний. Такое отношение к предписаниям и указаниям воспитывалось веками во время их жизни в малых городах-государствах, где законы были очень жесткими. В XIX веке в Германии существовал проект создания идеального бюргера, который наделен такими чертами характера, которые позволяют ему идеально выполнять функции, необходимые для его государства, и исполнять свою роль в семье. Поэтому самыми добродетельными чертами характера были прилежание, дисциплина и любовь к порядку. Идеальный бюргер – это человек, идеально исполняющий все предписания в общественной и частной жизни. Образы таких бюргеров описаны в романе Томаса Манна «Буденброки». Даже семейный обед подчинялся множеству мелких предписаний, которые выполнялись с особой тщательностью. В наше время остается достаточно распространенным стиль жизни, называемый бюргерским. Этот стиль подразумевает традиционный уклад жизни, где основными добродетелями считаются дисциплина, любовь к порядку, следование все законам и предписаниям, прилежание в работе и порядок в частной жизни. Поэтому чиновники, которые издают предписания для граждан и следят за их исполнением, оказались значимыми фигурами в немецком обществе.

Об этом писал Ф.Кафка в своих повестях. Потребность в регламентации частной и публичной форм жизни сделала необходимым создание достаточно развитого чиновничьего аппарата со строгим разграничением функций между чиновниками. В современной Германии все государственные и общественные функции строго разграничены между отдельными службами и ведомствами. Например, есть федеральные дороги, строительство и ремонт которых финансируется из федерального бюджета, есть дороги земельного подчинения, а есть коммунальные. Когда участок дороги оказался не распределенным, он остается полуразрушенным, так как каждый говорит: «Не моя ответственность». Немецкий чиновник никогда не выполнит работу, которая не предписана ему инструкциями, он пошлет Вас в другое ведомство. Поэтому многие иностранцы жалуются, что порой даже для решения простой проблемы нужно обойти много инстанций.

Немцы выделяются среди других европейцев еще одним качеством – любовью к порядку и чистоте. Конечно, и среди немцев встречаются люди не очень опрятные, но в целом как нация немцы очень чистоплотны. В немецких сказках и детских книгах хороший герой всегда чистоплотный. В детских книгах чистота всегда связана с добром. Если дом или двор у хозяйки чистый, значит, она добрая. Это вошло в качестве одного из важных принципов в систему воспитания детей и передавалось из поколения в поколение.

Жесткое регулирование частной и публичной форм жизни не создает предпосылок для развития индивидуальности отдельной личности. Но как всякий принцип, проводимый слишком жестко, он неизбежно порождает свою противоположность. Личность хочет вырваться за пределы жестко предписанных ей норм. Индивидуализм личности начинает проявляться вне сферы семейной жизни. Это, прежде всего, посещение различных кружков, курсов и клубов по интересам. Ни в одной другой европейской стране взрослое население не вовлечено так в систему организации свободного времени, как Германия. В немецкой ментальности важную роль играет Verein, клуб по интересам, существующий в каждой общине. Роль таких клубов не столько в том, чтобы немцы не скучали, сколько в том, чтобы создать определенное поле выражения личных увлечений, не регулируемых никакими предписаниями. Это способ реализации индивидуальных устремлений личности. Люди, посещающие такие клубы, часто проводят вместе много свободного времени, это создает круг общения вне работы и семьи. Это своеобразная форма выражения своей индивидуальности.

Если сравнивать австрийское и немецкое восприятие личной и публичной форм жизни, то самой главной отличительной чертой является отсутствие четкой границы между частной и публичной формами жизни. В этом смысле австрийцы более понятны русским, чем немцы. Австрийцы с удовольствием пригласят Вас в свой дом, покажут фотографии своей семьи,

расскажут о себе. Они не так закрыты, как немцы. С ними проще дружить, чем с немцами. Во многих домах количество стульев в доме равно количеству друзей. Друзья часто приходят в гости. Австрийцы больше выражают свои эмоции вовне, чем немцы. В Австрии на улице Вы можете встретить плачущего человека, что практически невозможно в Германии. Возможно, именно с открытой эмоциональностью связано мощное развитие в Австрии драматического театра и театральных школ. Венский Бургтеатр является сегодня одной из самых престижных драматических сцен мира. Австрийцы не противопоставляют свою частную жизнь публичной. Друзья часто оказываются партнерами в деловой жизни. Все эти черты очень похожи на русскую ментальность. Основой такого мировосприятия является жизнь многих поколений в большом имперском государстве, где со стороны государства просто невозможен был жесткий контроль за личностью, как в немецких малых городах-государствах. Австрийцы и даже венцы совсем не так амбициозны, как немцы. Казалось бы, должно быть совсем наоборот. Статус Вены как центра огромной империи, просуществовавшей несколько веков, должен был бы породить высокомерие и амбициозность по отношению к другим народам. Но в силу значительного смешения народов в Австрийской империи этого не произошло. Имперское сознание, наоборот, породило большую терпимость по отношению к другим национальностям. Австрия, расположенная в центре Европы, имеющая множество курортных городов и населенных пунктов, всегда была очень привлекательной для туристов. Не последнюю роль сыграла в этом приветливость и терпимость австрийцев относительно других национальностей.

Швейцарцы отличаются в своем восприятии частной и публичной форм жизни от немцев в большей степени, чем от австрийцев. Постоянный нейтралитет Швейцарии привел к тому, что она не участвовала ни в каких европейских войнах. Это создало образ стабильности жизни. Стабильность внешней жизни повлекла за собой установку на традиционность в поведении и в восприятии мира, что сближает их менталитет с австрийским. Швейцарцы традиционны во всем: их города похожи друг на друга и привлекают своей чистотой и отсутствием современного дизайна, интерьер их жилища всегда традиционен. Швейцарцы хорошие повара, в ресторанах Вам всегда предложат традиционные швейцарские блюда, а не японскую или китайскую кухню. Традиционен и уклад жизни швейцарцев. Их излюбленное занятие – прогулка в горы, для которой они имеют специальную традиционную одежду. Конечно, современная жизнь вторгается в жизнь швейцарцев, но они принимают ее, скорее, по необходимости, стараясь и в новшествах увидеть отблеск своей традиционности. Традиционность швейцарцев проявляется и в их нежелании менять что-то в своем политическом устройстве. Швейцарские законы, как и всю политическая и судебная система очень консервативны. В Швейцарии женщины получили избирательное право только в 1967

году. До этого голосовали только мужчины. В Швейцарии часто проводятся референдумы по поводу изменения законодательства, в котором участвует все взрослое население. Голосование всегда прямое. По сути, большинством голосов населения принимаются все основные законы. В Швейцарии нет регулярной кадровой армии. Все мужское взрослое население считается состоящим на службе. Каждый год взрослые мужчины в течение месяца проходят военные сборы и один раз в месяц выезжают на стрельбы. Военная форма и оружие хранится у них дома. Это напоминает систему военного народного ополчения. Поэтому в Швейцарии самое большое из европейских стран количество военнослужащих в расчете на душу населения. Такой традиционный уклад жизни сильно отличает швейцарцев от других народов, делает непонятной их ментальность. Швейцарцы кажутся замкнутыми и не склонными к контактам, что, конечно, затрудняет общение с ними.

Швейцарцы толерантны по отношению к представителям других культур. Эта терпимость объясняется, в первую очередь, тем, что на территории современной Швейцарии население говорит на 4 языках – более 70 процентов считают родным немецкий, 20% - французский, 7% - итальянский и небольшое количество населения – ретороманский. Жители немецкоязычных кантонов в школе обязательно изучают второй государственный язык – французский или итальянский, франкоговорящие изучают немецкий или итальянский, а те, кто говорит по-итальянски, - немецкий или французский. Обязательное изучение в школе языка и культуры «соседей» формирует терпимое и мягкое отношение к другим национальностям.

Еще одной характерной чертой швейцарцев является их демократизм, который проявляется во всем, начиная от формы приветствия и заканчивая посреднической миссией в спорах между государствами и наличием на территории Швейцарии многих международных организаций. На территории Швейцарии никогда не было королевств, империй или других недемократических форм правления. Швейцария возникла с самого начала как демократическая республика и осталась такой до сих пор. Это самая старейшая демократия на территории Европы из всех существующих. Даже президент Швейцарии избирается сроком на один год и однократно. Такого демократизма нет ни в одной другой европейской стране.

Особенности ментальности швейцарцев по сравнению с немцами и австрийцами еще раз подтверждают тот факт, что общность языка не является однозначной предпосылкой для формирования сходного менталитета. Историческое прошлое народа, породившее особое мировосприятие, разные поведенческие образцы и эмоциональные реакции, передающиеся из поколения в поколение неосознанно, являются основой для формирования разных менталитетов.

2.3. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Объектом исследования в настоящей работе является антропонимический концепт как тематическая разновидность ономастического концепта определённой тематической характеристики, а именно, концепт ИУДА как символ предательства. Рассматриваются закладка начальных признаков формирования концепта в текстах Четвероевангелия, дальнейшее развитие такого формирования в текстах христианских апокрифических произведений, устном фольклоре и т.п. Рассмотрены аспекты частичной интерпретации содержания концепта в Новое время и выяснено, что, несмотря на различные противоречивые трактовки внешности, мотивов поступка, черт характера и т.п. концепт существенных изменений не претерпел. Данный феномен объясняется заложенной оценочной ёмкостью изначальной интерпретации концепта, сформированной ценностными основаниями изображения персонажа и его мотивов в первоисточниках и ближайших по времени интерпретациях данного текста. Диаметрально противоположные интерпретации обусловлены двумя начальными версиями, заложенными в Евангелиях и апокрифических документов. Согласно основной версии, Иуда предал Учителя из корыстных побуждений, а согласно второй версии, он выполнил волю Христа, который сам дал Иуде задание пойти и предать Его. Второй важной группой расхождений в интерпретациях образа Иуды является мнение относительно того, раскаялся ли Иуда в своём поступке или нет. В работе показан генезис и целостная картина формирования антропонимического концепта на основе лингвистических и экстралингвистических данных.

Ключевые слова: ономасиологический концепт, антропонимический концепт, ценность, оценка, интерпретационный анализ.

Abstract. The object of the present research work is the anthroponymic concept as a thematic specie of the onomasiological concept, namely, the concept JUDAS as a symbol of a traitor. The initial setting of the concept formation in the texts of the Four Gospels and the subsequent development of the mentioned formation in the Early Christian apocrypha and folklore works are viewed. The aspects of partial interpretation of the concept’s content in the New Time were viewed and it was discovered that in spite of the different controversial interpretations of Judas’ appearance, motivation of his deed, his personality etc. the concept has not undergone any substantional changes. This phenomenon is explained by the inner evaluation capacity of the initial concept’s interpretation that was formed by the value basis of the personage’s depicture and motivation in the initial and those close in time to the initial ones literary works. The polar, contrary interpretations are determined by the two initial versions in the Four Gospels and the early Christian apocrypha. According to the first version, Judas betrayed his Teacher because of practical, sordid

motives, and according to the second one, Christ Himself told Judas to go and betray Him. The second important group of cleavages in the interpretations of the image of Judas is the dilemma of Judas's repentance: whether he repented his deed or not. The work shows the genesis and the complex picture of the anthroponymic concept's formation on the basis of different linguistic and extra-linguistic data.
Keywords: onomasiological concept, anthroponymic concept, value, evaluation, interpretational analysis.

Современное языкознание переживает интересный момент своей истории. Переход от структурно-функциональной парадигмы лингвистических исследований к антропоцентрической признаёт ведущую роль человека как основного и единственного пользователя языком и знаменуется приоритетным развитием когнитивно-дискурсивных исследований в первую очередь значимых единиц языка. При этом общий вектор исследований смещается с единиц лексического и синтаксического уровней на уровень текста и микротекста (сверхфразового единства/сложного синтаксического целого). На наш взгляд, данный сдвиг не случаен, поскольку единицы как лексического, так и синтаксического уровня не просто составляют единицы более высоких уровней, не просто являются «кирпичами» и «строительными блоками» текста, а обретают собственные формальные и функциональные характеристики, проходя через горнило практики их текстового использования. При этом, несомненно, не преумаляется значимость научного исследования единиц «средних» уровней иерархии системы средств языка и речи как центральных объектов исследования, но учёные не просто осознали, но и, пожалуй, прочувствовали, что, например, исчерпывающую научную характеристику семантических свойств определенного слова или же словесной парадигмы можно адекватно полно описать, если прибегнуть к исследованию различного рода вертикальных контекстов, философских и религиозных доктрин, политических течений, социальных условий, документов юридически-правового характера, документов мемуарного жанра и т.п., в которых данная лексическая единица была использована как средство иллокутивного воздействия на читательскую или же реально присутствующую в одно время и в одном пространстве с оратором аудиторию.

В свою очередь, это ставит перед современным исследователем ряд задач, в результате выполнения которых он должен стать не просто знатоком-профессионалом в определённой отрасли научно-лингвистического исследования, а своего рода энциклопедистом, владеющим методикой практического исследования информативных источников, выходящих за рамки сугубо сферы языкознания. Он должен не просто придерживаться определённого философского мировоззрения, но также знать историю своего этноса и мирового сообщества в целом, иметь достаточно глубокое понимание канонической и

морально-этической специфики различных религиозных воззрений, объективно интерпретировать различные политические взгляды и платформы, течения и партийную деятельность различных кругов современной политической жизни, владеть фундаментальными знаниями по социологии и культурологии и, что не менее важно, приобрести как бы дополнительную специальность литературоведа для того, чтобы уметь сопоставить различные тексты для достижения наиболее эффективного результата в своём исследовании.

Такую возможность в настоящее время даёт комбинированная методика исследования лингвистической единицы как таковой в сочетании с анализом дискурса, или дискурс-анализа, как важного инструмента осмысления фактов сугубо лингвистического характера посредством поддержки информативным материалом исторического, политического, литературного, этического, эстетического и т.п. характера. Важным связующим звеном такого взаимодействия является концептуально-дискурсивный анализ той единицы языкового или речевого знакового характера, на которую направлен комплекс лингвистический усилий исследования.

Но сколько бы мы не говорили о какой-либо перспективной методике исследования, она остаётся зависшей в воздухе без конкретизации объекта исследования.

В рамках данного исследования основной оперативной единицей признаётся антропонимический концепт. Вводя данный термин, А.С. Щербак, в частности, пишет: «Универсальной единицей хранения и передачи ономастической информации, при помощи которой осознается и структурируется полученное знание, является **ономастический концепт**. Термин «ономастический концепт» понимается как **особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности**» [выделение здесь и далее автора – И.Ч., О.П] [Щербак, 2009, с.169]. И далее: «… под **ономастической категорией понимается объединение имен собственных на основе общего концепта (концепта имени)**. Ономастические категории имеют такой же характер, что и другие лексические категории, поскольку язык использует общекогнитивные механизмы категоризации. Антропонимический концепт лежит в основе антропонимической категории, топонимический концепт – в основе топонимической категории. Ономастические категории отражают языковые знания человека, его деятельность с языком – умение пользоваться ономастическими знаками для называния объектов действительности» [Щербак, 2009, с.170].

Данные определения, на наш взгляд, так и не показывают те реперные точки, за которые мог бы «зацепиться" исследователь того, какое ценностное содержание стоит за определённым именем, реализующим антропонимический концепт. Представляется, что более конкретные

основания к такой исследовательской процедуре заложены с словах Л.О. Чернейко: «Концепт ономасиологический есть не что иное, как «основополагающее понятие» культуры … Это те доминантные смыслы, которые воплощаются в разных кодах культуры: в слове, звуке, цвете, материальном предмете» [Чернейко, 2007, с. 174].

В настоящей работе мы хотели бы показать, как дискурсивный анализ может быть применим к различным интерпретациям определённой структуры знаний на примере такого персонажа мировой культуры, как Иуда.

Система знаний об иуде как человеке в мировой системе религиозных, исторических и литературных знаний

Анализ общей структуры знаний об Иуде как религиозно-литературном персонаже следует начать с того, что какие-либо реальные исторические сведения о нём отсутствуют. Тем не менее, ассоциативно-когнитивное поле, связываемое с этой возможно вымышленной личности, не менее мощно, нежели аналогичные поля таких реальных персонажей истории, как Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт, Адольф Гитлер и др.

Очевидно, начать следует с первоисточника, которым, как известно, является Новый Завет. Весьма важно, что в каждом из них повествование идёт от третьего лица, что, как известно, является признаком объективного повествования. Несомненно, это сказывается и в тех относительно немногочисленных случаях (что даёт возможность представить соответствующий текст по крайней мере из двух Евангелий, написанных непосредственно апостолами Иисуса), в которых речь идёт об Иуде. В частности, в каждом из четырёх Евангелий встречаем следующее:

(Евангелие От Матфея[9])

1. Среди апостолов, которые пошли за Христом, он упоминается последним, в частности: Гл.10. 4 Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его.

2. Далее Иуда появляется только в Гл. 26 в следующем контексте: 3 Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, 4 и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; 5 но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе. Затем в этой главе речь идет о том, как блудница со слезами помазала голову Иисуса миром, а когда ученики (в тексте не конкретизуется, что возмущался именно Иуда) вознегодовали от такой неумеренной траты. Иисус пристыдил их, 14 Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошёл к первосвященникам 15 и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; 16 и с того времени он искал удобного случая предать Его.

[9] Цифры перед Евангельским текстом обозначают номер стиха (без указания страниц)

3. В той же Главе, во время Тайной Вечери, Иисус говорит, что один из присутствующих здесь учеников предаст Его; 21 и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. 22 Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? 23 Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; 24 впрочем Сын Человеческий идёт, как писано о Нём, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предаётся: лучше было бы этому человеку не родиться. 25 При сём и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? [Иисус] говорит ему: ты сказал.

4. Глава та же; Иуда появляется в кульминационный момент Евангелия, в момент ареста Иисуса, в качестве одного из двух главных действующих лиц: 47 И, когда ещё говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришёл, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. 48 Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. 49 И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. 50 Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришёл? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его.

5.Последний раз Иуда появляется в начале следующей 27 Главы, после ареста Иисуса, в таком контексте: 3. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуждён, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, 4 говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. 5 И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошёл и удавился.

Здесь следует подчеркнуть: Иуда заключил такую «сделку» по собственной инициативе. Можно предполагать, что он был очень прагматичным человеком, инициировав предательство человека, который ему, по крайней мере, не сделал ничего плохого, за деньги. Нельзя исключать, что его возмутило заступничество Иисуса за блудницу, потратившую довольно дорогой материал, по его мнению, впустую. В то же время последний пункт даёт основания полагать, что в конце концов морально-этические соображения в Иуде пересилили меркантильные.

В тексте следующего Евангелия от Марка существенных отличий первых четырёх выделенных выше пунктов по сравнению с Евангелием от Матфея не обнаружено. Существенным является отсутствие факта возврата Иудой денег первосвященникам и его самоубийства.

Отсутствует упоминание возврата денег Иудой и его самоубийства и в Евангелии от Луки. Впрочем, исторически доказан тот факт, что Матфей был сам одним из 12 апостолов, в то время как ни Марк, ни Лука (если не считать того, что Лука и Клеопа встречались с воскресшим после распятия Иисусом на пути в Эммаус) непосредственно учениками Иисуса не были и свои Евангелия написали по мотивам воспоминаний о Спасителе реальных

апостолов. В Евангелии от Луки факта ради стоит также отметить следующие особенности. Во-первых, в перечислении апостолов Иуде отводится отдельный стих, хотя он также упоминается последним. Во-вторых, Лука, как и апостол Иоанн, в Главе 22 говорит об участии нечистой силы в принятии Иудой решения о предательстве: «3. Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа двенадцати, 4. И он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. 5. Они обрадовались и согласились дать ему денег». В-третьих, когда Иуда подходит для предательского целования к Иисусу, Он не задаёт Иуде никаких вопросов.

В Четвероевангелии особое место (на основании коренного отличия текста данного Евангелия от остальных трёх) принадлежит Евангелию от Иоанна, который так же, как и Матфей, был непосредственно учеником Иисуса и, как подчёркивается неоднократно в данном Евангелии, учеником любимым (на что впоследствии опирались адвокаты гомосексуальных отношений, утверждая, что любовь Иисуса и Иоанна носила именно такой характер). Естественно, в этом тексте имеются и особенности описания фактов, связанных с Иудой. Иоанн также не упоминает о возврате денег и самоубийстве. У него отсутствует перечисление всех апостолов в одном месте. Иоанн также утверждает, что Иисус заранее предвидел предательство Иуды, о чём свидетельствуют следующие строки:

Гл. 6: 70 Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол. 71 Это говорил Он об Иуде Симонове Искариоте, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати.

Как и Матфей, Иоанн также связывает возмущение с неоправданным расходом дорогостоящего масла, но в этом случае именно возмущение не подчёркивается. В тексте это выглядит следующим образом:

Гл. 12: 3 Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отёрла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. 4 Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: 5 Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? 6 Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел [при себе денежный] ящик и носил, что туда опускали.

Кроме того, по Иоанну замысел Иуды о предательстве пришёл к нему непосредственно (не исключено, что и ранее) во время Тайной Вечери:

Гл. 13: 2 И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его…

Иоанн достаточно подробно рассматривает тот момент, когда Иуда удалился для того, чтобы привести воинов и служителей для ареста Иисуса:

Гл. 13: 20 Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. 21 Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. 22 Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. 23 Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. 24 Ему Симон Пётр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. 25 Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? 26 Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. 27 И после сего куска вошёл в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. 28 Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. 29 А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. 30 Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

Во время ареста Иисуса у Иоанна совершенно не упоминается пресловутый поцелуй:

Гл. 13. 2 Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. 3 Итак Иуда, взяв отряд [воинов] и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. 4 Иисус же, зная всё, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? 5 Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его.

Здесь приведён современный Синодальный перевод, что может вызвать критические замечания со стороны приверженцев буквального толкования Священного Писания. Для «чистоты» исследования сравним данный текст с оригинальным текстом на древнегреческом койне и его церковнославянский перевод.[10] Вопросы могут возникнуть в связи с Синодальным текстом по Евангелию от Иоанна, в том месте, когда Иуда привел людей для ареста Иисуса. Проблема состоит в слове «предатель», которое в современном русском языке характеризуется обязательной отрицательной коннотацией, что может создать впечатление определённой предвзятости евангелиста Иоанна по отношению к Иуде. Начнём, тем не менее, с Евангелия от Матфея, который буквально с протокольной чёткостью фиксирует основные моменты жизненного пути Спасителя со своими учениками. Все лексические единицы, передающие действие предательства[11], т.е. глагол и отглагольные формы, не дают оснований говорить о том, что автор лично употребляет маркированные негативно по отношению к Иуде единицы оценочно-коннотативного характера в повествовании, в частности:

[10] За отсутствием в Редакторе Word соответствующего шрифта церковнославянское написание даётся в современной транслитерации.

[11] В принципе, здесь уместно и слово «продажа», поскольку Иуда фактически инициировал и вкупе с первосвященниками совершил акт «купли-продажи» Иисуса.

[15] εἶπεν τί θέλετέ μοι δοῦναι κἀγὼ ὑμῖν **παραδώσω** αὐτόν οἱ δὲ ἔστησαν αὐτῷ τριάκοντα ἀργύρια. – Рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ **предамъ** Его; они же поставиша ему тридесять сребренникъ.

[48] ὁ δὲ **παραδιδοὺς** αὐτὸν ἔδωκεν αὐτοῖς σημεῖον λέγων ὃν ἂν φιλήσω αὐτός ἐστιν κρατήσατε αὐτόν. – **Предаяй** же Его даде имъ знамение, глаголя: Его же аще лобжу, Той есть: имите Его.

Тем не менее, Матфей вкладывает прямую отрицательно-оценочную характеристику предателя (не Иуды персонально) в уста Спасителя, говорящего о том, кто предаст Его: [23] ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν ὁ ἐμβάψας μετ' ἐμοῦ τὴν χεῖρα ἐν τῷ τρυβλίῳ οὗτός με **παραδώσει** [24] ὁ μὲν υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ὑπάγει καθὼς γέγραπται περὶ αὐτοῦ οὐαὶ δὲ τῷ ἀνθρώπῳ ἐκείνῳ δι' οὗ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου **παραδίδοται** καλὸν ἦν αὐτῷ εἰ οὐκ ἐγεννήθη ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος. – Онъ же отвещавъ рече: намочивый со Мною в соліло руку, той Мя **прѣдастъ**. Сынъ же Человѣческій идеть яко же писано о Немъ. Горе же человѣку тому имже Сынъ Человѣческій **предастся**: добро бы было ему, аще не бы родился человѣк той. По большому счёту, это даже не оценка в прямом значении этого слова. Иисус скорее высказывает сожаление о страшной судьбе человека, который Его предаст.

В то же время имплицитным выражением отрицательного отношения Матфея к Иуде может послужить то, что он заостряет внимание на вопросе именно Иуды (ведь практически все апостолы задавали вопрос: не я ли это?) и последующем ответе Иисуса:

[25] ἀποκριθεὶς δὲ Ἰούδας ὁ **παραδιδοὺς** αὐτὸν εἶπεν μήτι ἐγώ εἰμι ῥαββί λέγει αὐτῷ σὺ εἶπας. – отвещаше же Иуда **предаяй** Его, рече: еда азъ есмь, Равви; Глагола ему: ты реклъ еси.

Грамматические совпадения оригинала и его церковнославянского перехода достаточно точны и не вызывают каких-либо вопросов. Основная точка преткновения, на наш взгляд, состоит в соотношении коннотативных характеристик глаголов παραδίδωμί и предавать. Сравним словарные статьи двух древнегреческих глаголов:

παρα-δίδωμί (δι) 1) передавать (τω παίδι την αρχήν Her; τά πάτρια τεύχεα τω Λαέρτιου Soph.; την πάλιν τοις έπιγιγνομένοίς isoer.): οι παραδεδομένοι μΰθοι Arst. перешедшие по преданию мифы; παραδεδομένα και μυθώδη Dem. предания и сказания; 2) выдавать, сдавать (δπλα Хеп.; την Σάμον τινί Her.; τι έπ' άργυρίω piut.): π. έωυτόν Her. сдаваться; 3) отдавать, предавать (τινί τους νέους διδάσκειν piat.): τύχη αυτόν π. Thuc. отдаваться на волю судьбы; παραδουναί τίνα τοις ένδεκα Lys. предать кого-л. суду Одиннадцати; π. ήδοναις (sc. εαυτόν) предаваться наслаждениям; 4) давать, доставлять (κυδός τινι Pind.); 5) разрешать, допускать: ην οι θεοί παραδι- δώσιν Хеп. если позволят боги; 6) предоставлять, уступать (την νίκην τινί Her.); 7)

наносить (πληγή σιδήρω παραδοθείσα Eur.); 8) (о плодах) доходить, поспевать (δταν παραδώ — ν. I. παραδοι — ό-καρπός ντ) [Дворецкий, II, 1958, с.1238].

προ-δίδωμι 1) (вы)давать вперёд (sc. τον μισθόν Xen.); 2) вероломно выдавать (τάν φυγάδα Aesch.; ικέτας Eur.): προδέδοται τά κρυπτά μου Eur. мои тайны выданы; π. τινά θανεΤν Eur. выдавать кого-л. на смерть; 3) сдавать на капитуляцию (πόλιν Her.); 4) оставлять в беде, (изменнически) покидать (την Ελλάδα Her.); 5) совершать измену, изменять: π. όρκους Xen. Изменнически нарушать клятвы; τινι την νίκην π. Piat. (за взятку) устроить кому-л. победу (на состязании); π. προς τίνα Her. изменнически перейти на чью-л. сторону; 6) оказываться неверным, обманывать: ούτοι προδώσει χρησμός Aesch. прорицание (Аполлона) не обманет; 7) оказываться негодным или недостаточным: του φράγματος προδεδωκότος Her. когда стена пришла в негодность; προδουναι τά ρέεθρα των ποταμών Her. (неудивительно, что) воды рек иссякли; χάριν προδόντες Eur. забыв о благодарности; των κάτω πλίνθων προδιδουσών τάς άνω Xen. когда нижние кирпичи стали подаваться под тяжестью верхних; 8) отказываться, оставлять, бросать (ήδονάς Soph.; τάς ελπίδας Arph; τον αγώνα Aeschin.) [Ibid.: 1376].

Нетрудно заметить, что глагол προδίδωμι куда более соответствует русскому «предавать», нежели παραδίδωμί. Проблема, тем не менее, решается достаточно легко. Современные русские глаголы «передавать» и «предавать» репрезентируют различные лексико-семантические варианты этимологически одного и того же глагола «прѣдавати», в денотативном значении соответствующего русскому «передавать». Можно предположить, что это различие возникло в результате двух синергетически совпавших по времени процессов - фонетического (развитие полногласия) и семантического (расщепление полисемии слова «прѣдавати»). В результате префикс в основном варианте исходной лексемы, обозначающем «передачу», подвергся действию полногласия, а в варианте, обозначающем «предательство», префикс остался в исконной форме. Таким образом, утверждать, что у Матфея содержатся какие-либо оценки поступка Иуды, можно лишь с применением процедуры аксиологической интерпретации текста, проще говоря, с известной долей надуманности.

В Евангелии от Иоанна в соответствующих местах употребляется тот же глагол, поэтому в тех местах, где речь идёт непосредственно о факте предательства, едва ли можно обвинить автора в какой-либо предвзятости к поступку Иуды, ср.:

[2] ἤδει δὲ καὶ Ἰούδας **ὁ παραδιδοὺς** αὐτὸν τὸν τόπον ὅτι πολλάκις συνήχθη Ἰησοῦς ἐκεῖ μετὰ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ – Ведаше же и Иуда **предаяй** его место, яко множицею собирашеся Иисусъ ту со ученики своими.

[5] ἀπεκρίθησαν αὐτῷ Ἰησοῦν τὸν Ναζωραῖον λέγει αὐτοῖς ἐγώ εἰμι εἱστήκει δὲ καὶ Ἰούδας **ὁ παραδιδοὺς** αὐτὸν μετ' αὐτῶν – Отвещаша ему: Иисуса Назорея. Глагола имъ Иисусъ: азъ есмь. Стояше же и Иуда, **иже предаше** Его, съ ними.

Интересно переводческое несовпадение оригинального и церковнославянского текстов, где в последнем имплицитно наводится объективность Иоанна в описании действий выдачи Иисуса воинам и рабам первосвященников. Если в оригинале в обоих указанных выше стихах присутствует форма ὁ παραδιδοὺς, соответствующая русскому причастию «п(е)редающий», то в церковнославянском переводе имеется уже две отличные друг от друга формы: в Ст.2 форма «предаяй» (Имперфект) соответствует причастию прошедшего времени несовершённого вида «предающий». А в Ст. 5 «иже предаше» (Аорист) соответствует причастию прошедшего времени совершённого вида «предавший». Тем самым, когда вопрос «Кто здесь Иисус?» ещё не был задан, Иуда еще не предал Иисуса; он был в процессе предательства, но после того, как Иисус ответил на этот вопрос утвердительно, факт предательства уже совершился. В современном русском языке нет раздельных словесных форм для обозначения предающего и предавшего человека, что и обусловило общую форму «предатель» в Синодальном переводе. Насколько важно, что факт предательства совершился до ответа Иисуса на вопрос или после него, будет показано выше.

В различных редакциях Священного Писания часто даётся сноска, что в переводе с древнегреческого δοάβολος переводится как «клеветник» (что подтверждает и словарь: «I δοά-βολος 2 клеветнический, клевещущий, злословящий Pind., Arph., Men. II δοάβολος ὁ 1) клеветник Arst.; 2) диавол NT [Дворецкий I 1958: 1238]». Слова «клевета» и «клеветник» безусловно носят отрицательные значения, поэтому связь с дьяволом Иоанн безусловно осуждает. Иоанн также даёт однозначную характеристику Иуды как вора, подчёркивая при этом, что Иуда не только вор, но ещё и лицемерит, когда говорит о том, что деньги за миро было бы лучше потратить на бедных, на самом деле, очевидно, планируя похитить все деньги или хотя бы их часть.

Таким образом, прямого осуждения факта выдачи Иисуса Иудой первосвященникам за плату во всех указанных Евангелиях как единственном каноническом первоисточнике знаний о предательстве Иуды нет, но есть имплицитные и эксплицитные предпосылки к осуждению его как личности, как человека, и, соответственно, превращению его имени в прототип предательства в веках.

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ИУДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Апокрифы и народное творчество до нового времени

Очевидно, хронологически оправданным было бы начать анализ дальнейших интерпретаций истории и деяния Иуды с апокрифических и фольклорно-мифологических произведений, появившихся в переходный от античного к раннему средневековью период. Оставив сюжетные подробности, попробуем осветить важнейшие моменты, привносящие дополнительную информацию к евангельской характеристике Иуды.

Несомненно, наиболее известным и в то же время эпатажным является апокрифичное «Евангелие Иуды». Общие сведения об этом источнике таковы: это « … часть папирусного «Кодекса Чакос», древней коптской рукописи, найденной в Египте в 1978 году; современный перевод 2006 года; определён в ряд гностических апокрифических (неканонических) евангелий. В тексте Иуда Искариот показан как единственный ученик, которому Иисус Христос открыл все таинства Царства небесного и которого обучал космологии» [https://ru.wikipedia.org/wiki\Евангелие Иуды]. Известно также, что упоминание о самом тексте и об учении, изложенном в данном тексте, можно найти у таких авторитетных и даже канонизированных авторов, как Ириней Лионский (II в.н.э.) и Епифаний Кипрский (III в.н.э), подвергающие изложенные в данном произведении события и умозаключения корректной, но радикальной критике. В частности, Ириней Лионский пишет: «… Иуда есть предатель, и сами они [гностики] признают, что Христос, а не Иуда пришёл на страдание. Каким же образом Иуда, предатель Того, Кто имел пострадать ради нашего спасения, мог быть типом и образом страждущего эона?» [https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/protiv-eresej/2_20].

Общую фабулу данного произведения можно сформулировать следующим образом: Иуда не покончил с собой, и после казни Иисуса написал нечто вроде собственного Евангелия, в котором оправдывает свой поступок прямым указанием Иисуса пойти и выдать его первосвященникам. Вот что в частности написано в этом апокрифе: «Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесешь в жертву. Уже твой рог вознесся, и твой гнев наполнился, и твоя звезда закатилась» [http://royallib.com/book/iskariot_iuda/evangelie_iudi.html]. При этом выбор Иуды на выполнение столь «ответственной» миссии объясняется недоверием и разочарованием Иисуса относительно прочих апостолов вследствие их ограниченности и предвзятости. Здесь же подтверждается и то, что Иуда получил денежное вознаграждение за выдачу Иисуса. Возьмём это положение на заметку, ибо идея исключительность личности Иуды, его статуса на голову выше прочих апостолов в интеллектуальном плане будет освещена ещё не раз при анализе более поздних произведений литературы и искусства.

В другом евангельском апокрифе, «Евангелии от Варнавы», чудесным образом в результате прямого участия архангелов Гавриила, Михаила, Рафаила и Уриила было сделано так, что

вместо Иисуса был арестован и затем казнён принявший Его внешний облик вор, обманщик и предатель Иуда. Оставив учёным-религиоведам и богословам доказывать несостоятельность этого «документа», который достаточно обоснованно считается подделкой XV века (чем и обусловлена его относительно низкая известность), можем сказать, что Иуде здесь даётся отрицательная характеристика, несущественно отличающаяся от той, которую даёт ему в своём Евангелии апостол Иоанн [http://www.rulit.me/books/evangelie-ot-varnavy-422352.html].

Достаточно интересным и содержательным представляется и такое апокрифическое произведение, как «Арабское Евангелие детства Спасителя», написанное на арабском языке и переведенное на латынь профессором Кембриджского университета Г. Сайком в 1697 г. В нём, в частности, сообщается следующее: в детстве Иуда был одержим злым духом и поэтому часто грыз всех окружающих его, а когда они разбегались, грыз свои руки и ноги, пока он не встретился с Иисусом, с которым жил в одном городе, и когда он укусил Иисуса в правый бок, из Иуды в тот же миг выскочил дьявол в образе бешеной собаки, вследствие чего Иуда исцелился от своего недуга. В данном тексте подчёркивается, что именно в то место, куда Иуда укусил Иисуса, римский воин вонзил копьё во время казни Иисуса. Кроме Иуды, Иисус в детстве исцелил ещё двоих будущих апостолов – Варфоломея и Симона Канаанита [Эл. ресурс. URL http://apokrif. fullweb.ru/ apocryph1 /ev-arab.shtml].

Заслуживает внимания и небольшое по объёму, но достаточно содержательное для анализа в данной статье апокрифического «Сказания учителя церковного Иеронима святого о Иуде предателе Господа нашего Иисуса Христа», имевшего достаточно широкое распространение на Руси. Согласно «Сказанию …», когда Иуда родился в Иерусалиме, его мать увидела страшный сон о необычайно злодейском будущем своего сына, после чего родители, будучи не в силах самим лишить его жизни, положили его в ковчежец и пустили его в море. Море прибило ковчежец к острову Искариот (отсюда и прозвище Иуды), где бездетная царская семья усыновила его. После того, как у царской четы родился собственный сын, Иуда много издевался над ним и в конце концов убил его. Испугавшись кары, он бежал в Иерусалим, где устроился слугой у Понтия Пилата, и в дальнейшем, снискав его расположение, дослужился до управителя в его дворце. Однажды, когда Иуда по желанию Пилата воровал яблоки в саду своего настоящего отца, последний застал Иуду in flagranti. Разгорелась драка, в которой Иуда убил отца камнем. Вскоре Пилат выкупил оставшееся без хозяина имение, а вдову хозяина отдал в наложницы её собственному сыну. В дальнейшем Иуда и его мать выяснили все обстоятельства, и Иуда с покаянием пришёл к Иисусу с исповеданием своих грехов. Далее всё происходило по общему евангельскому сюжету: Иуда был вором, воровал десятую часть от всех денег, которые люди давали Иисусу и его ученикам, и, возмутившись

неоправданной тратой дорогостоящего благовония, предложил первосвященникам за тридцать сребренников предать Иисуса. После, раскаявшись в своём поступке, он бросил деньги в храме, пошёл и удавился. Обстоятельства самоубийства сопровождались знаковым по воззрениям того времени явлением: «… бросил сребренники в церкви, после чего пошел и на дереве удавился и излилась вся утроба его. Живот его вывернуло наружу и вся утроба исторглась, в которой зачалась и родилась злоба и предательство на Господа нашего Иисуса Христа» [Эл. ресурс. URL https://sites.google.com/site/russkieskazki/.../ska zanie- ieronima-o-iude-predatele-skazani...]. Примечательно, что сюжет с «исторжением утробы» встречается как в таком каноническом тексте, как «Деяния апостолов», автором которого является евангелист Лука, и в таком известном издании III века, как «Церковная история» известного автора Сократа Схоластика, в частности, в Гл. 38 Кн. 1, где описывается страшная смерть известного ересиарха Ария, у которого в общественном туалете Константинополя выпали внутренности [Сократ Схоластик, 1996, с. 60-61]. Вполне возможно, что аллюзия на указанные произведения апостола Луки и Сократа Схоластика как раз нашла своё отражение в данном «Сказании…».

Не обошла «тема Иуды» и народное творчество. Обстоятельства предательства Иуды получили широкое развитие в фольклоре различных народов, преданиях и даже наделении второстепенных обстоятельств определённым символическим содержанием. Так, например, обширную интерпретацию получило дерево, на котором повесился Иуда. На такой статус в сказаниях разных народов «претендуют» бузина[12], рябина, осина и берёза. Именно потому, что именно их прочили в столь мерзкое дерево, осина задрожала от страха (поэтому её листья до сих пор дрожат от малейшего дуновения ветра), берёза побелела (отсюда цвет её ствола и листьев), а рябина обрела красные плоды по цвету Крови Христовой.

Ни в одном из Евангелий нет сведения о том, когда родился Иуда, но в народе возникло поверье в то, что Иуда родился первого апреля; по крайней мере, так полагают лужичане и поляки [www.bee-book.com/subs/goal/149.php]. Не исключено, что «день мирового обмана» возник по ассоциации на лживую и предательскую сущность Иуды.

Согласно украинскому поверью, неупокоенная душа Иуды скитается по белу свету, не имея пристанища даже в аду, и если человек нарушил пост на Страстной неделе, она может вселиться в него и даже вызвать падучую.

[12] Бузина, как известно, является кустарником с очень тонкими ветвями, на которых нельзя повесить даже мелкое животное весом более 2 кг. Тем не менее, народное предание чаще всего отводило данную роль именно бузине. Так. например, в романе В. Гюго «Человек, который смеётся» один из главных персонажей, Урсус, который занимался нелицензированным врачеванием, остроумными ответами избежал наказания за предосудительные занятия. В частности, в ответ на обвинение в том, что он слишком большое внимание уделяет бузине как лекарственному средству, он достаточно уверенно ответил: «Я объясняю целебные свойства бузины тем, что на ней повесился Иуда»

Существуют и разногласия относительно внешности Иуды. В иконографии все изображения Иуды, безусловно, изображают человека с ярко отталкивающей внешностью. Часто его полагали рыжим на том предубеждении, что рыжие люди хитры и лукавы. Достаточно часто иуда изображается лысым. Густав Доре, оставаясь верным своей авторской стилистике, изображает вешающегося Иуду с копной седых волос и густой лохматой бородой. Наиболее известным является полотно итальянского живописца XIII-XIV веков Джотто ди Бондоне «Поцелуй Иуды». Вот как выглядит достаточно выразительное описание этой картины, в центре которой Иуда тянется своими губами к губам Христа для поцелуя:

«Джотто изображает совершенный образ Христа: благородное, серьезное лицо, высокое чело, золотые волосы, спокойный взор, сильная шея. Иуда же предстает перед нами отталкивающе-уродливым персонажем с вогнутом лбом, маленькими глазами, похожий на неандертальца. Впервые художник отождествляет внешние красоту и благородство с совершенством духовным и нравственным, а физическое уродство − с уродством душевным.

Перед нами психологическая сцена безмолвного объяснения между двумя людьми, внутренний диалог, разговор глазами. Иуда Искариот снизу всматривается в Христа, он вопрошает, он ищет какого-то ответа. Христос не отвечает, спокойно смотрит, словно отражая взгляд ученика, потому что тот сделал свой выбор. Кажется, что происходит бурная сцена, но художник останавливает действие в кульминационный момент. Он как режиссер создает психологическую паузу за секунду до поцелуя. Джотто удивительно тонко и остро обнажает выяснение отношений в этой паузе» [Эл. ресурс. URL http://money.prichod.ru/parishioners-on-the-feasts/velikiy-post/21249/].

В то же время и Джотто, и Доре не раз, изображая Иуду, придавали ему совершенно разные облики. Так, в описанной картине у Иуды одутловатое лицо и чёрные волосы, а на другой картине Джотто с сюжетом получения 30 сребренников, у Иуды впалые щеки и светлые волосы.

Стоит также упомянуть, что перед тем, как вписать Иуду в число совершающих Тайную Вечерю, Леонардо да Винчи несколько дней обходил миланскую клоаку того времени, пока не нашёл подходящего для этой цели натурщика.

Говоря об иконографии, нельзя не упомянуть икону «Тайная Вечеря» работы Андрея Рублёва (1405, Благовещенский собор Московского Кремля). На ней Иуда единственный из апостолов макает кусок хлеба в солило, и при этом Иисус и все апостолы сидят прямо, а Иуда наклонился, чтобы дотянуться до чаши, согнувшись практически пополам. Этот образ примечателен тем, что у Иуды на нём юное, свежее, безбородое лицо, и, как утверждают различные источники, Рублёв намеренно в образе Иуды передал свой автопортрет, подчёркивая, что как человек и как монах он не лучше Иуды, как символ смирения.

Суммируя общую информацию, данную в Четвероевангелии, в апокрифических произведениях, народных поверьях и легендах, а также в живописи об Иуде, можно сделать следующие предварительные выводы. По крайней мере, к концу Средневековья обобщённый образ Иуды как евангельской личности представлял собой следующее. Иуда, несомненно, совершил тяжкое морально-этическое преступление. Более того, он предал не кого-нибудь, а Богочеловека, пришедшего спасти мир от греха и вечной смерти и мучений, что усиливает его сакральную вину во много раз. У него отталкивающая внешность. Это с детства испорченный человек; он вор, завистник, лицемер, человек, склонный к различным, в том числе и тяжким, нарушениям любого, как морального, так и установленного общественными нормами и юридической регламентацией, закона, низко ценящий любую жизнь, кроме своей собственной. В то же время он может быть способен к раскаянию, но даже его раскаяние приобрело форму неискупимого греха самоубийства, причём в форме, неприемлемой даже для иудейского законодательства, которое, казалось бы, должно оправдывать выдавшего опасного еретика в лице Иисуса, поскольку Иуда добровольно повесился на дереве, что, по Пятикнижию Моисея, навлекает проклятие, «… ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве], и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой даёт тебе в удел» [Числа, Гл. 21, Ст. 23]. Его страшная смерть была предопределена Божественным промыслом, потому что он ещё до замысла предательства, возможно, ещё с момента рождения, осуждён на проклятие пред людьми и Богом. Об этом свидетельствует и то, что при повешении Бог усугубил его страшную смерть ещё и постыдным и мучительным выпадением внутренностей. Рано или поздно у него складываются неприязненные отношения с любым, с кем он общается – апостолами, жителями Галилеи, первосвященниками, - и в то же время он угодлив, льстив, но заискивает он с людьми лишь для удовлетворения своих интересов.

Развитие образа Иуды искариота в литературе и искусстве нового времени

Возрождение, а за ним и Новая история принесли времена, в которых многие вещи, ранее принимаемые как безоговорочно данные, в русле рационализма этих веков подвергались многочисленным интерпретациям, особенно тогда, когда в связи с достаточно известным явлением или персонажем истории, религии и литературы порождали желание творчески переосмыслить данное явление или данную личность. Пожалуй, личности Иуды это веяние коснулось даже больше, нежели личности Христа. Причину, на наш взгляд, следует искать в развитии атеистических взглядов и ослаблении роли религии в формировании общественного сознания, в развитии идей либерализма. «Информативный дефицит» Евангельских текстов об Иуде стремились заполнить представители различных книжных дискурсов: исторического, научного, религиозного, политического, художественного и т.д. В

XIX веке в реалистической манере появилось множество художественных полотен, посвящённых Евангельским сценам с участием в них Иуды.

В связи с ограниченностью объёма, отводимого для произведения данного жанра, проанализируем лишь основные литературные произведения, в которых образ Иуды получил свои достаточно выразительные интерпретации, и те причины, которые могли обусловить такие интерпретации.

В русской классической литературе это, несомненно, в первую очередь «Иуда Искариот и другие» Л. Андреева (1907). В этом произведении Иуда безусловно внешне имеет очень отталкивающий внешний облик: он крив, рыж, взлохмачен, грязен и вызывает всеобщее пренебрежение. Особенно выразителен его невидящий глаз: «Покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью, ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму, но оттого ли, что рядом с ним был живой и хитрый товарищ, не верилось в его полную слепоту. Когда в припадке робости или волнения Иуда закрывал свой живой глаз и качал головой, этот качался вместе с движениями головы и молчаливо смотрел» [Л. Андреев. Иуда Искариот. Эл. ресурс. URL royallib.com]. Он злоречив, неуважителен, и другие апостолы, особенно Иоанн Богослов, относятся к нему с неприязнью, за исключением Фомы, с которым Иуда устанавливает подобие дружеских отношений. Но даже Фому он часто подвергает своим насмешкам за его свойство подвергать всё проверке и сомнениям. Марию, которая в принципе неплохо относится к нему, он постоянно унижает напоминанием о том, что раньше она была блудницей. Он представляет собой ярко выраженный когнитивный тип злого «трикстера», который вводит В.И.Карасик [Карасик, 2006; Чекулай, 2011]. Так, притворяясь больным и немощным, Иуда, будучи увлечённым особого рода соревнованием апостолов - бросанием тяжёлых камней, - побеждает даже физически сильного Петра. Когда апостолы уличают его в том, что он ворует деньги из общей казны, Иуда огрызается, выкручивается, увиливает и в конце концов добивается того, что все оставляют его в покое, не желая далее связываться с демагогом – мол, себе накладней. Он ожесточённо ругается и в тоже время торгуется с первосвященниками в связи с суммой оплаты за своё предательство, но, когда Анна, один из первосвященников, пытается прогнать его, Иуда внезапно идёт на попятную и становится льстивым и угодливым.

У Л. Андреева Иуда занимается с точки зрения личности такого склада безнадёжным и пустым занятием, как хождение с апостолами за Иисусом, лишь из своего рода спортивного интереса – Иуде необходимо, чтобы Иисус признал его особый склад ума, его практичность. Он ревнует Иисуса к другим апостолам. Как утверждает известный журналист, эссеист, переводчик и поэт М.А. Бродский, «Иуда так любил Христа? И да, и нет. Отношения между ними были совершенно особенные. Мы вправе говорить о любви Иуды к Иисусу, о желании

его быть любимым… Но для Иуды любить означает, прежде всего, быть понятым, оцененным, признанным. Ему мало расположения Христа, ему еще нужно признание правоты его взглядов на мир и людей, оправдание тьмы своей души» [Эл. ресурс. URL http://dialogos.rgdb.ru/105-site/publications/113-russkaya-slovesnost-2001-5-s-23-30-poslednij-argument-iudy-ob-obsuzhdenii-povesti-l-andreeva-iuda-iskariot]. У Андреева Иуда отправляет Христа на смерть, руководствуясь, в общем-то, тем же мотивом, что и Карандышев у А.Н. Островского: «Так не доставайся же ты никому!».

Двойственность личности Иуды, как ментальное отражение его лица, сказывается и в его дальнейших действиях после предательства Иисуса. Сначала он со скандалом бросает деньги первосвященникам. При этом важен вопрос Иуды, адресованный первосвященникам: «А вы знаете… вы знаете… кто был он - тот, которого вчера вы осудили и распяли?». Получив в ответ сухое: «Знаем. Ступай!», он бросает сребренники в лицо первосвященникам и, невзирая на опасность быть избитым или даже убитым, упрекает их в том, что они не помогли Учителю, и пытается сагитировать апостолов на то, чтобы с оружием в руках отомстить за Христа, и ему это почти удаётся, но его усилия сводятся на «нет» гневным окриком Иоанна, адресованным Петру: «Безумный! Ты забыл, что он предал учителя в руки врагов!». После этого Иуда кончает жизнь самоубийством.

Интересное объяснение мотивов предательства Иуды находим в драматическом произведении известной украинской писательницы XIX-XX вв. Леси Украинки (Л.П. Косач-Квитка) «На полі крові» (1909). По сюжету этого произведения Иуда не совершил самоубийство и не бросал денег; на них он купил клочок бедной, малопродуктивной земли. Объясняя проходившему мимо его участка паломнику, почему он предал Иисуса, Иуда с гневом утверждает, что Христос обманул его. Иуда, будучи увлечённым проповедями Иисуса, раздал своё богатое имение нищим и пошёл за ним, но разочаровался, поскольку Иисус с учениками пили вино, за ними ходили женщины сомнительного поведения, и, чтобы хоть как-то компенсировать свою потерю за утраченные материальные средства и разбитые идеалы, он за столь мизерную плату предал Иисуса. Кульминацией пьесы становятся гневные, слова Иуды, произнесённые ним в оправдание своего поступка, который доселе хмуро и невыразительно отвечал на вопросы паломника:

Нічого в світі я не мав, крім нього,—
хіба ж не мав я права знов зміняти
його [Иисуса] на те добро, що я втеряв
з його причини?

Естественно, здесь изложены далеко не все интерпретации образа Иуды в произведениях литературы и живописи. Более того, в новейшей истории этот образ претерпел другие

художественные интерпретации, где Иуда всё более отчётливо представляется как неоднозначная в плане ценности и оценки личность (взять, хотя бы известную рок-оперу Jesus Christ – Superstar, где не только его партии из либретто (автор Tim Rice) говорят об этом, но также Иуде принадлежат лучшие по красоте арии (автор музыки Andrew L. Webber). Несомненно, эти интерпретации заслуживают дальнейшего комплексного изучения языковедов и искусствоведов, однако можно полагать, что в рамках данного исследования показана достаточно целостная картина формирования определённого антропонимического концепта. Начиная с Евангельского, достаточно объективного, можно сказать, «протокольного» изложения фактов, человеческая мысль смогла построить достаточно целостный образ прежде всего человека-предателя, поступок которого не может быть оправдан никакими морально-этическими и политическими соображениями. При этом отрицательной оценочной интерпретации подвергаются не только собственно предательство Иуды, но и его физический облик, прочие поступки, телодвижения и т.п., домысливаются моменты его детства и отрочества. Но в определённые эпохи, очевидно, под влиянием соответствующих мировоззренческих и общественно-политических тенденций этот образ может приобретать и если не положительные, то, по крайней мере, оправдательные оценочные коннотации. Тем самым создаётся достаточно пёстрая и неоднозначная общая картина представления образа как антропонимического концепта.

В заключение представляется необходимым сказать следующее. Как бы там ни было, но антропонимический концепт ИУДА навсегда останется символом крайней мерзости, которой нет оправдания.

Литература

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь //Сост. И.Х. Дворецкий/ Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. С.И.Соболевского. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Том I. 1043 с.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь //Сост. И.Х. Дворецкий/ Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. С.И.Соболевского. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Том II. 1904 с., прил.

Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : монография / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. 240 с.

Сократ Схоластик. Церковная история. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 368 с.

Чекулай И.В. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве// И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова /Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). Выпуск 9. С. 213-221.

Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий //Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой / Отв. ред. чл.-корр. РАН В.А. Виноградов. – М.: Языки славянских культур, 2007. С. 150-183.
Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы)// ISSN 1810-0201. Вестник ТГУ, выпуск 10 (78), 2009. С. 169-175.

2.4. КОНЦЕПТ «BREXIT» В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Методы когнитивной лингвистики, открывая возможности взаимосвязи языка и мышления, позволяют осмыслить новые социально-политические события в британском обществе, проследить реализацию понятий в языке, установить связь между политическими событиями и представлениями о них. Концептуализированная сфера Brexit реализуется в британском политическом дискурсе посредством различных концептов, связанных с унижением, опасными приключениями, путешествием и даже приготовление еды, что находит отражение в статьях еженедельного новостного издания The Economist.

Ключевые слова: *концепты, когнитивная лингвистика, Брексит, «Brexit» языковая реализация*

THE “BREXIT” CONCEPT IN THE BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The present article is dedicated to the study of political neologisms found in the British Mass Media, connected with the United Kingdom European Union membership referendum (the Brexit referendum), held on June 23th 2016 in the UK and Gibraltar and different points of view over this event. Methods of cognitive linguistics discover language-consciousness interconnection, contribute to understanding of social political events in the modern British society as well as see to the language realization of the most important notions. The analysis of different contexts using the «Brexit» concept in terms of cognitive linguistics has helped the creation of a deeper understanding of the connection between the political changes, notions and ideas and their realizations in the language.

Keywords: Brexit, neologism, the press, cognitive linguistics, concepts, «crisis, «adrift», «gravity», «regret», «humiliation», «uncertainty», «success»

В настоящем разделе рассматриваются особенности реализации концепта Brexit, который представляет собой наиболее яркую и насущную тему для исследования в современном британском политическом дискурсе. По сообщениям прессы, решение Великобритании выйти из состава ЕС оказалось неожиданным и тревожным, поскольку выход из Евросоюза грозит Великобритании серьезными экономическими и финансовыми потрясениями. Уже отмечалось падение курса фунта стерлингов и его неспешное восстановление до прежних рейтингов, отставка премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, обсуждение новой

политики Терезы Мей, - все в целом указывает на неопределенность и озадаченности Великобритании.

По утверждению ученых, различные лингвистические феномены, том числе описывающие политические, экономические и социальные события, отражают особенности языкового сознания социума по представлению структуры и содержания наиболее значимых в плане культурной маркированности концептов, репрезентирующих основные установки и ценности социума, важнейшие черты национального менталитета [Тер-Минасова, 2000: 35].

Рассматривая концепт Brexit (анализировались новостные тексты британских СМИ: журнала The Economist, новостного сайта BBC), мы предлагаем вести речь о концептуализированной области употребления различных реализаций лексических единиц, связанных с общим концептом Brexit. Привлеченные для анализа реализаций концепта Brexit в британском политическом дискурсе методы когнитивной лингвистики открывают возможности выявления взаимосвязи языка и мышления, участвуют в формировании понятий и их языковой репрезентации. Язык, отражая окружающий мир, выражает знание языка, знания о языке, вербальное проявление различных концептов [Александрова, 2014, с. 19].

По утверждению ученых, метод концептуального анализа представляет собой совершенно новый уровень лингвистических исследований. Вычленение концептов ситуативного употребления таких неологизмов как Brexit, Brexiters, Brexiteers, Breturn, etc. будет способствовать большему пониманию языковых выражений и позволит установить связь с представлением и понятиями о политических событиях, разворачивающихся в Великобритании в середине 2016 года.

Под концептом понимается глубинный смыл, изначально максимальная и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста [Красных, 1998, с. 202]. Возможность объективировать ментальную деятельность путем вербализации ее результатов обусловливает исключительную ценность языковых данных для изучения ментальных процессов. [Вишнякова, 2015, с. 52].

Исследуя политический дискурс, мы обращаемся к ассоциативному полю и составляющими их крупным блокам – концептам. Исследователи считают, что ассоциативное поле дискурса состоит из узловых компонентов – гештальтов (или более крупных – концептов), структура которых составляет иерархию ассоциатов [Вишнякова, 2002, с. 20]. В том числе и благодаря ассоциативным связям в дискурсе происходит разворачивание концепта.

В результате анализа выявлены следующие политические неологизмы: Breturn, Bremorse, Breversal, Brexiter, Brexiteer, - отражающие новейшие изменения в политической сфере Великобритании.

Среди рассмотренных статей одним из наиболее ярких примеров эмоциональной реализации концепта Brexit служит статья британского журнала The Economist от 2 июля 2016 года: “Brexit’s fallout. Adrift. Leaderless and divided, Britain has its first taste of life unmoored from Europe” (Исход Брексита. Оставленная на произвол. Оставшись без лидера и разделенная, Британия пробует жизнь вне Европы)[13].

Уже в самом заглавии прослеживаются яркие метафоры морской тематики: unmoored, adrift, а также to sink in, - которые наиболее точным образом определяют состояние британцев в свете описываемых политических событий. По тексту статьи можно отследить следующие контексты употребления неологизмов Brexit (от сокращенного до двух первых букв краткого названия страны Britain - «Br» и английского слова «выход» - “exit”) и Breturn/Breversal (British return/ British reversal, означающего возвращение, изменение решения и сохранения страны в составе ЕС):

The triumph of the Brexit campaign is a warning to the liberal international order (Liberalist after Brexit).

It is now a week since voters narrowly opted for Brexit, and the country has seldom looked so wildly off the rails.

Although Britons opted to leave the EU, Brexit comes in 57 varieties.

Although we regret the Brexit vote, 34m people have cast their ballot and the result was clear.

In Northern Ireland Brexit raises other problems.

A straight rematch would be no fairer than allowing England’s footballers another crack at Iceland, which inflicted a second humiliation a week after the referendum.

For every extra month that the cost of Brexit sinks in, the possibility of a fudge will increase.

By far the most likely outcome of this sorry situation remains Brexit. But it would be wrong completely to discount the possibility of an inelegant, humiliating, and yet welcome, Breversal.

Из приведенных примеров видно, что решение референдума о выходе Великобританиии из состава ЕС было неожиданным, сложившаяся ситуация влечет за собой много вопросов о будущем страны. Из данных контекстов использования неологизмов Brexit, Breversal, можно выделить следующие ключевые концепты: «ADRIFT», «GRAVITY» «REGRET», «HUMILIATION», которые эксплицируются в тексте посредством следующих слов и словосочетаний (микрофреймов, формирующих концепты): wildly off the rail, adrift, comes in 57 varieties, to regret the vote, to raise other problems, a straight rematch, the cost of Brexit, to sink

13 The Economist 2 July 2016 “Brexit’s fallout Adrift Leaderless and divided, Britain has its first taste of life unmoored from Europe” URL: http://www.economist.com/news/leaders/21701479-leaderless-and-divided-britain-has-its-first-taste-life-unmoored-europe-adrift?frsc=dg%7Ca (accessed: 06.07.2016)

in, a second humiliation, the sorry situation, inelegant, humiliating, yet welcome Breversal, to stretch the tolerance, Post-Brexit politics, point of no Breturn и т.д. В ассоциативном поле значения концептов унижения и сожаления стоит сравнение проведенного референдума с проигрышем сборной команды Великобритании в матче Чемпионата Европы по футболу 2016 (Евро-2016) против команды Исландии. Сравнение политической игры со спортивной особенно ярко и эмоционально эксплицируют точку зрения автора статьи. Из этого можно сделать вывод, что автор-британец душой болеет за судьбу страны, будь то в спортивном, или политическом смысле.

Другая статья того же еженедельного издания "The road to Brexit. Britain's prime minister must resist her party's dangerous instincts"[14] (Путь к Брекситу. Британский премьер-министр должна отразить опасные инстинкты своей партии) от 8 октября 2016 года также представляет интересный материал для реализации концепта Brexit, а котором присутствуют метафоры, относящиеся к сферам дороги и опасного путешествия, кухни и готовки, а также отношениям, флирту и разводу.

Следующие предложения иллюстрируют тему дороги и путешествия, сродни опасным приключениям в джунглях и ощущениям пассажирам заднего сидения в гоночном автомобиле:

The journey, however, will be complex and perilous, beset by wrong turnings, chicanes and elephant traps.

With 64m Britons in the back seat, perhaps that is why Theresa May has avoided talking about the road ahead.

She also hinted that she would be prepared to steer Britain towards a harder sort of Brexit, involving a wide separation of labour, product and financial markets

A Brexit of some sort looms and Mrs May will determine its course. If Britain is not to suffer a car crash, she must ignore the back-seat drivers and fix her eyes firmly on the road ahead.

К концептам, реализующимся посредством использования метафор длинного и полного опасности пути, который предстоит пройти Великобритании для отделения от ЕС, можно отнести концепт «JOURNEY». В приведенных примерах он реализуется посредством следующих единиц: complex and perilous journey, beset by wrong turnings chicanes and elephant traps, in the back seat, to take the road ahead, to steer Britain, to suffer a car crash.

14 The Economist 8 October 2016 "The road to Brexit. Britain's prime minister must resist her party's dangerous instincts", URL:http://www.economist.com/news/leaders/21708257-britains-prime-minister-must-resist-her-partys-dangerous-instincts-road-brexit?frsc=dg%7Ca (accessed: 09.01.2017)

В этой связи следует отметить важность и глубинный смысл метафоричного употребления лексем пути, или дороги. В исследования А.П. Миняр-Белоручевой говорится о том, что «история – и есть метафора, история – это дорога» [Миньяр-Белоручева, 2016]. Употребление данной концептуальной метафоры в текстах политического содержания указывает на историчность момента и важность предстоящих событий.

Концепт «COOKING» реализуется в статье посредством глаголов to bake, to prepare, to carve out, а также существительного ingredient в следующих предложениях:

Hard, soft or half-baked?

Mrs May seems to want to carve out a special deal with the EU, in which Britain limits immigration and determines product standards—on, say, food-labelling—while still operating fully in the single market.

The second ingredient of a good Brexit is a sensible transition to the new regime—especially if Britain is about to walk away from the single market.

Наконец, в статье затрагивается тема отношений, флирта, развода, что дает возможность для реализации концепта «DIVORCE»:

Amid the world's most complex divorce, Britain's diplomats also have another vital task.

Ardent Brexiteers worry that, ensconced in such a halfway house, Britain would stay put for ever.

A flirtation with industrial policy sounds worryingly as if it is designed to keep foreigners out.

Лексические единицы flirt, flirtation, ardent Brexiteers, a most complex divorce, a vital task указывают на важность и серьезность человеческих отношений и последующего разрыва, которые метафорически характеризуют позицию Великобритании в Евросоюзе и последующий выход страны из состава ЕС.

В статье "Taking back control. The High Court rules that Parliament must vote to trigger the Brexit process"[15] (Возвращение контроля. Верховной Суд постановил, что Парламент должен решать вопрос запуске Brexit) также прослеживается концепт «JOURNEY»: to negotiate the terms of Britain's departure, after Britain leaves the club.

Другим важным концептом в статье предстает концепт «CONTROL», реализованный в следующих контекстах:

Beyond the arcane issues of Britain's unwritten constitution and the royal prerogative lie some big political arguments.

15 The Economist, 6 November 2016 "Taking back control. The High Court rules that Parliament must vote to trigger the Brexit process". URL: http://www.economist.com/node/21709589 (accessed 9.01.2017)

Although Brexiteers campaigned on the promise to take back powers from Brussels and Luxembourg to Westminster, they have resisted the closer involvement of Parliament in the process because a large majority of MPs in the House of Commons and of peers in the House of Lords backed the Remain side in the referendum.

But even if it does not, the political argument for giving Parliament greater say both in the triggering of Article 50 and in the lengthy negotiating process that will follow now seems unanswerable.

Концепт «CONTROL» реализован посредством следующих лексических единиц: to take back powers, taking back control, giving Parliament a greater say, the government is appealing to Supreme Court, have the authority to trigger Article 50, the royal prerogative, to give the sole authority.

Во всех проанализированных нами примерах следует отметить информационно-экспрессивную лексику, яркие метафоры и эпитеты, способные более точно передать настроение в обществе, напряжение ситуации, а также предвосхищение грядущих изменений.

i. Рассмотренный концепт «BREXIT» и его различных контекстов реализации в британском политическом дискурсе позволил нам выявить следующие основные концепты различных контекстов употребления новейших политических неологизмов в истории Великобритании: «ADRIFT», «HUMILIATION», «JOURNEY», «COOKING», «CONTROL». Следует отметить, что в более ранних статьях основные концепты можно было отнести к отрицательным, поскольку чаще упоминалась нерешенная судьба страны, неизвестность будущего и унижение. Позже стали появляться концепты, связанные с трудным путешествием, неизвестным блюдом и возможного возвращения контроля над всей ситуацией.

ii. Исследованный материал отражает настроение в британском обществе по вопросу судьбы Великобритании и пути ее дальнейшего развития. В рамках английского языка изучение методов концептуального анализа способствует более глубокому пониманию языковой реализации глубинных смыслов, раскрывают связь между языком и мышлением, что, в свою очередь, помогает сформировать грамотного специалиста в области лингвистики, межкультурной коммуникации, политологии и международных связей.

Литература

Александрова О.В. Формирование концептуальной картины мира на основании изучения лексико-грамматической системы языка// Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С.19-27.

Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С.-50-66

Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка), М.: МАКС Пресс, 2002

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352с.

Миньяр-Белоручева А.П. Специфика функционирования концептуальных метафор в англоязычном историческом дискурсе// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Том 13. №3. С. 31-37.

Тер-Минасова С.Г. Язык, личность, Интернет// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 35.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

3.1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены те основные проблемы и трудности преподавания и изучения иностранных языков, препятствующие межязыковой и межкультурной коммуникации, которые обусловлены спецификой национальной культуры России. Особое внимание уделено таким укоренившимся традициям, как: 1) повышенный интерес ко всему иностранному (западному!) миру; 2) отношения между учителем и учащимся.

Ключевые слова: изучение и преподавание иностранных языков, национальная культура, межкультурная коммуникация, учитель и ученик

NATIONAL SPECIFICS OF FLLT IN RUSSIA

Abstract. The article discusses the challenges and difficulties in FLLT hampering interlinguistic and intercultural communication which are determined by the specifically Russian approach to the subject. A special attention is paid to such deep-rooted traditions as 1) an intense interest in everything foreign (from the Western part of the world); 2) Teacher - Student relationship

Keywords: FLLT, national culture, intercultural communication, teacher and student

Замечательный русский поэт Ф.И. Тютчев оставил в своем литературном наследии много афоризмов. Один из самых известных – «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить, У ней особенная стать. В Россию можно только верить».

Все правильно, но с одним уточнением. Эти слова относятся не только к России, а ко всем странам и народам, населяющим нашу планету. Обычаи, нравы, образ жизни, представления об окружающем мире различаются у разных народов. В наши дни, в эпоху глобализации, которая предполагает реализацию надежды на мирное со-единение, со-существование, со-трудничество всех народов, усиленную информационно-технологическим прорывом, обеспечивающим возможность свободного массового общения, эти различия стали особенно заметны, потому что именно они встали на пути всеобщего благополучия, когда можно будет наконец «жить-поживать и добра наживать». Именно эту мечту выразили сказки всех народов мира. Что же мешает её осуществить?

Главная причина, которая стала очевидной в наши дни – это разница национальных атропологических культур, отраженных и одновременно формируемых

национальными языками. Иначе говоря, на пути у великих технологических открытий, давших возможность жить единой дружной семьей, свидетелями которых мы все являемся, стали такие «мелочи», как разница культур и языков, навязавшая нам разные представления о мире и человечестве, о системе ценностей, о том, «что такое хорошо и что такое плохо», как сказал еще один гениальный русский поэт Владимир Маяковский.

Именно из-за этих различий восприятия мира и людей, «братьев (и сестер! – С.Т) по разуму», все страны и народы «умом не понять». Однако, ученые всего мира сейчас пытаются понять и объяснить разницу культур, разных народов, использующих разные языки для внутреннего общения. Именно поэтому стали такими актуальными попытки научно обосновать («умом понять») национальные различия, выраженные и сформированные национальными языками. Эти различия особенно ярко видны при сопоставительном изучении разных языков и культур, в том числе и близко родственных, принадлежащих к одной языковой семье.

Как известно с древнейших времен, главным способом преодоления языковых и, следовательно, культурных барьеров – это изучение и преподавание иностранных языков.

Каковы же национальные особенности преподавания иностранных языков в России?

На эту тему можно написать не только книгу, но много книг, потому что особенности национальной культуры и языка, неразрывно связанные между собой, и их реальные – поведенческие и языковые – проявления чрезвычайно разнообразны, разносторонни и многочисленны. Соответственно, в докладе и статье можно отметить только некоторые, особенно самобытные.

Первая уникальная национальная черта в сфере изучения и преподавания иностранных языков в России – это отношение к иностранному миру и иностранцам.

Как известно, многие народы и культуры относятся ко всему иностранному в лучшем случае с подозрением, в худшем – с открытой недоброжелательностью, что отражает и, соответственно, навязывает им их национальный язык. Это открыто и ярко проявляется в английском, самом распространенным иностранном языке современного мира, языке, за которым стоят три империи: Британская, США, Интернет. Само слово *foreign*, *foreigner* – иностранный и иностранец – имеет такие открыто негативные коннотации, что, по соображениям «политкорректности», понятие *иностранные языки и культуры* и т.п. выражается не

словом *foreign,* имеющим явные негативные коннотации, а нейтральным – *international languages and cultures*.

Национальная специфика России отличается прямо противоположным отношением к иностранцам и всему иностранному, именно – таким повышенным интересом и доброжелательностью, что в разные периоды истории России иностранные языки становились главным средством общения образованной части населения, элиты общества. В XVIII веке это был немецкий язык, в XIX веке – царил французский язык как главное средство общения дворянства и аристократии. Только один – не слишком избитый – пример из «Повестей», конечно же, А.С. Пушкина, который был и есть «наше все», как сказал Федор Достоевский (еще одно «наше все», особенно в глазах внешнего мира». В наименее популярной из его повестей под названием «Рославлев» главная рассказчица, девушка из аристократического общества, так описывает культурно-языковую ситуацию в России:

«*Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. <…> Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограниченна. <…> Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы*» [Пушкин, 2003, с. 64-66]. «*Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием…*» [Там же, с. 76].

Война с Наполеоном сильно ослабила позиции французского языка, что блистательно, с тонкой иронией и сарказмом отражено в этой же повести Пушкина: «*Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. <…> Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни*» [Там же, с. 77].

Французский язык «из моды вышел», но это не означало возвращения к родному – русскому – языку. Интерес и любовь к иностранцам и всему иностранному не утратили своих позиций в образовательном общества России XIX века. И русская литература

снова блистательно это отразила в известном рассказе князя В.Ф. Одоевского, друга А.С. Пушкина, «Княжна Мими», написанном от лица представителя высшего и, следовательно, (в то время) образованного общества, это выражено с присущей русской литература страстностью и открытостью:

«*Знаете ли вы, милостивые государи читатели, что писать книги дело очень трудное?*

Что из книг труднейшие для сочинителя это романы и повести.

Что из романов труднейшие те, которые должно писать на русском языке.

Что из романов на русском языке труднейшие те, в которых описываются нравы нынешнего общества.

Пропуская тысячи причин этих затруднений, я упомяну о тысяче первой.

Эта причина, -- извините! -- pardon! -- verzeihen Sie! -- scusate! -- forgive me! {извините! (франц., нем., итал., англ.).} -- эта причина: наши дамы не говорят по-русски!!

<...> я сам говорю по-русски редко; по-французски изъясняюсь почти без ошибок; картавлю самым чистым парижским наречием: словом, я человек порядочный, -- я уверяю вас, что стыдно, совестно и бессовестно не говорить по-русски! Знаю я, что французский язык уже начинает выходить из употребления, но какой нечистый дух шепнул вам заменить его не русским, а проклятым английским, для которого надобно ломать язык, стискивать зубы и выставлять нижнюю челюсть вперед? А с этою необходимостию прощай, хорошенький ротик с розовыми, свежими славянскими губками! Лучше бы его не было» [Одоевский, 1982, с. 129].

Не имея возможности в рамках статьи полно отразить такую уникальную, национально-специфическую черту русской культуры, отраженную национальным языком, остановимся только на одном ее проявлении в той сфере, о которой идет речь в этой работе, – в области изучения и преподавания иностранных языков. Имеется в виду вопрос отношений между учителем и учеником, очень и серьезным и опасный.

Для России традиционно эти отношения строились на основе огромной дистанции: всезнающий и всемогущий, очень строгий учитель и ничтожный невежда-ученик, полностью во власти учителя. Эта вековая традиция была усилена в Советском Союзе массовым и стандартизированным производством, а в постсоветское время – конфликтом культур (об этом см. ниже). Для изучения иностранных языков это особенно плохо и опасно: сочетание «страшного предмета» – чужого, чуждого и необъятного – с грозным учителем слишком часто заканчивается полным крахом для обеих сторон: учащийся испытывает отвращение к предмету (и к учителю) и получает ярлык «неспособного к языкам», а учитель, не справившийся со своей задачей,

разочаровывается в выборе профессии и в учениках. К сожалению, нет статистических данных во вопросам: сколько человек учит иностранный язык и сколько его выучивает. Не сомневаюсь, что значительный перевес будет в сторону первого. Если добавить ко всему этому еще и специфический для современной России конфликт культур между учителем и учеником, все еще практически иностранцами, представляющими две очень разные страны СССР и Россию, ситуация с языковым образованием становится очень серьезной.

В современной России поэтому необходимо изменить отношения между Учителем и Учеником в следующих аспектах:

1) Важно осознать и разрешить конфликт культур между российским учителей и учеником, вызванный резким переломом уклада, образа жизни, системы ценностей и других компонентов понятия «национальная культура» как следствием очередной российской революции конца прошлого века. Мы имеем дело с младым и совершенно незнакомым племенем, с людьми, которые родились и выросли в другой стране и в другой культуре, резко (полярно!) отличающейся от страны и культуры все еще большинства преподавателей.

2) Перестроить коренным образом отношения между учителем и учеником, изменить вековую российскую традицию абсолютного, непререкаемого превосходства Учителя над Учеником; научиться уважать Ученика, видеть в нем личность, помнить, что изучение иностранного языка психологически чрезвычайно трудный процесс, требующий перехода из своего родного, привычного мира в чужой и страшный мир, отраженный чужим и страшным языком.

Иными словами, нужно строить отношения с учащимися на принципах взаимного уважения! (Я говорю молодым преподавателям: «Будьте вежливы с учениками, не озлобляйте их: через 10 лет они будут Вашими начальниками».)

3) Не отпугивать учеников чрезмерной строгостью (ср., например, систему оценок в Лондонском университете, где их всего две: *«хорошо» (good)* и *«нужно подумать» (to think about it*), что исключает и «закрывающую все дороги» двойку, и убогую, «посредственную» тройку). В качестве примера очень тонкой заботы о душевном состоянии ученика хочу привести отрывок из письма коллеги из Московского Государственного Областного Социально-гуманитарного института, психолога Виктории Аверкиной, обнаружившей во время урока, что никто из студентов ее группы не прочитал текст, который им был задан. Она прореагировала на это как настоящий психолог и прекрасный учитель: «Говорю: «Раз не читали, давайте пофантазируем»

(слово *подумаем* студентов пугает, всегда говорю *пофантазируем*)». Браво, Виктория! Не только никаких упреков и выговоров за невыполненное задание, а еще и *пофантазируем*, чтобы не испугать словом *подумаем*.

Очень плохо не научить своих учеников своему предмету, но гораздо хуже, преступно внушить им отвращение к нему, тогда их никто уже не научит.

Учитель иностранного языка должен сознавать свою роль проводника в этом чужом и поэтому неприятном и страшном мире и, главное, помнить:

Неспособных к языкам крайне мало, зато очень много потерявших веру в себя, загубленных чрезмерной строгостью учителя. Есть неудачные методики, но **неспособных к изучению языков почти нет**: практически почти абсолютно все люди в рекордные сроки овладевают родным языком.

4) Научиться любить и жалеть ученика. **Моя формулировка идеальной методики вообще и преподавания иностранных языков в особенности – это сочетание любви к предмету обучения и любви к ученику.**

К сожалению (а на самом деле, к радости), оказалось, что эта «моя формула» успешной педагогики была высказана Львом Николаевичем Толстым задолго до меня, о чем мне сообщила слушательница видеокурса «Язык, культура и межкультурная коммуникация» Светлана Шевченко.

«Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель».

Л.Н. Толстой

Я сначала очень огорчилась, устыдилась и испугалась обвинений в плагиате, но потом успокоилась, решив, что ничего плохо нет в том, чтобы совпасть во мнении с гением.

Литература

1. Одоевский В.Ф. Княжна Мими. Цит. по: Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. М.: Московский рабочий, 1982. 399 с.

2. Пушкин А.С. Повести. М.: РИПОЛ классик, 2003. 539 с.

3.2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКЕ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ

Аннотация. Преподавание профессионально-ориентированного языка, отвечающее социальным потребностям общества ставит новые задачи перед преподавателями

иностранных языков высшей школы, что требует пересмотра существующих практик обучения английскому языку для профессиональных целей, в частности студентам-историкам. В условиях профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам возникает необходимость в разработке новых методических систем обучения английской лексике. Особое внимание следует уделить обучению исторических терминов. Несмотря на существующее мнения, что термины относятся к тем языковым знакам, которые вызывают наименьшие сложности при их усвоении студентами, изучающими профессионально-ориентированный иностранный язык. Однако исторические термины, часто сливающиеся с общеупотребительной лексикой, требуют особого внимания при их усвоении. Термины исторического дискурса не вписываются в рамки, установленные для терминов на заре их изучения. Исторические термины, будучи единицами естественного языка, отличаются полисемией и омонимией, вызванной темпоральным расширением значения. В каждую эпоху одна и та же звукографическая форма наполняется новым содержанием, что приводит к полисемии знака. В тоже время один и тот же предмет обрастает новыми названиями, что необходимо для раскрытия его особенностей, что приводит к омонимии терминов.

Ключевые слова: исторический термин, полисемия, синонимия, студенты-историки, единицы естественного языка

HISTORICAL DISCOURSE AS AN INTEGRAL PART OF TEACHING ENGLISH VOCABULARY TO HISTORY STUDENTS

Abstract. Teaching a professionally oriented language that meets the social needs of society poses new challenges to foreign language teachers of higher education. It requires the revision of existing practices of teaching English for specific professional purposes, in particular to historical students. Within the framework of professionally-oriented teaching foreign languages there is a need to develop new methods of teaching English vocabulary. Particular attention should be paid to the teaching of historical terms. Despite the existing opinion that specialized terms are the signs of language that cause the least complications in their learning by the students who study professionally-oriented foreign languages. However, the historical terms, often merge with the words of a common vocabulary, and this requires specific attention in their learning. The terms of historical discourse do not fit into the framework established for the terms at the dawn of their study. Historical terms, as the units of a natural language, are noted for their polysemy and omonymy caused by the temporal extension of the inner meaning. In each era, one and the same form is filled with new a sound content, which leads to the polysemy of the sign. At the same time, one and the same subject acquires new names to disclose its new facets, which brings about the omonymy of historical terms.

Key words: historical term, polysemy, synonymy, history students, units of natural language

Обучение профессионально-ориентированному языку не одно десятилетие остается в фокусе внимания специалистов в области языка для специальных целей. Уникальность данной сферы исследования заключается в том, что в ней гармонично соединились как лингвистика, так и методика преподавания иностранных языков. Лингвисты выявляют единицы иностранного языка, которые подлежат усвоению, методисты разрабатывают методы и подходы обучения профессионально-ориентированному языку. Наибольшие сложности вызывает усвоение лексики, поскольку данный наиболее объемный пласт иностранного языка, требует тщательного исследования, необходимого для выявления конкретного лексического кластера и обоснования его обучению.

При обучении английскому языку студентов-историков особые сложности связаны с историческими терминами, широта и многообразие которых обусловлена предметом историей. Под историческими терминами понимаются слова и словосочетания, вербализующие основные понятия исторической науки, которая изучает историю развития человеческого общества во всей его широте и многообразии [Миньяр-Белоручева, 2001]. Исторические термины, относящиеся к разным слоям жизни общества в разные периоды его развития, способствуют созданию единого континуума – исторического прошлого человечества. О каждом историческом периоде судят исходя из свойственных ей терминов, воспроизводящих уникальность конкретной эпохи. Исторические термины образуют систему с характерными для нее особенностями, отражающими конкретный этап развития человечества, обусловленный сменой парадигм [Миньяр-Белоручева, 2014а]. Подчеркивая системную обусловленность термина, Д.С. Лотте писал, что «каждый термин имеет свое определенное место в рассматриваемой терминологической системе, которая зависит от места соответственного понятия во всей системе данной системы понятий» [Лотте, 1961, с. 24]. Следует отметить, что значение лексических единиц модифицируется с изменением социально-экономических, политических, производственных и бытовых условий жизни, приводит к созданию новых образов, причем старые представления, никуда не исчезают и сосуществуют наряду с новыми, но относятся к разным векам [Миньяр-Белоручева, 2017 с. 20]. Исторические термины уникальны по своим характеристикам, поскольку не вписываются в каноны, предписанные термину на заре его изучения основателями отечественного терминоведения. Согласно разработанным критериям термин должен характеризоваться краткостью, однозначностью, отсутствием синонимов и омонимов, отсутствием экспрессивности [Реформатский, 1961, с. 51].

Исторические термины, нарушая искусственно созданные ограничения, отличаются полисемией и омонимией. Как было установлено, полисемия и омонимия исторических терминов выражают асимметрию языкового знака, а именно: нерегламентированность

соответствий знака и обозначаемого. Условием существования терминов является неизменность соотношения понятия с лексическим значением и звукографической формой слова. Поскольку термины образуются на основе языка и функционирует по его законам [Миньяр-Белоручева, 2001 с. 34], то термин, как и общеупотребительное слово, включает находящийся в постоянном движении денотат и сигнификат. Полисемия термина возникает в том случае, когда один денотат соотнесен с несколькими понятиями.

Полисемию исторических терминов можно объяснить развитием внутреннего значения лексических единиц, на основе которых они были образованы. Значение исторических терминов варьируется от эпохи к эпохе.

Исторический термин следует рассматривать во временном срезе, поскольку одна и та же лексическая единица в разные исторические периоды имела особое значение. Развитие социально-политических отношений общества, трансформация уклада жизни людей приводят к тому, что одна и та же звукографическая единица наполняется разным содержанием. Полисемия свойственна историческим терминам, развившимся из единиц естественного языка, когда один и тот же денотат использовался для выражения разных понятий в разные века. Примером этому может служить исторический термин burgess, который в разные века означал: 1) a freeman or citizen of a borough; 2) a member of parliament for a borough; 3) a borough magistrate or town councillor [СИТ, 1998, с.173]. Из трех значений лексической единицы tournament, которая имеет следующие значения: 1) a military sport of the Middle Ages in which combatants engaged in single combat or in troops, mainly on horseback, with spear and sword; 2) a military and athletic display; 3) a series of games to determine a winner or winning team by elimination [СИТ, 1998, с. 425], только первое позволяет отнести ее к историческому термину. Это еще раз подтверждает мысль о том, что термины – это не особые слова, а слова дискурсивно обусловленные.

Для исторических терминов характерна темпоральная полисемия. Лексическая единица franchise, например, с течением времени приобрела несколько значений, которые менялись по мере изменений социальных условий жизни. Исходное значение лексической единицы franchise «свободный человек» сохраняется только в историческом дискурсе, позволяя ее функционировать в качестве исторического термина. С течением времени слово franchise семантически эволюционировало, расширив свою внутреннюю форму, но сохранив внешнюю. Таким образом, в настоящее время лексическая единица franchise имеющая следующие значения: право участвовать в выборах, право голоса, избирательное право; франшиза (на использование торговой марки); коммерческая концессия; франшизное предприятие; привилегия, льгота; лицензия (на участие в лиге профессиональных спортивных команд); клуб (профессиональная спортивная команда - член лиги), сохранила

неизменной свое изначальное ядерное содержание: freedom or immunity from some burden or restriction vested in a person or group. Этимологический словарь позволяет рассмотреть эволюцию значения данной лексической единицы, которая в каждый век своего существования приобретала и запечатлевала новые виды свободы.

Так, в XIII веке лексическая единица franchise, которая в историческом дискурсе воспринимается как исторический термин, означала, "a special right or privilege (by grant of a sovereign or government);" also "national sovereignty; nobility of character, generosity; the king's authority; the collective rights claimed by a people or town or religious institution," also used of the state of Adam and Eve before the Fall, from Old French franchise "freedom, exemption; right, privilege" (12 c.), from variant stem of franc "free, freeman, noble; Frank, Frenchman". С конца XIV века данное слово означало: "freedom; not being in servitude; social status of a freeman". В начале XV века лексическая единица franchise обозначала "citizenship, membership in a community or town; membership in a craft or guild." The "special right" sense narrowed in the 18century to "particular legal privilege," then "right to vote" (1790). From the mid-15c. it meant "right to buy or sell," also "right to exclude others from buying or selling, a monopoly;" meaning "authorization by a company to sell its products or services" is from 1959 [OED, URL].

Полисемия свойственна историческим терминам per se. В случае многозначности исторического термина студентам-историкам необходимо объяснить, что необходимое им значение они выбирают исходя из контекста исторического произведения. Это следует учитывать в первую очередь при переводе английских исторических текстов на русский язык. Материал исследования показывает, что при расхождении совокупности признаков предмета слова становятся омонимами, т.е. полисемия переходит в омонимию [Реформатский, 1996, с. 59].

Омонимия является результатом сохранения лексической единицей своей звукографической формы и изменения содержания на уровне сигнификата, то есть глубинных изменений слов [Лосев, 1990, с.28].

А.А. Реформатский выделяет пять групп собственно омонимов [Реформатский, 1996, с.57–62]. Классическим примером омонимии являются исторические термины feud (1) и feud (2), которые имеют одинаковую звукографическую форму, одинаковый фонемно-морфемный состав, но вошли в английский из разных языков. Так, термин feud (1), означающий “active hostility” в XIII в., “state of mutual hostility” в XV в., происходит от старофранцузского *feide*; термин feud (2) обозначающий “fief” XVII в., восходит к medL. *feudum, feodum* (IX), в XIV в. развивается в “feudatory”, а в XVII в. – в “feudal” [OCDEE, 1996, p.170].

Следует подчеркнуть, что “подлинно омонимы” [Реформатский, 1996, с. 57] среди исторических терминов встречаются довольно редко. Для исторических терминов

характерны сложные случаи омонимии, где нет ни совпадения разных терминов, ни параллельного образования от того же корня, ни конверсии, ни параллельного или последовательного заимствования [Реформатский, 1996, с. 59] и различия лексического значения не подкрепляются различием грамматических связей. Несомненно, только совпадением можно объяснить то, что одна звукографическая оболочка вмещает понятия разных эпох и стран, расходящихся на уровне содержания значения. Согласно теории Фреге, “каждое имя обладает некоторым содержанием, оно указывает на определенный объект (обозначает его) и выражает некоторые знания об этом объекте. Обозначаемый предмет (объект) является значением имени, а знание о нем или способ обозначения предмета, это – смысл” [Вебер, 1990, с. 36].

Иными словами, смысл – это совокупность признаков данного предмета. Согласно А.А. Реформатскому, омонимия – “это досадное неразличение того, что должно различаться” [Реформатский, 1996, с. 60]. Подтверждением данного высказывания могут служить некоторые исторические термины латинского происхождения, которые, имея одинаковую звукографическую форму и сохраняя денотат неизменным, постоянно меняют сигнификат. Как известно, слова живут веками, но содержание их значения меняется вместе с изменениями условий жизни людей. К такой группе омонимов относятся термины власти, принадлежащие к публично-правовой сфере: senate, consul, triumph, code, constitution, province, client, magistrate, чьи денотат и сигнификат развивались параллельно. Траектория трансформации их значений была обусловлена экстралингвистическими факторами, которые привели к изменениям на уровне компонентов значения, поскольку в каждую отдельную эпоху содержание значения и обозначаемый предмет изменялись симметрично. Модификация значения оставалась незаметной для каждого поколения людей, пользовавшихся данными лексическими единицами, что создавало впечатление сохранения их семантической статичности в течение веков. В качестве примера приведем лексическую единицу senate – *сенат* – от (O)F. *senat* – L. < *senex,* sen - old (man), которая на протяжении своего существования несколько раз меняла содержание значения. В доримскую эпоху латинское слово senatus означало “the council of the elders” – *совет старейшин*. Основным критерием избрания членов в совет старейшин был возраст. В настоящее время принцип старшинства в историческом термине senate проявляется в субординированном подчинении низших должностных лиц высшим (senate is the body of power with the strict subordination of the junior to the senior). Необходимо отметить, что в определенную историческую эпоху в отдельной стране senate отличался уникальностью. Так, в эпоху Римской республики senate представлял собой высший государственный совет. Первоначально сенат был только

совещательным органом консулов, возглавлявшим собрание: “senate was the advisory council of the consuls who chaired the meeting. The decisions it reached were published in the form of advice but this advice was not legally binding either on the consuls or on other persons or states. Its power lay in its personnel. All the magistrates and former magistrates (all magistries were held for a single year) of Rome sat in the senate. Collectively the senators had vast political experience and immense political power. In effect, the senate became the governing council of the Republic” [OCBH, 1997, p. 12]. В дореволюционной России Сенат осуществлял функции высшего суда и проводил надзор за деятельностью правительственного аппарата. Более того – будучи высшим органом государственной власти, Сенат США XVIII в. и XX в., сенат в доримскую и Римскую эпохи не совпадают по функциям и обозначают отличные друг от друга органы власти. Объем содержания значения лексической единицы senate изменялся в каждую историческую эпоху наряду с трансформациями функций самого референта, при этом изменениям подвергалось содержание понятия или сумма наиболее существенных признаков. Это является примером перехода полисемии к скрытой, трудно распознаваемой омонимии, приводящей к недоразумению. Решение проблемы А.А. Реформатский видел в замене омонимов синонимами или дублетами [Реформатский, 1996, с. 61].

А.А. Реформатский считал, что омонимия, “это главным образом результат совпадений” и что ее искусственно создают, наполняя новым содержанием уже существующие звукографические формы [Реформатский, 1996, с. 60].

Омонимия встречается среди номенклатурных образований [Миньяр-Белоручева, 2014; Миньяр-Белоручева, 2014а] исторического дискурса. Так, номенклатурное образование Civil War используется для обозначения одной из Гражданских войн в Великобритании (в середине XVII в.) и Гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.). Номенклатурное образование Bill of Rights употребляется для обозначения законодательных актов, которые были подписаны в разные века и в разных странах. Английский Bill of Rights, появившийся в 1689 г., свидетельствует о победе *Славной революции* – Glorious Revolution. Американский Bill of Rights относится к 1791 г. В этом документе изложены основные права граждан США.

В заключение следует отметить, что полисемию наряду с омонимией можно рассматривать как экономию языковых ресурсов, с одной стороны, и недостаточность лексических средств для обозначения разных понятий, с другой. Полисемия и омонимия свойственны историческим терминам. Обусловленные экстралингвистическими факторами, они имеют свою специфику в рамках исторического дискурса, что требует разработки новых подходов в преподавании и обучении студентов-историков профессионально ориентированному английскому языку.

Литература

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послеслов. Ю.Н. Давыдова; Предис. П.П. Гайденко – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.

Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. 655 с.

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии в СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.)

Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М.: Издательство Московского университета, 2001. 220 с.

Миньяр-Белоручева А.П. Номенклатура исторической науки// Терминоведение и профессиональная лингвистика. М.: Московский лицей Москва. 1993, том 2, с. 65-73.

Миньяр-Белоручева А.П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований //Вестник чувашского университета. Чебоксары, 2014, № 4, с. 166-170.

Миньяр-Белоручева А.П. Смена Парадигм в истории и лингвистике //Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Лингвистика. 2014а. Т. 11. № 1. С. 12-17.

Миньяр-Белоручева А.П. Языковая картина исторического прошлого // Клио, Издательство Полторак (СПб.), 2017. № 11, с. 20-30.

Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/frank?ref=etymonline (Accessed 26.01.2018)

Oxford Companion to British History (OCBH). Ed. by Cannon J. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 1044 p.

Oxford Concise Dictionary of English Etymology (OCDEE). Ed. by Hoad – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 552 p.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1996. – 306 с.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – 1961. – С. 46-54.

Словарь исторических терминов (СИТ). – Спб.: ЛИТА, 1998. – 462 с.

3.3. ЛЕКЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Взаимодействие лектора и слушателя находится в прямой зависимости от национальной культуры. Актуальность исследования этих особенностей обусловлена глобализацией процесса образования, мобильностью участников образовательного процесса, широким распространением дистанционного образования. Все эти процессы не только расширяют сферу применения лекционного дискурса, но и ставят преподавателя перед

необходимостью осознавать культурно обусловленные различия для эффективного взаимодействия со студентами в условиях мультикультурализма. В статье обсуждается проблема воздействия культурных различий на способы презентации лекционного материала, а именно разницу полемической и ориентированной на согласие формы презентации. Автор подробно описывает выявленные в результате исследования практического материала видеолекций различия лекционного дискурса в русскоязычной и англоязычной культуре, несмотря на принадлежность данного дискурса к научному стилю. Главными различиями являются количество и долгота пауз, интонационные характеристики, частота использования вопросно-ответной формы, вводных слов, драматизации раскрываемых научных фактов или идей. В статье представлены и те общие невербальные и вербальные формы коммуникативного поведения лектора, которые характерны для обеих лингвокультур. Представленные результаты сопоставительного исследования оснащают преподавательское сообщество способами, позволяющими совершенствовать эффективность информационно-речевого воздействия лектора в условиях межкультурного дистанционного обучения.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, лекционный дискурс, невербальные и вербальные средства коммуникации

LECTURE DISCOURSE AS PART OF NATIONAL COMMUNICATIVE CULTURE

Abstract. The relation between lecturer and students is part of the wider question of what culture does to language. It is now a key question because globalization influence effects such as international communication without barriers, educational mobility of both teacher and students, and the spread of distance education systems, far from being merely added tools, are altering the very nature of the lecturer’s rhetoric activity, social relations, and professional standing. Here we argue that cultural dimensions first affect structure of presentation in such a way that the mode of reasoning is imposed more frequently on the confrontation-centred in English while in Russian it is agreement-centred. It follows that in spite of the fact that lecture discourse in both cultures is a part of science genre; presentation manner possesses a lot of cultural dependent features such as pause frequency, intonation patterns, question – answer usage, dramatization of ideas, parenthesis. Besides, the article touches upon most common verbal and non - verbal characteristics of lecture discourse in both linguistic cultures. The results of the comparative research may thus be embedded in new modes of social exchange, where lecture discourse becomes one of the important ways of distance education.

Keywords: communicative behavior, lecture discourse; non-verbal and verbal means of communication

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в конце XX – начале XXI веков, реалии формирующегося информационного общества с неотложностью предопределяют поиск новых способов трансляции социокультурного опыта и ставят перед учеными и научной общественностью задачу адекватного объяснения происходящих процессов. Одним из способов передачи информации является лекция как форма академического научного дискурса. Фактор глобализации, интенсивность воздействия массовой коммуникации повлияли на коммуникативное поведение аудитории и, в частности, на лекционный дискурс. Тем не менее, в основе каждой лингвокультуры лежат особенности национального характера, влияющие на все сферы деятельности ее народа, и, лекционная деятельность как одна из таких областей сталкивается с проблемой учета особенностей национальной культуры слушателей при восприятии информации. Нормы взаимодействия студента и преподавателя, различные в американской и русской лингвокультурах, накладывают определенный отпечаток на коммуникативную модель поведения лектора, что может составить трудность для восприятия данной информации студентами, принадлежавшими к другой культуре. И.Н.Розина справедливо отмечает, что поведение лектора находиться всегда в зависимости от внешних обстоятельств, коими могут являться условия преподавания в многонациональной аудитории, а также, особенности национальной культуры слушателей, отражающиеся на коммуникативном поведении лектора.

Смена стиля ведения лекции связана не только с проблемами межкультурной коммуникации. Традиционно научный стиль всегда характеризовался логичностью и точностью изложения при минимуме средств эмоционального и эстетического воздействия на читателя/слушателя, как это имеет место в стиле художественной речи. Но растущая открытость научного сообщества, расширение его границ и потребность в популяризации результатов научных исследований способствуют становлению и развитию норм речевого стиля в научной прозе, что также требует изучение для дальнейшего применения в практике образовательного процесса.

Работы ученых (Р.С. Аликаева, Е.А. Баженовой, А.Н. Васильевой, О.П.Воробьевой, Н.В. Данилевской, Т.Б. Ивановой, М.Н. Кожиной, Н.М.Лариохиной, О.Д. Митрофановой, Е.А. Селивановой, О.Б. Сиротининой, Л.В. Славгородской, В.Е. Чернявской, Я.А. Чиговской и др.) помогли выявить специфику научного общения, многие характеристики научной речи и соотношение её с другими формами коммуникации. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день параметры коммуникативного поведения, направленные на достижение

продуктивного взаимодействия педагога и студента, не описаны ни в одной лингвокультурной общности, хотя целесообразно избираемый педагогом стиль коммуникационного поведения влияет на освоение студентами учебного материала и в целом способствует эффективному взаимовлиянию и взаиморазвитию преподавателя и студентов. Отсутствие чёткой систематизации параметров коммуникативного поведения лектора, выстраивающего продуктивное взаимодействие со студентами, подтолкнуло автора работы к изучению данного вопроса.

Цель данного исследования – выявление вербальных и невербальных характеристик коммуникативного поведения лекторов в русской и английской лингвокультурах.

Термин коммуникативное поведение был впервые использован в нашей стране И.А. Стерниным в 1989 году. Он определяет коммуникативное поведение в самом общем виде, как совокупность норм и традиций общения определённой группы людей. Коммуникативное поведение описывает как нормативные, так и выходящие за рамки норм, образцы коммуникативных действий, характерные для большинства. Оно включает в себя определённые коммуникативные действия, тематику общения, особенности общения в различных коммуникативных сферах, в том числе и на лекции.

Таким образом, мы можем заключить, что ***коммуникативное поведение*** *представляет собой совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности, включая как лингвистическую, так и экстралингвистическую составляющие этого общения, в различных коммуникативных сферах жизни общности.*

Экстралингвистическая или невербальная составляющая коммуникативного поведения лектора и студентов во время их взаимодействия представляет особый интерес в плане сопоставления двух культур, поскольку в обоих случаях содержательная составляющая связана с научным стилем коммуникации, то структура текста будет во многом совпадать.

Невербальном средства воздействия преподавателя могут быть названы ораторской техникой, подробно описанная в работах Н.Е. Щурковой по педагогической технологии. По её мнению, профессиональное владение оратором собственным психофизическим аппаратом в процессе профессиональной деятельности является эффективным средством осознанного воздействия и одним из факторов, определяющим характер взаимодействия оратора и слушателей.

Вербальная составляющая коммуникативного поведения лектора чаще всего рассматривается в научной литературе как часть педагогического дискурса. Его характеристики, представленные в работах В.И. Карасика, О.А.Леонтович, Ю.В. Щербининой, вполне применимы для описания и лекционного дискурса. Так, его можно характеризовать

с точки зрения сферы употребления как академический;

с точки зрения коммуникативных целей как полемический и дидактический;

с точки зрения участников процесса, их идеологических установок как процесс взаимодействия лектора и слушателей, заинтересованных в раскрытии / познании научной истины;

с позиций социолингвистики как институциональный.

Поясним последнюю характеристику лекционного дискурса. Так, В.И. Карасик считает, что институциональный дискурс это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума». Несомненно, все эти особенности могут служить описанием и лекционного дискурса, но с одной поправкой. Лектор с учебной аудитории знает своих слушателей, в то время как лектор видео-лекции, широко распространенной в настоящее время, может знать лишь примерное число слушателей во время вебинара, либо определять это число по количеству просмотров в интернете.

Таким образом, **лекционный дискурс** - это разновидность академического дискурса, особенностью которого является дидактический характер процесса языковой деятельности лектора с целью раскрытия научной истины для слушающих, имеющих возможность прямо или опосредованно вступать в полемику.

В качестве **материала исследования** вербальных и невербальных характеристик коммуникативного поведения лекторов в русской и английской лингвокультурах были взяты микроконтексты, отобранные методом сплошной выборки из 14 русскоязычных и 14 англоязычных видеолекций. Центральное место в каждой из них занимает раскрытие научных фактов или идей, включенных в содержание высшего образования по естественнонаучным и гуманитарным специальностям. Авторы лекций – ведущие специалисты в физике, химии, биологии, психологии, педагогике, культурологии, межкультурной коммуникации, лингвистике. Источником для отбора лекций послужил сервис видео хостинга YouTube. Общий объём просмотренного материала составил 899 минуты. Объём материала, вошедшего в анализ, - 1157 невербальных и 568 вербальных актов. Последние представляют собой 6160 клауза, включающих 8089 лексических единиц и грамматических структур.

Общими организационными моментами всех отобранных нами видеолекций являются следующие характеристики:

использование микрофона, слайдов, иногда субтитров;

присутствие преподавателя в кадре;

короткая дистанция между преподавателем и зрителями;

ориентация на студентов – зрителей.

Рассмотрим полученные результаты, последовательно представив сначала невербальные особенности коммуникативного поведения лекторов в русской и американской лингвокультурах, затем вербальную составляющую исследованного материала.

Сравнительная таблица невербальных средств коммуникации русских и американских лекторов

Виды невербальной коммуникации и их приемы	Русские лекторы (общая тенденция)	Американские лекторы (общая тенденция)	Сходства, различия
Фонационные средства			
паузы	1, 8 п./ в мин.	0, 4пауз./ в мин.	резкое различие
темп речи	медленный	средний	различие
вздох	1 вздох	0,3	различие
тембр	высокий	средний	различие
тон	средний	средний	сходство
Оптико – кинетические средства			
Мимика	пассивная мимика	пассивная мимика	сходство
жесты	закрытые	открытые	резкое различие
позы	закрытые	открытые	сходство
осанка	прямая	прямая	сходство
зрительный контакт	Не поддерживается	поддерживается	сходство
Пространственно - временные средства			
расположение	В центре кадра	В центре кадра	сходство
дистанция	короткая	средняя	различие
время	17 мин.	11мин.	различие

Из чего было заключено, что в рамках фонационных и оптико – кинетических средств в русском лекционном дискурсе лекторы предпочитают закрытые жесты, относительно пассивную мимику, размеренный темп изложения с ярко выраженными паузами, где доминирующим тембром является высокий, а тон повествования обычно негромкий. В то время как в американском лекционном дискурсе была выявлена совершенно другая

коммуникативная модель: американские лекторы обычно использовали открытые жесты и позы, их мимика была активной (улыбка и подергивание бровей встречались чаще всего). Доминирующий тембр голоса в американском лекционном дискурсе – средний, а тон изложения материала - умеренный на протяжении большей части времени большинства лекций, однако наблюдалось изменение как громкости, так и интонационного рисунка: эмоциональные всплески сменялись нейтральной интонационной окраской речи.

Отметим, что резкое расхождение мы видим в количестве пауз (1, 8 пауз/ в мин. и 0, 4пауз/ в мин. в русском и американском лекционном дискурсе соответственно). Возможно, русские лекторы больше уделяют внимание запоминанию новых терминов и формул и дают время студентам записать новую информацию.

Сопоставление коммуникативных вербальных моделей общения лекторов в данных лингвокультурах показало следующее.

Нами было выявлено предпочтение русских лекторов к риторическим вопросам и апелляциям к воспоминаниям:

Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса или хотя бы первичной стадией его образования или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить - нет!

Американские лекторы чаще применяют приглашение к сотрудничеству, с одной стороны, и высказывания, провоцирующие несогласие слушателей, с другой:

Technology thus extends the ways we interact with the world: our arms, our sight, our capacity to hear, touch, to move over distance. Which of these extensions most vitally affect what we do with language? If, however, we restrict our question to what happens in the actual process of translating, to the cognitive movements between languages and between texts, what extension of our perception is most radically affected?

При сопоставительном анализе в рамках этики взаимодействия были выявлены некоторые сходства. В обеих данных культурах в аспекте лекционного дискурса наблюдается тенденция благодарить за внимание и прощаться в конце лекции со слушателями, однако для русского лектора не вполне принято приветствие, выражение благодарности слушателям за их присутствие на лекции как абсолютные нормы вербального поведения. Кроме того, американские лекторы чаще мотивировали слушателей на восприятие информации, подчеркивая её значимость для дальнейшей совместной работы.

Welcome to the Psychology of Personality! This is a field that I think you are going to find stimulating and exciting!

My talk is particularly relevant to those of you who are directly involved in international communication, right?

Далее рассмотрим особенности лекции как примера научного стиля в русском и английском языках.

Хотя общая характеристика языковых средств выражения коммуникативно ориентированных особенностей устного научного сообщения в русском и английском языке обладает схожими приемами (использование терминов, общенаучная лексика, сокращения, логические средства связи), в каждом языке есть и специфичные черты. В общем, можно отметить, что в русском языке шире признак номинативности, строже и логичнее стиль изложения, в английском чаще встречаются эмоциональные выражения и риторические вопросы.

Вот почему волшебные очки науки, под которыми я подразумеваю прозрение гениальных ученых, нужны для того, чтобы, поняв окружающий нас мир и наше место в нем, научиться провидеть хотя бы ближайшие последствия своих поступков.

Русский язык обладает большей формальной лексической связностью. Хотя научные стили обоих языков характеризуются логичностью изложения, было замечено, что в русском языке научное изложение должно быть еще логичнее и строже, о чем свидетельствует наличие причинно-следственных союзов, и большое количество повторов.

Национальным характером русского человека обусловлен факт использования уменьшительно-ласкательных суффиксов в русской речи. С их помощью реализуются оценочные значения предмета или явления, передача эмоций и отношений говорящего к предмету беседы. В случае русского академического дискурса в рамках лекции по физике частое использование подобных суффиксов призвано подчеркнуть малый объем, а не отношение лектора к предмету дискуссии. Повтор фраз в пределах одного предложения нужен для лучшего восприятие учащимися нового материала. Этот метод неоднократно используется для простоты освоения новой темы лекции студентами. Лектор дает большое количество информации на лекции, стараясь максимально охватить все аспекты новой для студентов темы. Мы можем видеть, что для русского лектора план содержания лекции важнее ее плана выражения: в начале отсутствует приветствие, а в конце – прощание.

В работе мы выделили следующие общие стилеобразующие факторы английской и русской научной речи:

1) необходимость доходчивости и логической последовательности изложения сложного материала;

2) традиционность изложения: что, почему, где, когда, как;

3) достижение полноты понимания изложения за счет технических средств наглядности, взаимодействия со слушателями.

Выделенные нами особенности научной речи в английском языке таковы:

1) присутствие специальной лексики, терминов;

2) употребление слов только в прямых либо терминологических значениях;

3) употребление так называемых книжных слов;

4) отсутствие междометий;

5) преобладание сложноподчиненных предложений в синтаксической структуре;

6) характерны двойные союзы;

7) важную роль в раскрытии логической структуры играет деление на абзацы;

8) особый характер выражения экспрессивности;

9) использование многочисленных атрибутивных групп, указывающих на самые различные признаки объекта или явления

10) широкое использование имеет предлог *of* для передачи видо-родовых отношений.

Проанализировав лекции, мы пришли к выводу, что в русском языке наблюдается большая формальная лексическая связность, то есть связность, выраженная словами. Хотя логичность изложения является универсальной особенностью в научных стилях обоих языков, было замечено, что для русского языка изложение должно быть еще более логичнее и строже, что проявилось в большом количестве выявленных причинно-следственных союзов и повторов.

Как можем заметить, в русскоязычных лекциях, преобладают такие приемы выражения коммуникативно-ориентированных особенностей как: использование вводных слов словосочетаний и конструкций и использование причинно-следственных союзов 31% и 21% соответственно.

В ходе нашего исследования коммуникативно ориентированных особенностей лекционного дискурса в английском языке мы выявили следующие доминирующие особенности: преобладающим является использование причинно-следственных союзов (23% от общего числа), следующим по частотности употребления находится использование такого приема, как: драматизация изложения идей (23% от общего числа). Кроме того, одним из основных приемов использованных англоязычными авторами можно считать использование прямой и косвенной речи (17% от общего числа).

Основными вербальными средствами реализации коммуникативных особенностей устного научного сообщения в русском и английском языках являются использование вопросно-ответного комплекса, демонстрирующего развитие идеи и обеспечивая однозначное понимание читателем; драматизация изложения идей автором (использование первого лица единственного числа); применение противительных союзов, начинающих самостоятельные

предложения; прямая и косвенная речь; вводные слова, словосочетания и предложения; ссылки на источник сообщения, пояснения; использование конструкций связи, имеющих значение объединения адресата и адресанта.

Лектору как единственному проводнику информации необходимо продумывать каждый шаг в объяснении материала студентам. Важно осознавать, где могут возникнуть вопросы и максимально точно описать все аспекты новой темы. Ведение лекции в многонациональной аудитории представляет собой новую реальность системы образования, ставя нас перед необходимостью решать вопросы об особенностях данного вида лекционного дискурса и коммуникационных моделей поведения лекторов в русской и американской лигвокультурах.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. 390 с.

Осиновская Л.М. Особенности педагогического дискурса в русской и американской лингвокультурах. Вестник Московского университета Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация № 1 – 2012. - С. 87-95

Розина И. Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация : теор. и практ. / И. Н. Розина. - Москва : Логос, 2005. - 460 с.

Стернин И. А., Стернина М. А. Американское коммуникативное поведение / ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. - Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та : МИОН, 2001. – 224 с.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2003. – С. 4-14.

Щуркова Н.Е. Педагогическая технология. М.: Педагогическое общество России, 2002. 224 с.

3.4. ВИДЫ ДИСТАНЦИОННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Аннотация. В разделе рассмотрены вопросы организации дистанционного тестирования по иностранному языку в неязыковом вузе для студентов очной и дистанционной форм обучения, а также абитуриентов. Дана классификация дистанционного тестирования, выделены его преимущества и перспективы дальнейшего развития.

На основании результатов многолетней практики проведения дистанционного тестирования в Московском техническом Университете связи и информатики автор приходит к выводу о его эффективности и совместимости с традиционными и высокотехнологичными методами обучения иностранному языку.

Ключевые слова: неязыковой вуз, дистанционное тестирование, виды, преимущества, перспективы внедрения.

TYPES OF DISTANCE TESTING IN A NON-LINGUISTICS UNIVERSITY

Abstract. The paper is devoted to distance foreign language testing for full-time and distance students of a non-linguistics University and school-leavers. The classification of testing forms, its advantages and perspectives for further development are given.
On the basis of many years of practicing distance testing in the Moscow technical University of communications and informatics the author comes up to the conclusion of its efficiency and compatibility with traditional and high-technological methods of teaching English.
Keywords: Distance testing types, advantages, perspectives of implementation.

Тестирование в его традиционной форме практикуется в системе обучения иностранному языку в неязыковом вузе давно и в каких-либо комментариях не нуждается. Дистанционное же тестирование - дело относительно новое, и в его отношении необходимо сделать ряд пояснений.

По аналогии с классификацией дистанционного обучения, исходя из видов предъявляемых материалов, мы можем выделить тестирование с использованием печатных материалов и с использованием средств коммуникации [Кожевникова, 2005; Кожевникова, 2010; Coniam, 2006]. Последнее можно подразделить на тестирование с помощью компьютера и с помощью видеотехники. Дистанционное тестирование с использованием печатных материалов получило наибольшее распространение. От традиционного его отличает относительная централизация, специфическое структурирование проверочного материала и отсутствие непосредственного контакта с преподавателем вплоть до итогового экзамена. Его основные недостатки – невозможность гарантирования честности выполнения заданий обучаемым (при отсутствии визуального контроля со стороны наблюдателя он может пользоваться во время тестирования любыми источниками и привлекать к процессу друзей, родственников, знакомых, сослуживцев и т.д.) и минимальная централизация. Эта форма тестирования представляет наименьший интерес в силу своей ограниченности и слабости реализации преимуществ дистанционного обучения иностранным языкам.

Вторая форма, предусматривающая использование средств телекоммуникации, несравненно более перспективна, но зависит от материальных возможностей вуза и студентов, так как может функционировать лишь при одинаковом уровне технической оснащенности всех участников.

В рамках Московского технического университета связи и информатики она реализуется как для студентов-очников (когда тестовый материал подается из Центра тестирования одновременно в соответствующие помещения разных зданий университета), так и для студентов-дистанционщиков, выполняющих задания в ограниченное время дома или на работе, а также и для абитуриентов [Кожевникова, 2017].

Некоторые преимущества такого тестирования уже выявлены [Кожевникова, 2006; Кожевникова, 2010; Назаренко, 2005; Heift, 2005; Knight, 2005; Romano-Hvid, 2003]. Это:

автоматизированный сбор данных;

возможность детального анализа результатов освоения иностранного языка студентом;

обратная связь, позволяющая автоматически получать информацию о качестве выполнения заданий;

определение реального времени работы пользователя над текстом;

индивидуализация процесса контроля, позволяющая почти полностью исключить возможность какого-либо постороннего вмешательства или фальсификации результатов;

повышение степени заинтересованности студента в результатах;

развитие у него способности к анализу собственной работы и критическому отношению к ней;

выявление наиболее предпочтительных стратегий тестирования;

возможность впоследствии обсудить полученные результаты в Интернете с другими участниками, сравнить показатели и лучше понять, таким образом, свои проблемы и динамику собственных успехов в изучении иностранного языка.

Новейшие исследования показывают, что предварительное ознакомление студентов с моделью тестирования повышает их активность и способствует улучшению результатов [Кожевникова, 2017, Heift, 2005; Heift, 2003; Hwu, 2003; Kozhevnikova, 2006]. Поэтому кафедра иностранных языков Московского технического университета связи и информатики разработала учебно-методическое пособие «Формы и методы контроля в обучении английскому языку в вузах связи» (М: МТУСИ, 2017, автор: Кожевникова Т.В.) на базе «Учебника английского языка для университетов и институтов связи» (издание 8 - е, М: КноРус, 2017, автор: Кожевникова Т.В.) [Кожевникова, 2017 (2); Кожевникова, 2014; Kozhevnikova, 2016], куда вошли все типы предлагаемых студентам тестов на всех основных этапах контроля. Пособие издано в традиционной форме, а электронная версия размещена на сайте университета. Таким образом, студенты университета имеют неограниченные возможности предварительной тренировки как по компьютерным, так и по печатным материалам. Для получения зачета или удовлетворительной оценки на экзамене достаточно выполнить тест на 51%. В первый год проведения массового дистанционного тестирования учитывался фактор новизны дистанционного контроля для студентов-очников и в целях стимулирования их активности при выставлении итогового результата применялся коэффициент «+1». В дальнейшем прошедшие предварительную подготовку студенты в подавляющем большинстве достигали минимального допустимого результата и коэффициент «+1» больше не использовался.

После подведения итогов студенты и преподаватели имеют возможность проанализировать результаты на основании полученных (по их запросу) распечаток выполнения тестовых заданий. Предлагаемые при централизованном тестировании тесты составлены в соответствии с действующей Программой дисциплины «Иностранный язык» и образцами, представленными на сайте Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Министерства образования и науки РФ [Программа дисциплины…, 2004], а также с учетом зарубежного опыта [Cunningham, 2005]. Тесты для абитуриентов, применяющиеся для централизованного компьютерного предъявления на вступительных экзаменах, составлены по подобию ЕГЭ, и снабжены подаваемыми с экрана необходимыми инструкциями на русском языке, снимающими технические сложности [Кожевникова, 2017]. Как студенческие, так и абитуриентские тесты основаны на множественном выборе. Предлагаемые формулировки заданий следующие: заполните пропуск, выберите реплику (ответ, высказывание, заголовок и т.д.), определите, является ли утверждение..., укажите… .

Как показывает наш многолетний опыт, дистанционное тестирование значительно облегчает работу преподавателей иностранного языка во время проведения зачетов и экзаменов, гарантирует объективность и беспристрастность выставления оценок, обеспечивает единство методики составления проверочных материалов, что способствует унификации учебного процесса, полностью соответствует представлениям современной молодежи о его технизации и стимулирует ее к дальнейшему изучению иностранного языка.

Однако из того, что централизованное компьютерное тестирование модернизирует педагогическую деятельность и приветствуется (по показателям прогрессивности выполнения) молодёжью [Кожевникова, 2006; Felix, 2005; Kupetz, 2005], отнюдь не следует, что компьютеризированные тесты легче для выполнения, чем традиционные. Исследования показали [Develotte, 2005; Heift, 2003; Hwu, 2003; Kerres, 2002], что не все студенты одинаково положительно воспринимаю технизацию учебного процесса. Часто это объясняется тем, что студенты, с детства имеющие дело с компьютером, воспринимают компьютеризированные тесты по иностранному языку как совершенно естественное взаимодействие в сети. Студенты же, имеющие меньший доступ к компьютеру вне учебного заведения, даже при абсолютно положительной психологической установке хуже справляются с технической стороной заданий. Наилучшие результаты достигаются при простейшей технике выполнения тестов. Например, когда от обучаемого требуется только «кликнуть» правильный ответ при множественном выборе, вероятность точного выполнения теста выше, чем, когда обучаемый должен ввести номер правильного, с его точки зрения, ответа или напечатать его (одним словом или предложением).

Полученные нами результаты централизованного тестирования можно, в целом, считать надежными (они практически не расходились с показателями работы обучаемых в течение семестра или учебного года). Это, в сочетании с упомянутыми нами положительными сторонами компьютеризации и централизации контроля степени владения учащимися иностранным языком, дает основания говорить о потенциальной жизнеспособности централизованного тестирования и его полной совместимости с традиционной обучающей средой [Кожевникова, 2014; Кожевникова, 2010].

Дальнейшими шагами в его реализации могут быть: предоставление студентам повторной возможности тестирования; создание специальных программ для работы над ошибками (вначале - общих, впоследствии - индивидуальных) в аудитории под руководством преподавателя и самостоятельно (как в университете, так и дома), а также программ, одновременно являющихся упражнениями в различных видах речевой деятельности; использование централизованного тестирования в диагностических целях для определения уровня подготовки студентов по иностранному языку и последующего распределения их по градированным группам, а также обеспечения соответствующими материалами для самостоятельной внеаудиторной работы.

Созданная нами система централизованного тестирования допускает любые изменения и дополнения со стороны занятых в ней преподавателей. Поэтому при сохранении действующей Программы дисциплины «Иностранный язык» им не нужно каждый год создавать все заново: достаточно несколько видоизменить старые задания, поменять порядок их предъявления и. при желании, незначительно дополнить. Это сделает тесты неузнаваемыми для студентов и пригодными для многократного использования. Постепенно накапливаемый «банк тестирования» полностью оправдает затраченные на его создание силы и время.

Литература

Кожевникова Т.В. Английский язык для поступающих в МТУСИ. – М.: Принт, 2017.

Кожевникова Т.В. Английский язык для университетов и институтов связи. – М.: КноРус., 2017.

Кожевникова Т.В. Развитие умений профессионально ориентированного online-чтения в неязыковом вузе. – М.: Вестник МГЛУ, 2014. – Вып. 12(698). – С. 141-149.

Кожевникова Т.В. Результаты эксперимента по внедрению компьютерных технологий в процесс иноязычной подготовки в неязыковом вузе//Вестник Моск. Унивеситета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. М., 2006.

Кожевникова Т.В. Формирование профессионально ориентированной коммуникативной компетенции у выпускников неязыковых вузов средствами дистанционного обучения // Труды МГЛУ. Выпуск 454. М., 2005.

Кожевникова Т.В. Централизованная организация дистанционного тестирования по иностранному языку. М.: Вестник лингвистич. университета, 2010. Вып. 12(591). С. 150-158.

Назаренко А.Л., Дугарцыренова В.А. Дистанционное обучение иностранным языкам: принципы, преимущества, проблемы // Вестник Моск. Унивеситета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №1. М., 2005.

Программа дисциплины, "Иностранный язык" для вузов неязыковых спец. М., 2004.

Canningham S., Moor P. Cutting edge. Longman. 2005.

Coniam D. Evaluating computer-based and paper-based versions of an English-language listening test // ReCALL. November 2006.

Develotte Ch., Mangenot F., Zouron R. Situated creation of multimedia activities for distance learners: motivational and cutural issues// ReCALL. November 2005.

Felix U. E-learning pedagogy in the third millennium: the need of combining social and cognitive constructivist approaches// ReCALL. May 2005.

Heift N. Inspectable learner reports for web-based language Iearning //ReCALL. May 2005.

Heift N., Shulze M. Student modeling and ab initio language learning // Sysnem. 2003. № 31.

Hwu F. Learners behaviors in computer-based input activities elicited through tracking technologies // Computer Assisted Language Learning. 2003. № 16.

Kerres M. Online und Prasenzelemente in Leararrangements kombinieren. In: E-learning: Experimentwissen aus Wissenschaft und Praxis. Koln: Deutscher Wirtschaftsdienst. 2002.

Knight P. Learner interaction using e-mail: the effects of tasks modification // ReCALL. May 2005.

Kozhevnikova T.V. A modern English language textbook as an integral part of various learning media – Humanizing language teaching. UK: Pilgrims, 2016.

Kozhevnikova T.V. Experimental results of distance and corresponding learning of English // Материалы 40-й ежегодной международной конференции IATEFL, 2006.

Kupetz R., Ziegenmeyer B. Blended learning in teacher training course: Integrated interactive e-learning and contact learning // ReCALL. November 2005.

Romano-Hvid C., Krabbe J. Improving CALL research: the development of methods and tools for tracking // WORLD CALL. 2003.

ГЛАВА IV. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ (КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ)

Аннотация. Обращение к проблеме универсалий теснейшим образом связано с вопросом их языковой репрезентации в различных типах дискурса. В разделе рассматривается проблема изучения универсальных концептов в пространстве литературно-художественного текста, с учетом явления интертекстуальности. В качестве примера анализируется концепт SILENCE и его языковые репрезентанты.

Ключевые слова: универсальный, концепт, литературно-художественное пространство, интертекстуальный, перевод, концепт SILENCE

ASCENT TO THE ORIGINS (CULTURAL AND LANGUAGE UNIVERSALS IN THE WORLD LITERARY SPACE)

Abstract. The problem of universals is closely connected with the modes of their representation in various types of discourse. The problem of universals analysis in the literary artistic space is under consideration, including the intertextuality phenomenon. The concept of SILENCE and its verbal representations are adduced as the example/

Key-words: universal, concept, literary artistic space, intertextual, translation, the concept of silence

Вопрос о языковой репрезентации универсальных понятий, а более широко - универсальных концептуальных сущностей, представляющих собой условный набор универсальных человеческих концептов, идентифицируемых в большинстве лингвокультур благодаря своей транскультурной основе - продолжает привлекать внимание исследователей. Важным вкладом в разработку теории универсальных концептов явились труды Анны Вежбицкой, выдвинувшей целый ряд положений на основе анализа языковых репрезентантов данных сущностей в разных языках. В том числе данная работа осуществлялась в процессе изучения проблем толкования Священных книг ("Иисусовых притч"), где серьезное внимание уделяется и универсальным концептам, находящим языковое воплощение в религиозных текстах [Вежбицкая, 1999, с. 730 – 774]. Способность ядерного компонента значения языковых репрезентантов данных сущностей к транслируемости в другие лингвокультуры обусловливает возможность адекватной передачи заложенных в них смыслов [Вишнякова, Пашутина, 2009].

Вместе с тем, проблема реализации универсальных концептуальных сущностей на уровне языкового выражения в различных языках продолжает оставаться сложной и требует более детального рассмотрения. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает тот факт, что «путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и соответственно различиями развития их общественного сознания» [Тер-Минасова, 2004, с. 47].Так, например, Дж. Р. Ферс указывает на сложность и неоднозначность процесса трансляции языковых значений одного языка посредством другого: «Для того, чтобы преодолеть пропасть, разделяющую различные языки, лингвисты, конечно, не могут не пользоваться общечеловеческим опытом и даже крайне абстрактными понятиями. Но при этом необходимо помнить, что, например, английское слово kindness (доброта) не выражает с точки зрения лингвистики некую «голую идею», и в этом смысле ни в одном другом языке мира не найдется слова, точно выражающего это понятие. Точно так же неуместно утверждать, что, например, в том или ином языке нет слова, обозначающего the (артикль), lamb (ягненок), или что в нем нет глагола to be (быть)» [Ферс, 1978, с. 27]. Именно в этом плане важнейшая роль принадлежит понятию культурного опыта языкового знака, обладающего уникальным свойством сохранения и передачи значений, воплощающих культурные смыслы и характеризуемых соответствующими языковыми и культурными контекстами [Вишнякова, 2015].

В этом отношении показательным явился и предпринятый А. Вежбицкой, а также совершенствованный в новом направлениии и углубленный Ю.С. Степановым, анализ русского семантического культурного универсума с точки зрения выделения ключевых слов данной лингвокультуры, позволяющего прийти к ряду выводов относительно существования культуроспецифических концептов, где в качестве важных критериев выступили такие, как частотность реализации имени концепта, степень его воспроизводимости на уровне отражения картины мира лингвокультурного социума, находящей воплощение во фразеологизмах, различного рода паремиях, прецедентных текстах и т. д. [Вежбицкая, 1999; Степанов, 2001]. Исследование культуроспецифических феноменов, обладающих базовым характером по отношению к соответствующим лингвокультурам, продолжает осуществляться на материале различных языков и культур. Так, например, Т.А. Комова, рассматривая концепт BRITISHNESS, пишет: “Britishness is not simply about something called ‘the national character’, but has to be seen as a nexus of values, beliefs and attitudes which are offered as unique to Britain and to those who identify as, or wish to identify as, British. In other words Britishness is a state of mind: a belief in a national identity which is part and parcel of one’s sense of self” [Комова, 2000, с. 114]. Иначе говоря,

культуроспецифические концепты, выступающие в качестве базовых для данной лингвокультуры, рассматриваются с точки зрения регулятивности, выступающей в качестве основного морального и этического критерия, представляющего нормативную ценностную шкалу данного социума.

Обращение к проблеме универсалий более общего характера оказывается связанным с самыми различными аспектами их репрезентации в языке, в том числе на уровне всевозможных дискурсов, обладающих непрерывной динамикой [Александрова, 2017; Кубрякова, Александрова, 1997]. Например, религиозный дискурс, объединяемый в терминах универсализации важнейшим ключевым концептом «вера» (FAITH, BELIEF), может подвергаться анализу в плане исследования адекватного представления в различных культурах и в различных религиях таких сущностей, как «спасение» (SALVATION), «сострадание» (COMPASSION), «мудрость» (WISDOM), «искушение» (TEMPTATION) и др. В то же время существует закономерно обусловленное значительное количество расхождений в представлениях о репрезентируемых данными единицами смыслах в разных религиозных и культурных контекстах. Тем не менее, несмотря на факт существования подобных различий, универсальные человеческие концепты, их ядерные содержательные элементы, могут рассматриваться в качестве важных смысловых опор в процессе трансляции соответствующих значений, специфичных для той или другой сферы реализации языка. Например, сравнительный анализ англоязычных христианских, мусульманских, буддийской религиозных текстов позволил обнаружить целый ряд содержательных соответствий, в том числе и в регулятивно-ценностном плане при передаче указанных значений на английском языке [Вишнякова, 2009]. Приведем ряд примеров реализации единиц SALVATION, COMPASSION, WISDOM, TEMPTATION в текстах христианской и буддийской [Jesus and Buddah, 1997], а также мусульманской религий.

(SALVATION) You will know the truth and the truth will make you free [Jesus: John 8. 32].One who acts on truth is happy in this world and beyond [Buddha: Dhammapada 13. 2]. Blessed are the pure in heart, for they will see God [Jesus: Matthew 5. 8]. Anyone who withdraws into meditation on compassion can see Brahma with his own eyes, talk to him face to face and consult with him [Buddha: Digha Nikaya 19. 43]. No one can enter the kingdom of God without being born of water and Spirit. What is born of the flesh is flesh, and what is born of the Spirit is spirit. Do not be astonished that I said to you, "You must be born from above” [Jesus: John 3. 5 - 7]. There are these two gifts, the carnal and the spiritual. Of these two gifts the spiritual is preeminent. He who has made the spiritual offering - such a one, the best of mankind, is honored by all beings as one who has gone beyond [Buddha: Itivuttaka 4. 1].

(COMPASSION) Do to others as you would have them do to you [Jesus: Luke 6. 31]. Consider others as yourself [Buddha: Dhammapada 10. 1]. 2. If anyone strikes you on the cheek, offer the other also [Jesus: Luke 6. 29]. If anyone should give you a blow with his hand, with a stick, or with a knife, you should abandon any desires and utter no evil words [Buddha: Majjhima Nikaya 21. 6]. Love your enemies, do good to those who hate you, bless those who curse you, pray for those who abuse you. From anyone who takes away your coat do not withhold even your shirt. Give to everyone who begs from you; and if anyone takes away your goods, do not ask for them again [Jesus: Luke 6. 27 – 30]. Hatreds do not ever cease in this world by hating, but by love; this is an eternal truth.... Overcome anger by love, overcome evil by good. Overcome the miser by giving, overcome the liar by truth [Buddha: Dhammapada 1. 5 & 17. 3].

(WISDOM) He giveth **wisdom** unto whom He will, and he unto whom **wisdom** is given, he truly hath received abundant good. But none remember except men of understanding [002.269].

2.He granteth **wisdom**
To whom He pleaseth;
And he to whom **wisdom**
Is granted receiveth
Indeed a benefit overflowing;
But none will receive admonition
Hut men of understanding [269].

(And it was said unto his son): O John! Hold fast the Scripture. And we gave him **wisdom** when a child . [019.012]

(To his son came the command):
"O Yahya! take hold
Of the Book with might":
And We gave him **Wisdom**[2467]
Even as a youth.

<u>Comment (2467):</u> *Hukm,* translated Wisdom, implies something more than Wisdom; it is the Wisdom or Judgment that is entitled to judge and command, as in the matter of denouncing sin [Щедровицкий, 2006].

(TEMPTATION) The Son of Man came eating and drinking, and they said, “Look, a glutton and a drunkard, a friend of tax collectors and sinners!” [Jesus: Matthew 11.19]. They agreed among themselves: “Friends, here comes the recluse Gautama who lives luxuriously, who gave up his striving and reverted to luxury” [Buddha: Majjhima Nikaya 26. 26]. As he sat at dinner in the house, many tax collectors and sinners came and were sitting with him and his disciples, “Why does your teacher eat with tax collectors and sinners?” But when he heard this, he said, “Those who are

well have no need of physician, but those who are sick, for I have come to call not the righteous but sinners "[Jesus: Matthew 9. 10-13]. The boddhisatva made his appearance at the fields of sports and in the casinos, but his aim was always to mature those people who were attached to games and gambling. To train living beings, he would appear at crossroads and on street corners. To demonstrate the evils of desire, he even entered the brothels. To establish drunkards in correct mindfulness, he entered all the taverns [Buddha: Vimalakirtinirdesha Sutra 2]. The devil said to him, "If you are the Son of God, command this stone to become a loaf of bread." Jesus answered to him, "It is written, 'One does not live by bread alone'." Then the devil led him up and showed him in an instant all the kingdoms of the world. And the devil said to him, "To you I will give their glory and all this authority; for it has been given over to me, and I give it to anyone I please. If you, then, will worship me it will all be yours." Jesus answered him, "It is written, "Worship the Lord your God, and serve only him'." [Jesus: Luke 4. 3-8]. Then Mara the evil one drew near to him and said: "Let the Exalted One exercise governess, let the Blessed One rule." "Now what, O evil one, do you have in view, that you speak this way to me?" "If the Exalted One were to wish the Himalayas, king of the mountains, to be gold, he might determine it to be so, and the mountains would become a mass of gold." The Exalted One responded: "Were the mountains all of shimmering gold, it would still not be enough for one man's wants. He that has seen suffering – how should that man succumb the desires?" Then Mara the evil one thought: "The Exalted One knows me!" And sad and sorrowful he vanished then and there [Buddha: Samyutta Nikaya 4.2.10].

Следует отметить тот факт, что представление данных материалов на английском языке может рассматриваться как исключительно актуальный вид культурной и общефилологической деятельности, связанной с тем, что уже несколько поколений представителей данных религий проживают в англоязычных странах, где они продолжают придерживаться традиционного вероисповедания, приобщаясь к соответствующей религиозной литературе, текстам Священных писаний, в том числе и на английском языке. Исследователи отмечают глобальный характер происходящих процессов, выходящий за пределы англоязычного мира, а также взаимное влияние контактирующих между собой языков и культур, - что оказывает определенное влияние и на английский язык, а также на англоязычный мир в его различных проявлениях. Так, например: "The on-going linguistic changes can be accounted for by the unprecedented scale of contact between languages, not only within the new "joint" Europe but in the world at large.

In this continuous give-and-take, the role of each national language in the international arena tends to project the technological prestige of the country concerned. This explains the dominance of English in 'late-modern' or 'post-modern' society. … All national languages are constantly developing, and are influenced by other cultures and languages. English itself is undergoing

considerable changes" [Iakovleva, 2004, p. 148-152]. С.Г. Тер-Минасова указывает на сложность и многогранность происходящих процессов, находящих отражение в культурах и языках, отмечая, что «путь от реальности к слову (через понятия) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир, как бы транспонируя в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры» [Тер-Минасова, 2008, с. 25].

Еще более сложным представляется вопрос о рассмотрении универсалий на уровне художественной литературы, где использование имеющегося репертуара языковых средств подчинено созданию виртуального пространства художественного произведения и реализации идейно-художественного замысла автора. В этом отношении проблеме функционирования универсальных концептуальных сущностей как важного элемента литературно-художественного континуума принадлежит особая роль. Данная проблематика непосредственно связана с проблемами интертекстуальности и трактуемым в более общем виде понятием прецедентности. С точки зрения понимания интертекстуальности в широком смысле представляется обоснованным понимание данного феномена, например, К.Ю. Игнатовым, который включает в область интертекстуальных отсылок, помимо прямых текстовых соответствий, «непосредственное упоминание имен и неявные аллюзии к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности произведения» [Игнатов, 2017, с. 47]. В данном случае речь идет о всем мировом пространстве культуры, на которое опирается художественная реальность, включающая передачу идейно-художественного содержания произведения, создание особого эстетического эффекта, учет фактора взаимодействия автора со своим читателем (слушателем, зрителем), существующего как особый диалогический процесс, о чем писал М.М. Бахтин [Волошинов, 2000].

Современные исследования в сфере художественного текста основываются на различных методиках: одним из наиболее актуальных и достоверных представляется осуществление когнитивно-дискурсивного подхода, в частности, обращение к возможностям концептуального анализа. Е.С. Кубрякова неоднократно подчеркивает тот факт, что концептуальный анализ не может быть сведен к одному определенному методу или способу экспликации концептов, а представляет собой процесс, зависящий от тех целей, которые ставит перед собой исследователь, обращающийся к данному теоретическому аспекту научного постижения действительности [Кубрякова, 1994]. Как показывает анализ теоретической литературы по данному вопросу, изучение материала художественного текста с данных позиций является одним из наиболее сложных объектов языковедческого анализа. В предшествующих работах [Вишнякова, 2002; Вишнякова, 2016] были рассмотрены различные аспекты изучения художественного пространства с

концептологической точки зрения, в том числе анализу подвергались языковые репрезентанты ментально-лингвальных структур, выполняющих детерминирующую функцию в области реализации «концепта текста» на дискурсивном уровне. Значительное внимание в процессе исследования уделяется ключевым концептам литературно-художественного текста, являющимся важными «опорами» в ходе создания художественного пространства, выступающего как обладающий особой, художественной, спецификой информационный континуум, важнейшей характеристикой которого является бесконечность интерпретаций на основе данной совокупности результатов ментальной, психической, семантической, языковой деятельности человека, создающего виртуальные миры, особым образом представляющие и расширяющие образные представления о мире реальном.

Универсальный характер целого ряда играющих ключевую роль в создании художественного мира концептуальных структур, проявляющих свойство постоянной динамики вследствие реализации гибкого и подвижного характера репрезентирующих их в языке значений, приобретающих свое смысловое становление в определенных условиях контекста, находит проявление на уровне взаимодействия реального и художественных миров - взаимодействия, представленного в терминах интертекстуальности и дискурсивно-когнитивного подхода.

Обращение к материалу позволяет констатировать тот факт, что, например, концепт SILENCE (молчание, соблюдение тишины) представляет неослабевающий интерес для исследователей. В целом, феномен молчания представленный на различных уровнях репрезентации, постоянно привлекает внимание как языковедов, так и представителей других областей знания. К.А. Богданов пишет: «Молчание - факт речевой культуры, считаться с которым приходится всякому, кто имеет отношение к самой этой культуре. Молчание вездесуще и неигнорируемо. Существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые бы никогда не молчали. Можно сказать поэтому, что в известном смысле молчание доминирует над словом… оно очевидно и - в этой очевидности - не менее парадоксально, чем слово» [Богданов, 1997]. В статье О.В. Александровой «Когнитивно-дискурсивные функции молчания в речи» рассматриваются когнитивные аспекты паузации в речи, представленной остановками в речевом потоке, играющими особую роль в процессе речепроизводства. Исследователь указывает на отличие молчания, которое может занимать длительный период времени, от паузации, выполняющей определенные коммуникативно-прагматические, эмоционально-стилистические, обусловленные определенными когнитивными состояниями, функции в дискурсивной практике [Александрова, 2017]. В работе «Молчание как форма духовного опыта: Эстетико-культурологический аспект»

уделяется внимание философско-эстетическим аспектам феноменологии молчания, которое рассматривается как онтологически предшествующее языковому воплощению отношение человека и смысла посредством анализа форм его актуализации в художественной культуре модуса духовного опыта, выполняющего по ряду аспектов те же функции, что и язык [Михайлова, 1999]. Изучение англоязычного материала обнаруживает широкий спектр областей, помимо художественной сферы, в которых концепту SILENCE принадлежит особая роль. Например, International Journal of Theology уделяет специальное внимание данной проблематике в рубрике Silence in Theological Discourse и освещает такие вопросы, как Silence and God, A Thirst for Silence: The Taize Experience, Silence: A Sacred Space for listening, Silence in the Bible, Love and Silence, Spirituality in Silence [Concilium (Electronic resource)], придавая данной концептуальной сущности определенный, обусловленный спецификой религиозного дискурса смысл. Проблема взаимодействия молчания и языка находит отражение в целом ряде различных источников лингвистического, философского, психологического характера, в основном, обладающих междисциплинарной направленностью, вызывая интерес в том числе и самых разных поколений исследователей. Например: “Silence plays the irreducible role of that which bears and haunts language, outside and against which alone language can emerge. (Jacques Derrida, Writing and Difference) …. The “linguistic turn” in contemporary philosophy exposed silences by attempting to elucidate the limits of language and intelligibility. If we consider silence to be a moment in language, rather than something which lies outside of it, how can we interpret and listen to silence? In the Preface to his Tractatus Logico-Philosophicus, Ludwig Wittgenstein writes that “What can be said at all can be said clearly, and what we cannot talk about we must pass over in silence.” Although he denies that ideas that cannot be reduced to logical states of affairs can be meaningfully expressed through language, Wittgenstein recognizes that these silences can be expressed through means other than language. The limits of language outlined by Wittgenstein shed light on the exclusionary powers of speech and communication, and the ways in which silence and discourse are strategically employed in power relations… As Derrida points out, silence is the source of all language. Rather than positing silence as an absolute negation of speech, Derrida suggests that it is a necessary condition for the possibility of meaning. Listening to the haunting echoes that lie on the horizon of sound, just beyond our hearing, entails perceiving the absences that allow sounds to be heard. Nevertheless, silencing often operates as a tool to establish power and exclude” [Silence! (Electronic resource)].

Таким образом, феномен SILENCE как молчание, соблюдение тишины соотносим с вопросами реализации акустических способов его представления в сфере суперсегментных средств, в том числе — сценических, представляя также большой интерес в плане реализации идеи молчания с непосредственным использованием языковых единиц

различных уровней. Обратимся к лексикографическим источникам: “1 absence of sound; complete quiet: *There was nothing but silence in the empty house. The silence was broken by a loud cry.* 2 the state of not speaking or making noise: *She received the bad news in silence. Her forceful arguments reduced her opponents to silence.* (= they could not reply) 3 failure to mention a particular thing, especially when unexpected or difficult to explain*: I can’t understand the government’s silence on such an important matter.* 4 failure to write a letter, to telephone, etc.: *After two years’ silence he suddenly got in touch with us again.* 5 a moment or period of any of these conditions: *We observed a one-minute silence in memory of the war dead. His offensive remarks were followed by an embarrassed silence. There were long unexplained silences between her letters.* 6 silence is golden *saying* it is good to be completely quiet” (Longman Dictionary of English Language and Culture); “QUIET… an absence of sound; complete quiet: *A loud crash of thunder broke the silence of the night*. ◦ *silence reigned* (There was complete silence) *in the church*”*; “* NO SPEAKING… 1 a state of not speaking or writing or making a noise: *The soldiers listened in silence as their captain gave the orders.* ◦ *“Silence* (= Stop talking)” *shouted the teacher.* ◦ *My request for help was* ***met with*** *silence* (I received no answer). ◦ *Her silence* ***on/about*** *what had happened to her surprised everyone.* ◦ *Their mother’s angry words* ***reduced*** *the children* ***to*** *silence.* ◦ *I don’t expect to hear from her now, after three years’ silence.* (= three years in which she has not spoken or written to me). 2 a period of time in which there is complete quiet or an absence of speaking: *Their conversation was punctuated with uncomfortable silences*” ● **Silence is golden**. *SAYING* said to mean it is often better to say nothing” (Cambridge Advanced Learner’s Dictionary).

Известно, что данный концепт получил многостороннее отражение в пространстве художественного текста, где процесс его языковой реализации сопряжен с акцентированием внимания на его различных содержательных характеристиках, как, например, в следующем стихотворении Джона Мильтона, где единица silence подвергается олицетворению:

Now came still evening on, and twilight gray
Had in her sober livery all things clad;
<u>silence accompanied</u>, for beast and bird,
They to their grassy coach, these to their nests,
Were slunk, all but the wakeful nightingale;
She al night long her amorous descant sung;
<u>Silence was pleas’d</u>: now glow’d the firmament
With living sapphires: Hesperus that led
The starry host, rode brightest, till the moon,
Rising in clouded majesty, at length
Apparent queen unveil’d her peerless light,

And o'erthe dark her silver mantle threw. (John Milton)

В целом ряде литературно-художественных контекстов реализация данного значения осуществляется в контекстуальной контактности с другими языковыми значениями, выступающими в качестве его сопутствующих характеристик, в результате чего может создаваться эффект усиливающей смысловую значимость данного значения синонимической конденсации, либо дополнительной экспликации смыслов, заложенных в лексеме silence, своего рода компенсации отсутствующего акустического эффекта, создаваемого в результате ее употребления. Например:

And then there crept
A little noiseless noise among the leaves,
Born of the very sigh that silence heaves. (John Keats)
Thou still unravish'd bride of quietness,
Thou foster child of silence and slow time. (John Keats)

В то же время в рассмотренном материале встречаются примеры [Болдырева, Гюббенет, 2000], в которых реализация дополняющих, а иногда и семантически противоположных значений, способствует усилению эффекта создаваемого образа медленно надвигающейся тишины на фоне постепенно угасающих звуков, как, например, в следующем стихотворении Альфреда Теннисона:

It is the little rift within the lute,
That by and by will make the music mute,
And ever widening slowly silence all. (Alfred, Lord Tennyson)

В ряде контекстов наблюдается контекстуальное соположение в высказывании значения silence с другими значениями, эксплицирующими эмоционально-оценочные смыслы данной единицы и дополняющие их с точки зрения создания образности, той поэтической картины, которая отражает намерения автора в плане достижения определенных стилистических целей:

When we two parted
In silence and tears,
Half broken-hearted
To sever for years…
If I should meet thee
After long years,
How should I greet thee? -
With silence and tears.
(Lord Byron)

Следует также выделить те случаи, в которых может быть выявлено явное семантическое противопоставление значений, репрезентируемых единицей silence, и других, контекстуально сопоположенных с ней языковых реализаций. Вместе с тем, как уже отмечалось, подобные отношения синтаксического и лексического параллелизма выполняют двоякую роль: с одной стороны, противопоставление данных семантических структур позволяет выявить специфику основной смысловой оппозиции в высказывании, в то время как с другой — данное противопоставление обнаруживает еще более четкую акцентуацию заложенных в единице silence потенций в плане реализации стилистических коннотаций в пространстве текста, где наблюдаются семантические сдвиги на уровне обладающих подвижностью языковых значений, соотносимые с различными, в том числе ассоциативно обусловленными, трансформациями стоящих за ними концептуальных содержаний. Например:

Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better. Silence is deep as Eternity; speech is shallow as Time . (Thomas Carlyle)

Silence is the virtue of fools. (Francis Bacon)

The cruellest lies are often told in silence. (R.L. Stevenson)

Известная библейская цитата может рассматриваться в качестве примера реализации данного значения в параллельной конструкции: A time to rend , and a time to sew; a time to keep silence, and a time to speak (Ecclesiastes).

Следует обратить внимание на случаи реализации концепта SILENCE в творчестве Шекспира, где данной ментально-лингвальной сущности принадлежит во многих случаях ключевая роль. Так, в трагедии «Кориолан» содержится обращение главного героя к Виргилии “My gracious silence, hail!”, - отражающее особенности взаимоотношений персонажей и определенным образом характеризующие их. Особое значение данный концепт, представленный одноименной номинативной единицей, приобретает в трагедии «Гамлет», фактическим апофеозом которой является известная фраза принца Датского “The rest is silence”, звучащая в финале драмы.

Эффект данного финала описан известным психологом Л.С. Выготским: «Зритель обманут. Все то, что он считал уклонением от пути, привело его именно туда, куда он стремился все время, а когда он попал в конечный пункт, он не сознает его как цель своего странствия. Противоречия не только сошлись, но и поменялись своими ролями – и это катастрофическое обнаружение противоречий объединяется для зрителя в переживании героя, потому что в конце концов только эти переживания принимает он как свои. И зритель не испытывает удовлетворения и облегчения от убийства короля, его натянутые в трагедии чувства не получают вдруг простого и плоского разрешения. Король убит, и сейчас же

внимание зрителя, как молния, перенесено на дальнейшее, на смерть самого героя, и в этой новой смерти зритель ощущает и переживает все те трудные противоречия, которые раздирали его сознание и бессознательное во все время созерцания трагедии.

И когда трагедия – и в последних словах Гамлета, и в речи Горацио – как бы снова описывает свой круг, зритель совершенно ясно ощущает то раздвоение, на котором она построена. Рассказ Горацио возвращает его мысль к внешнему плану трагедии, к ее «словам, словам, словам». Все остальное, как отмечает Гамлет, - «молчание» [Выготский, 1987, с. 185-186].

Отмеченное ученым противопоставление ключевых значений, отраженное в структуре и содержании пьесы, реализуется в шекспировском тексте параллельно с игрой слов, отражая таким образом двойственный, а возможно, и многослойный характер как реально происходящих в рамках трагедии, так и подразумеваемых, ассоциативно существующих в параллельном, или виртуальном мире событий. Неоднозначность толкования как содержания произведения, так и персонажей, созданных Шекспиром, отразилась в множественности интерпретаций образа главного героя, о чем пишет, например, А.Ф. Лосев: «Известный актер Качалов, изображая в своем Гамлете почти исключительно только сыновнюю любовь к матери, подчеркивал по всей трагедии только те слова, которые в той или иной другой степени выражают любовь Гамлета к матери. На периферии я видел много разного рода замечательных Гамлетов, и все они были разные. Мне помнится актер, выдвигавший на первый план одиночество, покинутость, беспомощность, расслабленность, крайнее отчаяние и полное бессилие Гамлета. Это был, скорее, какой-то чеховский герой, а не шекспировский Гамлет. Мне помнится другой актер, который выдвигал в Гамлете, наоборот, силу, волю, мощь, и притом в обдуманном, запланированном, злом и каком-то самодовольно-сатанинском виде. Был и еще один Гамлет, в котором выдвигалась скорее эпоха Гамлета и его дворцовое окружение, чем сам Гамлет с его индивидуальными особенностями. Один Гамлет остался у меня в памяти как философ, как абстрактный мыслитель, как ученый студент тогдашнего европейского университета, который не столько действует, не столько чувствует, не столько к чему-то стремится, сколько над всем рефлектирует, все анализирует и все подводит под свою философскую концепцию о мире и о Дании как большой и малой тюрьме. Все эти типы сценического воплощения Гамлета возможны были только потому, что решительно в каждой фразе одни Гамлеты считали подлежащим или сказуемым одно, а другие Гамлеты – совсем другое, третьи же – вовсе третье» [Лосев, 1982, с. 112-113].

Как известно, интерпретационная проблематика теснейшим образом связана с проблематикой переводческой. Интерпретация понимается как целенаправленная когнитивная деятельность, обусловленная реализацией соответствующих модулей для

достижения адекватного понимания, выступающего как непосредственный акт интерпретации. Переводческая деятельность представляющая собой в определенном смысле интерпретирующую деятельность в значительной степени опирается на возможность существования универсалий. Дж. Р. Ферс, признавая необходимость учета культурной и языковой специфики каждого социума, пишет: «Давайте прежде всего признаем, что все лингвисты опираются на общечеловеческий опыт, который является частично их собственным опытом. На основании этого общечеловеческого опыта мы можем делать обобщения и, я полагаю, создавать общечеловеческие ситуации обобщенного характера, что помогло бы нам создавать мосты между исходным языком и языком перевода. В такой отвлеченной ситуации, объединяющей два языка, можно найти множество общих элементов, за исключением самих текстов» [Ферс, 1978, с. 34]. Отметим также, что важнейшим фактором понимания и адекватной интерпретации, в том числе и в терминах перевода, предполагающего поиск наиболее оптимального эквивалента, является учет дискурсивной составляющей анализируемого текста. Известно, что существует значительное количество переводов финальной части трагедии «Гамлет», где особое внимание уделяется трансляции упомянутого нами высказывания, содержащего репрезентацию концепта SILENCE.

HAMLET: O I die Horatio:
The potent poison quite o'er-crows my spirit,
I cannot live to hear the news from England,
But I do prophesy th' election lights
On Fortimbras, he has my dying voice
So tell him with the occurrents more and less,
Which have solicited. The rest is silence.
(Hamlet, Prince of Denmark. Act 5, Scene 2)

Приведем ряд существующих вариантов перевода:

...Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше – тишина.

(Перевод М. Лозинского).

…. Скажи ему, как все произошло.
И что к чему. Дальнейшее – молчанье.

(Перевод Б. Пастернака)

…...Так и скажи. И объясни подробно
Причины этих дел. Потом – молчанье.

(Перевод О.Радловой).

…... Скажи ему об этом. Пусть найдёт

он время, чтобы выслушать предметно
твой честный обстоятельный отчёт
о том, как всё сплелось необычайно.
Прощай. Уже пошёл обратный счёт.
Жизнь — позади. А впереди — молчанье.
(Перевод А. Агроскина).

…..Скажи ему об этом,
а также обо всех событиях, больших и малых,
которые привели к такому концу.
Остальное - молчание.
(Пер. М.М.Морозова)

… Скажи ему о том и передай
О всех причинах, малых и великих,
Чем вызваны прискорбные событья...
И заключи молчаньем...
(Перевод Н. Маклакова)

…..Мотивы происшедшего попробуй
Ему поведать. Остальное - ... безмолвие.
(Пер. И.В.Пешкова)

….. Ты расскажи ему, что тут случилось,
Во всех подробностях. На этом — всё.
(Перевод В. Поплавского).

Отметим в этой связи, что концепт SILENCE реализуется не только в указанной финальной части трагедии. Исследовательского внимания заслуживает тот факт, что SILENCE как одна из ключевых сущностей произведения выступает как тесно связанная с другой важной составляющей, выраженной единицей madness, также играющей в данном случае ключевую роль, с учетом и того факта, что мнимое (либо реальное) сумасшествие Гамлета и создает ту особую атмосферу, в которой происходит действие трагедии:

This is mere madness. (:)
And thi(u)s awhile the fit will work on him,
Anon as patient as the female dove<,>
When that her golden couplets (cuplet) are disclosed<;>
His silence will sit drooping.
[Безумье чистое:
Да, временами на него находит;

Но вскоре он уж кроток, как голубка,
Что, завершив прекрасный свой куплет,
В молчании сникает.]

Как отмечалось выше, особым аспектом бытования концептуальных сущностей универсального характера является возможность их реализации на уровне мирового художественного пространства, в составе интертекстуальных включений, где в целом ряде случаев данным структурам принадлежит особая роль. Обращение к творчеству англоязычных авторов позволяет изучить феноменологию включения шекспировских универсалий в литературно-художественную ткань данных произведений. Интересно отметить тот факт, что в произведениях англоязычной художественной литературы находят реализацию и дальнейшее развитие не только такие динамические концептуальные структуры, как SILENCE, TIME, EMPTINESS, NOTHING, но воплощается и сущностный характер взаимосвязей и взаимодействий между ними, в том числе отношений «фамильного сходства» В этом плане в качестве примера может быть представлен материал поэмы Т.С. Элиота «Бесплодная земля» ("The Waste Land"). Концепт SILENCE гармонично включается в искусно сотканную автором художественную ткань поэмы, коррелируя с ее другими ключевыми концептами и образуя специфическое концептуальное пространство данного произведения. Как известно, поэма Элиота изобилует интертекстуальными включениями самого различного характера и, в первую очередь, - отсылками к творчеству Шекспира. Так, например, одной из известных характеристик трагедии «Гамлет» является противопоставление выраженной известной фразой концепции молчания "The rest is silence" не менее известной, ставшей крылатой фразы "Words, words, words", находящейся в ракурсе упомянутого выше противопоставления, акцентирующего внимание на реализации концепта SILENCE и в определенном отношении эмоционально оттеняющего смысловое наполнение данной языковой единицы, занимающей ключевую позицию в высказывании.

POLONIUS: How say you by that? Still harping on my daughter: yet he knew me not at first; he said I was a fishmonger: he is far gone, far gone, and truly in my youth, I suffered much extremity for love: very near this. I'll speak to him again. What do you read my lord?
HAMLET: Words, words, words.
POLONIUS: What is the matter, my Lord?
HAMLET: Between who?
POLONIUS: I mean the matter that you read, my Lord"
(Hamlet, Prince of Denmark. Act 2, Scene 2).

Указанное соотношение находит свое воплощение и на уровне интертекстуальных взаимодействий. Так, например, в поэме «Бесплодная земля» соположение таких сущностей,

как WORDS и SILENCE реализуется в аспекте шекспировского слова, встречающегося в более поздних произведениях англоязычной литературы. Подвергаясь переосмыслению в рамках новой художественной реальности, рассматриваемые концептуальные сущности являются представленными в новом виде, на уровне новых образов, сохраняя свои основные функционально-содержательные свойства. Так, например, противопоставленные молчаливой реакции героя слова героини представлены в виде поэтического образа, отражающего как ее настроение, так и общую атмосферу поэмы:

Under the firelight , under the brush, her hair
Spread out in fiery points
Glowed into words, then would be savagely still.

Данный отрывок служит иллюстрацией образного осмысления концептуальных сущностей, обладающих способностью к приобретению новых эмоционально-оценочных содержаний [Вишнякова, 2002; 2009].

Таким образом, можно заключить, что изучение универсальных концептуальных структур, находящих репрезентацию в пространстве литературно-художественных произведений открывает новые горизонты в исследовании способов языковой репрезентации универсалий на уровне различных лингвокультурных взаимодействий.

Литература

Александрова О.В. Когнитивно-дискурсивные функции молчания в речи//Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Вып. XXX, М.-Тамбов-Белгород. С. 516-518.

.Александрова О.В. On the Problem of Contemporary Discourse in Linguistics //Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 10. С. 298-302.

Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. СПб.: РХГИ, 1997.

Болдырева Л.В., Гюббенет И.В. Учебный словарь цитат из англоязычных авторов. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков - М.: "Языки русской культуры", 1999.

Вишнякова О. Д. Анализ культурного концепта в контексте «фамильного сходства»// Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 43-48.

Вишнякова О.Д. Концептуальная структура художественного текста как основа понимания авторского замысла //Языки и культуры в современном мире. 30 марта - 2 апреля 2016 года. Коломна. Материалы XII международной конференции. М.:НОПРИЛ, 2016. С. 40-47.

Вишнякова О.Д. Реализация знакового потенциала языковых единиц в текстах религиозного содержания //Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 787 - 792.

Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума//Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 25-42.

Вишнякова О.Д., Пашутина Т.А. Лингвистические параметры транслируемости культурных концептов// Сборник научных и научно-методических трудов. Вып.6 / Под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. М.: Университетская книга, 2009. С. 58 - 71.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка// Бахтин М. М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.

Выготский Л.С. Трагедия о Гамлете, принце Датском// Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. С 185-186.

Игнатов К.Ю. К вопросу о переводе интертекстуальных отсылок в поэзии // Сборник научных и учебно-методических трудов. Вып. 14. /Под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. М.: «КДУ»; «Университетская книга», 2017. С. 47-58.

Комова Т. А. Основы сопоставительной культурологии. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма; лингвистика психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4. С. 34-47.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 15-26.

Лосев А.Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли// Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та: 1982. С. 112-113.

Михайлова М.В. Молчание как форма духовного опыта: Эстетико-культурологический аспект. Дисс. … канд. филос. наук. Спб., 1999.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 2001.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: СЛОВО/SLOVO, 2008.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2004.

Ферс Дж.Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: «Международные оношения», 1978. С. 25-35.

Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. М.: Оклик, 2006.

Concilium. International Journal of Theology. Silence (2015/5). Editor(s): Diego Irarrazaval (c), Mile Babic, Andres Torres Quieruga, Felix Wilfred. [Electronic resource]. URL: http://www.concilium.in/issue-detail/21/Silence (accessed 11.05.2018).

Iakovleva E. Interpretation, Translation and Grammatical Interference// Perspectives on Interpreting. Giuliana Garzone, Peter Mead and Maurizio Viezzi (Eds.). 2004. P. 147-153. [Electronic resource]. URL: https://www.torrossa.com/digital/toc/2002/2250219_TOC.pdf (accessed 12.05.2018).

Jesus and Buddah: the parallel sayings //Editor, Marcus Borg; introduction, Jack Kornfield; co-editor, Ray Riegert. First Ullysses Press Edition, 1997.

Silence! McGill Art History and Communication Studies Graduate Student Conference. McGill University, Montréal. February 6, 2015. [Electronic resource]. URL: https://ahcsconference.wordpress.com/ (accessed 06.05.2018).

4.2. ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ, ИЗ НЕБЫТИЯ. КЛАССИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ПРОЗА КАК СТРОГИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ.

«Стоит познакомиться с найденным среди эмигрантской прессы, новым для русского читателя романом о событиях вокруг 1917 княгини Веры Лобановой-Ростовской. Он написан в русле «толстовской традиции», предлагая хронику одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий. Роман пропитан религиозностью автора, вера мотивирует ее действия».

(Никита Лобанов-Ростовский)

Сердце сокрушенно и смиренно… Пс. 50, 19

Аннотация. Рукопись романа Княгини Веры Лобановой-Ростовской — это хроника дворянского семейства и обширная историческая панорама вокруг 1917 года. В романе идет речь о политике и жизни разных сословий. Вера мотивирует действия автора.
Ключевые слова: русские аристократы-эмигранты, проявление веры в испытаниях судьбы.

THROUGH THE CENTURY, FROM NON-BEING. CLASSICAL RUSSIAN PROSE AS A STRICT DOCUMENT OF THE EPOCH.

Abstract. The manuscript of the novel by Princess Vera Lobanova-Rostov is a chronicle of a noble family and an extensive historical panorama around 1917. In the novel there is a speech about politics and life in different social classes. Faith motivates the author's actions.
Key words: Russian aristocrats-emigrants, the manifestation of faith in the trials of fate

Пользуемся честью представить краткое исследование и фрагмент текста[16] перед первой публикацией на русском языке книги «О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА. ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (**1903-1919**)».

Это воспоминания княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской (1870-1943), урожденной Калиновской, бабушки известного общественного деятеля, коллекционера, мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ранее текст никогда не был опубликован на русском языке.

Впервые воспоминания увидели свет на болгарском языке в Болгарии, в Софии, под вымышленным именем Наталия Артамоновна Захарина, озаглавленные «Рассказы матери. Пережитые испытания» (Княгиня Наталья Захарина. Разкази на една майка, преживяна действителност / Пер. с рус. София, **1936–1937**).

Повествование охватывает период пятнадцати лет перед Октябрьским переворотом до вынужденного бегства семьи от большевиков на исходе 1919 года. Подробно описана жизнь семьи в имении, быт российских помещиков; надвигающиеся предчувствия неотвратимого, подтверждаемые предсказаниями Оптинских и Лаврских старцев, а также духовных писателей, с которыми у автора происходит интенсивное общение; постепенно усиливающиеся невзгоды семьи в связи с появлением новой власти — разорение имения, угрозы, несправедливость по отношению ко всем представителям их круга, недоброжелательство, болезни, аресты близких.

«Жизнь начиналась и нелепая, и странная, и неудобная. Привыкнуть к ней было невозможно»,
— пишет Вера Дмитриевна (*гл. 14*).

Все это заставляет прийти к единственному решению, которое бы позволило физически выжить домашним — к побегу. Главным инициатором его является Вера Дмитриевна. В долгом пути на чужбину семью вновь ожидают опасности, тюрьмы и лишения. В конце его Лобановы-Ростовские попадают в Болгарию. Летопись семьи почти через девяносто лет продолжил (и совершенствует замысел в разных монографиях и периодических публикациях) их внук, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский:

«… вскоре после революции им удалось переехать в Одессу… Еще до войны 1914 г., старшая сестра моего отца, Ольга Ивановна, уехала учиться в Швейцарию. В 1919 г. у нее созрел план отправиться в Советскую Россию и вывезти семью».

В почти невероятном плане спасения Ольге Ивановне помог румынский морской капитан Константин Улик, за которого позже она вышла замуж.

«Самое удивительное, что Ольге удалось перевезти всю семью… Потомки Рюриковичей, князья Лобановы внешне очень похожи на татар. Оделись крестьянами, загрузили вещи в телегу и отправились в путь» [17]**.**

16 *Публикатор* Н.Д. Лобанов-Ростовский. *Примечания* к изданию Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой.
17 Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба, Коллекция. М., Русский путь, с. 10.

Более трех лет уходит на то, чтобы прийти в себя и осмыслить случившееся с семьей русских князей, ставших эмигрантами. Автор сама называет точные даты начала описываемых событий и начала написания романа:

«у меня явилась потребность, после нахлынувших воспоминаний, сегодня же, *ноябрьской ночью 1923 года*, начать собирать весь имеющийся у меня материал и соединить его воедино. Итак, перенесёмся к *середине сентября 1903* года в Петербург».

Почти 12 лет уходит на то, чтобы переработать разного рода частные записи в целостное произведение, не допускающее никакого вымысла, однако получившее в результате ясную структуру, и, следовательно, автор продуманно использовала некоторые художественные приемы, касающиеся не самого материала, но его организации. Роман публикуется в эмиграции, в Софии, на болгарском языке на рубеже 1936-37 гг. Крестный путь русских князей на чужбине, увы, не окончен.

Времена эмиграции не остановили страданий и испытаний в семье Рюриковичей. Апостол Павел говорил в Послании к Коринфянам*: верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так что вы могли бы перенести* (1 Кор.10, 13). Какова же была дана сила этой женщине, переносившей один удар за ударом, и нашедшей в себе внутреннюю опору, чтобы оставить людям письменное свидетельство российских бед! Так, в 1921 г. погиб сын Веры Дмитриевны Никита Иванович, в 1932 г. — другой сын, Иван Иванович. Вера Дмитриевна покинула этот мир в 1943 году, не узнав об аресте семьи ее сына Дмитрия Ивановича, который вместе с невесткой Ириной Васильевной и 11-летним внуком Никитой оказались в тюрьме, прошли свой, уготованный им путь мытарств. Не узнала о неудавшемся им побеге; расстреле Дмитрия Ивановича, о жуткой судьбе в лагере сына Николая Ивановича. Об этом рассказал ее внук в уже упомянутой книге, а также в двух других[18]…

Необходимость псевдонима, придуманного для публикации романа, а также имен большинства персонажей, продиктована вовсе не требованиями этики той среды, к которой принадлежала Вера Дмитриевна, как можно было бы подумать. Псевдоним взят по необходимости. И выдуманные наименования большинства действующих лиц — не художественный прием: не навредить себе и другим в ту эпоху, когда волна репрессий могла накрыть не только живущих в «Совдепии», как называет страну Советов автор, но и уцелевших эмигрантов. За многими условными именами — по самой принадлежности русскому аристократическому кругу — скрываются лица, бывшие в свое время на слуху. Ныне так или иначе они должны быть вписанными в «российские летописи Перелома эпох». Некоторые имена, особенно это касается старцев, священников, монахинь,— сохранены. К сожалению, вовсе не все вымышленные персонажи поддаются дешифровке. Публикатор, Н.Д. Лобанов-Ростовский, восстанавливает подлинные имена детей Веры Дмитриевны. А вот, например, понять, какая именно из сестер князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, мужа писательницы, скрыта под именем «Дашеньки» или «Сони» можно только с определенной долей вероятности. И это обидно. Ведь речь идет о «свите Великой княгини Елизаветы Федоровны», фрейлинами которой были сестры Александра Николаевна, и Любовь Николаевна, и двоюродная сестра Людмила Григорьевна Лобановы-Ростовские. Конечно, любая деталь обихода, каждодневные события, связанные с этой великой личностью, были бы драгоценным свидетельством. Эта «туманность» еще раз свидетельствует — в истории России столетней давности до сих пор остаются серьезные лакуны. Их «стягиванию», «суживанию», помимо других бесспорных достоинств, служит предлагаемый ныне текст.

Другой важнейший круг воспоминаний — духовные руководители и старцы. Свекровь Веры Дмитриевны была духовным чадом преподобного Амвросия Оптинского. На страницах рукописи мы узнаем реальных лиц, выведенных под своими подлинными именами, так или иначе близких к Оптиной пустыни: схиархимандрит Венедикт (Дьяконов),

[18] Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в эмиграции, М. 2015, «Рюрикович в XXI веке», М., 2017.

схиархимандриты преподобный Варсонофий и старец Зосима, священноисповедник[19] Георгий (Егор) Чекряковский. Драгоценны тщательно выписанные конкретные эпизоды, в форме диалогов подробно рисующие наставления, весь строй монастырского обихода и манеру общаться с людьми, обращающимися к ним за помощью. Однако неведомым остается подлинное имя «Болящего Иоанна», жившего в Крестовоздвиженской женской обители. Хотя по всему видно, что имя этого старца в свое время было весьма известно и почитаемо. И тут тоже до сих пор «исторический обрыв» — дорога к некоторым лицам российской духовной истории только открывается свидетельством книги «О российской трагедии».

Структура романа и строгая документальность

Скромность и конкретность авторского названия задают и тон повествования. Вера Дмитриевна строго следует:

«письмам, дневникам и заметкам о прошлом» *(Пролог).*

Своевременно зафиксированные каждодневные события предстают, видимо, в своем почти первозданном виде. Это показывает сам текст, где предпочтение отдается диалогам, передаются характерные черты речи разных сословий, упоминаются столь точные детали быта, которые «поздняя память» в предложенном автором изобилии сохранить никак не могла бы. Однако автор называет сочинение «романом», и совершенно справедливо. В том смысле, что ею лепится свод целостного произведения, соотносится гармония частей в единой структуре. Задача автора: «собрать воедино… то, подчеркнуто в памяти, то, что оставило след на всю последующую жизнь, то, что было темой многих дум и многих чувств». Материалом являются строго действительные события и реальные персонажи, однако эпизоды романа подчинены не только структуре текста, но общей идее произведения. Внутри романа заложена драматургическая пружина. Повествование «отталкивается» от горьких личных испытаний, ступень за ступенью расширяя их «кругозор» — испытания семьи — ближнего круга — людей самого разного происхождения, вероисповедания, национальности. И в финале «семейная хроника» — в силу естественного развития — приобретает явственное общественное звучание. И это тот художественный прием, который позволяет себе автор, поскольку он совпадает с ходом событий в конкретной семье на фоне российской катастрофы. Высоко взятая трагическая нота — смерть маленького сына — оказывается первым, личным этапом мытарств. Далее следуют постепенное и потому особенно мучительное разорение фамильного гнезда, лишения и испытания семьи; тяготы друзей, знакомых; наконец, напасти у людей ее круга и сословия. Вступающие один за другим «голоса» создают в конце трагическую многоголосную коду — невзгоды, злоключения и взаимное озлобление людей в России, затянутых стихией общего краха.

Итак, мы можем отнести новый роман к жанру «романов-эпопей». Или вернее к жанру «мини-эпопеи», учитывая семейную доминанту — в целом, камерный характер повествования. Написанный женской рукой, он, бесспорно, сквозь призму женского видения передает страдания России на «переломе эпох». Активная роль свидетельницы событий в романе предрешена самим их ходом:

«В то время, опасаясь за судьбу мужчин, все вопросы женщины старались решать сами» *(Гл. 14).*

Таким образом, автор оказывается одновременно и героиней романа. Завершив чтение, мы понимаем, что при всей скромности отношения к себе, именно ее действенные усилия спасают семью. Один из персонажей романа говорит:

«Смелым Бог владеет» *(гл. 16*).

Это без оговорок может быть отнесено к личности Веры Дмитриевны.

[19] *Священноисповедник* — причисленный к лику святых священнослужитель, открыто исповедующий христианскую веру во время гонений и сам гонимый, но не претерпевший мученической смерти.

В этом отношении роман, на наш взгляд, сравним разве что с крупным и трагическим произведением внучки прославленного композитора Ирины Владимировны Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные» (ныне публикуемого под названием «Лебединая песнь»). Полагаю, и роману княгини Лобановой-Ростовской тоже предстоит долгая жизнь. Следует оговориться: если подыскивать определение этому жанру, с долей условности можно было бы назвать его *документальным романом,* в силу того, что персонажи и события не являются плодом вымысла. Одновременно текст не перестает существовать — то есть восприниматься — и как личные воспоминания частного лица — *мемуары*. Ну что ж, симбиоз различных жанров — явление нередкое в литературе рубежа эпох. Его диктовал сам характер времени, когда перед захватывающими «сюжетами» реальных событий бледнели события, измышленные художественным воображением. То же, но имея ввиду более существенную литературную переработанность жизненных впечатлений, можно сказать и о романе Головкиной «Побежденные»; личные впечатления и мемуарная компонента, безусловно, составляют фундамент и в романе Берберовой «Железная женщина».

Нельзя сказать, что за прошедшие ближайшие десятилетия в России не появлялось бы найденных, впервые опубликованных интереснейших свидетельств «разлома России», принадлежащих перу верующих, духовно настроенных лиц, среди которых и аристократы[20]. Однако следует признать, что и сегодня их «историческая пропорция» остается явно нарушенной по отношению к морю изданных-переизданных мемуаров и исторических романов победившей в октябрьском перевороте стороны.

Проживя жизнь в миру, бывая в свете, будучи матерью семерых детей, Вера Дмитриевна по складу своему, в определенный момент стала

«чувствовать себя скорее монахинею, чем мирскою, каковой я, однако, и была по внешним условиям моей жизни».

Привычка к сосредоточенному анализу своих помыслов, годами выработанный контроль над собой не позволяют ее перу сочинять лишнее, не соответствующее ее представлениям о ходе событий, сущности и поступках людей. По крайней мере, таков ее настрой и стремление следовать документальности датированных записей. Помимо того, она в прошлом хозяйка большого имения, хозяйка-женщина-мать-жена-сестра в самом широком понимании смысла этих неразрывных понятий, хорошо знающая разные стороны устройства жизни, устройства человеческой натуры, не потерявшая зоркости зрения на события и людей. Личная жизнь ее, видимо, складывалась благополучным для нее образом, поскольку муж — князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский по религиозному складу соответствовал своей супруге. По воспоминаниям внука, и в старости, после всех потерь и трагедий, православие оставалось опорой и стержнем его личности[21].

Честность пера, верность увиденному, а также колоссальный объем испытаний, опыт горести и делают заявленный роман как «семейный» и эпохальным.

Это вовсе не означает, что автор стремится к всеобъемлющей объективности. Напротив, явственно показывает, что принадлежит определенной эпохе, социальному кругу, поколению, и исповедует его ценности. Она всецело на стороне Белых, она — с «той» стороны — из «Белого стана».

[20] См. напр.: *Татьяна Мельник-Боткина*. Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., «Царское дело», 2016 / Перевод с франц.; *Баронесса М.Ф. Мейендорф*. Воспоминания, М., Сретенский монастырь, 2017; *Игумения Таисия* (*Солопова*). Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Отчий дом, 2006; *Александра Нарцизова*. Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским // Рядом с Батюшкой. Воспоминания духовных чад о св. прав. Иоанне Кронштадтском. М.: Отчий дом, 2012; *Екатерина Духонина*. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери) // Там же; *Монахиня Серафима* (*Булгакова*). Воспоминания // Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011; *Арцыбушев А.П.* Милосердия двери. М.: Никея, 2014 и др.

[21] См. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха, судьба, коллекция… с. 10.

Разумеется, при всей нелюбви к большевикам, но оставаясь последовательной в установке — запечатлеть событие, фиксированное дневником, она вдумчиво следует рисунку сложных хитросплетений жизни, не стремясь спрямлять углы. В повествовании и «красные», бывало, являют «человеческое лицо», а «белые», например, демонстрируют явную зависть. Законченные внутри себя, как бы «самодостаточные» эпизоды (главы) не представляют собой разрозненные фрагменты бытия, к чему так тяготеет современная проза. (И потому, заметим в скобках, прозаикам сегодняшнего дня так редко получается создать финал романа). Лобановой-Ростовской удается дать сквозную линию развития идеи романа, при этом выстроив сложные, не прямолинейные, косвенные логические связи событий. На этом основании роман княгини Лобановой-Ростовской нами осмысляется принципиально *крупной формой*, во всей ее цельности, а не «видимостью» романа, внутри которого «повести, *скрепленные* общей идеей».

А финал здесь «открытый», то есть формально его нет. Но реально он подготовлен всей четкой структурой романа. Если угодно, мнимое отсутствие «конца» можно рассматривать как удачный художественный прием. С другой стороны, если рассматривать текст как личные воспоминания, «открытый финал» диктуется ходом самой жизни: исход из России — лишь переход на другую ступень испытаний.

Проявления главной идеи в романе

За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
А Блок

Обаяние романа и в том, что автор не претендует на обобщения. Однако большая идея, во всех ее сложностях и противоречиях, разными оттенками сквозит сквозь толщу плотной и подчеркнуто реалистической прозы. (Как это и свойственно русской классике). Ее проявления естественно живут то в одном эпизоде, то в другом, как отзвуки на реальные события. Конечно, автору помогает тут духовный опыт. Она, как и другие «Оптины дети», т.е. духовные чада Оптинских старцев, была одной из тех немногих, кто, благодаря постоянной духовной практике и перенесенным страданиям, предчувствовала и ощущала близость обрыва русской культуры, пришествия «грядущего хама». Мы знаем, как это сказалось в творчестве А.А. Блока, и у Андрея Белого, Дм. Мережковского, Вл. Соловьева.

Существуют немногочисленные фрагменты, где автор решается высказаться прямо от себя:

«Хамом запахло давно, а теперь должны были воцариться и его сатанинские слуги…» (*гл. 11*).

Или:

«Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпиливало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть… Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года… готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге, было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году. Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнейшее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти» *(Гл. 8).*

Но чаще персонажи романа с разных сторон видят и передают (со всеми особенностями их речи) отсветы этой большой идеи, ее тонкости, заложенные в ней парадоксы и разноголосицу. Так, Маша, женщина из народа, близкая Вере Дмитриевне духовно, бывшая «горничная Марихен», а в описываемое время монахиня Дугиненской обители, возникшей под духовным руководством Оптиной и возглавляемой ее чадом, игуменьей Софией (Гриневой), говорит ей:

«Судьба России, ваше сиятельство, как хранительницы православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: недаром она называется в народе: «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран» (*гл. 3*).

А в другом месте читаем:

«Кого люблю, того и бью»; любимое дитя больше наказуется» (*гл. 3*).

Или вот такой выразительный эпизод, с проницательностью которого может поспорить разве что провиденциальный «Серебряный голубь» Андрея Белого. Здесь проявляется та мифологическая, сказочно-былинная реакция народа на события 1905 г., которую всеми силами в течение семидесяти лет пытались «затушевать» советские идеологи, придумав и «наложив» на события свою сконструированную «мифологию», таким образом, ложно выстраивая и дальнейший «путь развития». Тут явлена и народная детская вера в царя — краеугольный камень российской действительности — столь четко исторически объясненная и описанная очевидцем событий, родным дядей Н.Д. Лобанова-Ростовского[22], и желание света и справедливости, и полное отсутствие зрелости для социальных перемен, которые железным наганом вводили большевики.

«Как-то вечером нам было особенно жутко,.. пришли к нам выборные — человек пять от крестьян. Мы, как ни в чём не бывало, приняли их честь честью. Усадили в буфетной и стали угощать, а старший и говорит нам: «Спасибо за хлеб, за соль, а только общество прислало нас, чтобы посоветоваться: приходили к нам люди из Москвы, говорят — приказал царь-батюшка христианам, чтобы порешили они всех господ и всё их добро меж собой поделили; и будет он тогда христианским царём и настанет счастье в России. А как от князя с княгиней мы окромя добра ничего не видели, то пусть они сами себе смертушку выберут: водой ли, огнём ли, просто ли их удавить, чтобы скорей было — это как им будет угодно. — Я слушаю, ушам своим не верю. Говорит он всё это без сердца и без зверства, и *не в азарте*. — А что князь был ли к вам добр?

— А как не добр: и травою, и лесом помогал.

— Так как же, — говорю, — порешить их, ведь это грех!

— Грех то грех, матушка, а только они поцарствовали, а теперь и наша пора вышла. Вспомнил о нас царь-батюшка и послал своих людей по всему народу рассейскому. — Да так ли? Ведь вот же, кажется, от царя в Москве адмирал Дубасов с бунтарями бьётся. Не подождать ли, что будет? Не вышло бы ошибки! Вот если народ побьёт адмирала Дубасова в Москве, тогда приходите к нам, будем о деле говорить. А пока передайте мой совет в деревню, чтобы сидели смирно, а то как бы хуже не вышло.

— И то правда твоя, матушка, сер народ, что и говорить! И вправду так лучше, и на сердце легче. Пойдём, братцы, что ль!

– Проводили мы их, помолились Богу, что пронёс Господь беду, да и думаем – как и впрямь сер народ Российский, что с ним водка да беспутство сделали!.. Да, была Святая Россия, а теперь во грехе лежит. Старцы одно твердят: «Быть беде, если не

[22] «Для русского, дворянин он или нет, царь — это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились… Русский — это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и царя — это какая-то мистика». Вырубов Н.В. «Русский барин — герой Франции» М. 2017.

покаяться». Думается мне, что после пожарища каждый хозяин рад, если ему на новую печь кирпичину принести. Вот, если бы студенты вместо того, чтобы царя да своих родителей огорчать, каждый по кирпичику бы принёс, чтобы подпорку для отечества строить, то было бы лучше, чем народ подбивать господ резать, да с царским адмиралом драться. Вот и разумею я, что слов Царицы Небесной теперь нам не понять, а когда дети ваши вырастут, то увидим мы, что ещё будет с нашей Россией.

Одно скажу, когда с нами в буфетной сидели мужики, то я чувствовала, как будто *Россия колышется*, и как ей от этого легко упасть и разбиться». (*гл.3; курсив мой*).

Вопреки трезвому пониманию обрыва, разверзшегося перед автором (и героиней), необходимость бегства как физического спасения семьи, она не верила в окончательное расставание с родиной: **«Убегая из России, мы… могли бодро смотреть вперёд и, полные надежды и веры в судьбы своего отечества, знали, что покидаем свою Родину лишь на время»** (*Гл. 17*).

Понимание старчества на Руси

Подобного рода «многоголосные» идеи, содержащие этико-религиозную и этно-культурную компоненту, с трудом удавалось уложить в «ложе» строгих философско-богословских рассуждений, как мы видим, например, из произведений Г.П. Федотова или Н.М. Бердяева, по крайней мере, они начинали явно тяготеть к более вольному жанру. Автор и не позволила бы себе предлагать читателю обобщающие умозаключения, и не ставила такой задачи, ее путь — передать личные впечатления, порой добавив непосредственные умственные реакции на них. Однако форма романа — «на конкретных примерах» — оказывается чутким проводником разных сторон общей идеи.

Таким примером оказывается анализ существа и действий Распутина, представленный Верой Дмитриевной читателю как бы изнутри понимаемого русского старчества.

«Но раньше я скажу тебе несколько слов о Григории: это умный и в высшей степени одарённый человек, но находящийся во власти тёмных сил, – потому его дары не помогают ему, а, наоборот, придают только яркость его моральному падению. Прибавь к этому полное отсутствие в нём культуры и элементарного образования, которые бы сдерживали хоть несколько разнузданный, бесшабашный разгул этого зазнавшегося хама… Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума.

Но вот и у него наступил момент просветления. Григорий стал послушником одного из монастырей. *Тогда-то многие из наших чтимых иерархов, встречаясь с ним, были поражены его дарами*. Оставив монастырь также легко, как и всякое другое из своих увлечений и попав в среду, ему непривычную, он при первом успехе потерял голову. Тут-то дьявол окончательно и овладел им. Хам вышел наружу, и Григорий с тех пор не щадил ни двора, ни себя. А силы Григория большие и удивительные, лицо его замечательно и ужасно: на тебя глядят точно режущие, совершенно светлые небольшие глаза, сидящие в громадной орбите абсолютно чёрного цвета. Смотреть на него нельзя без внутреннего содрогания – из таких людей выходят деревенские колдуны» (*гл. 7*).

Невозможно понять России и трагедии, в ней случившейся, без одной важной этно-культурной особенности — так называемого «двоеверия». В конце XX в. на нее стремились обратить внимание общества видные ученые, в частности, Б.А. Успенский и Н.И. Толстой. Суть этого явления в том, что начиная с времен Древней Руси, под спудом реально воспринятого христианства жили, цвели и зеленели языческие представления и традиции. В результате практикуемого языческого «волхования»:

«…в целом духовная жизнь русского общества оказалась расколотой — с двумя параллельно существовавшими уровнями культурного развития»… Христианство, в отличие от множества других религий, основанных на мифологии, — религия историческая… Христианство и его церковный календарь ежегодно побуждает паству

переживать земную жизнь Христа и уже тем самым задумываться над своим жизненным путем. Язычество же побуждало человека переживать вместе с природой цикличность ее годового развития, ее пробуждение, цветение, увядание и зимний сон, равносильный временной смерти. Вероятно, это сближало две религии, два восприятия мира, как сближало и то, что обе религии были экологическими: язычество было направлено на экологию природы, а христианство — на экологию человеческого духа. Не потому ля и древняя Русь, восприняв христианство, не делала уже попыток его отвергнуть, и процесс полного закрепления новой веры шел довольно быстро?»[23]

Носители двоеверия, как сейчас, так и ранее, как правило, отчет в этой двойственности себе не отдавали и не отдают. Но оно сказывается в той «практике» лечения, заговоров, обрядов, которые с христианской точки зрения представляются не только чуждыми, но и прямо наносящими вред бессмертной душе. В сущности, эта «практика» является «отпадением» от нравственной доктрины, падением вниз, в темные и безблагодатные для современного христианского человека времена, когда он познал только духов природы и им всецело отдавался. Особенно это касалось сельских жителей, чей уклад не менялся веками. Впрочем, акад. Б.А. Рыбаков в конце XX века специально занимался этими «бессознательными реликтами язычества» в городской среде, находя даже проявления его у студенчества. Всякий, кто соприкоснулся с этнолингвистическими экспедициями в Полесье в 70-х-80-х гг. прошлого столетия, возглавляемыми акад. Н.И. Толстым, не может забыть яркие свидетельства «мифологического мышления», подробно записанные филологами и послужившими основой для создания многотомного «Словаря славянских древностей». О чем идет речь? Об окказиональных обрядах, совершаемых деревенскими колдунами для исцеления болезней людей, скота, для улучшения урожая, для изменения погоды. Народ их называл разными именами. Но суть этого неразгаданного доселе явления была в том, что близкие к природным стихиям некоторые люди получали силу, к сожалению, темного и неведомого происхождения. То есть она могла реально излечить, но душу покалечить. Это явление до сих пор никак еще научно не разгадано. Но многие подпадали под его воздействие. Оно дожило и до наших времен. Влияние этой силы, увы, на «переломе эпох» спутали с благодатью старчества.

Княгиня Вера Дмитриевна, называя «распутинщину» «сатанинской карикатурой старчества», именно с этой строго христианской точки зрения оценивает Григория Распутина и его роковую роль в истории последних Романовых на престоле.

Помнится, в записанных нами многочисленных полесских быличках (фантастических историях, как будто привязанных к конкретному бытию, времени и месту), влияние этой силы, поначалу дающее здоровье, прибыль, успех, неизменно заканчивалось превращением всего добытого путем «чудесной силы» в пепел, пустоту и крах. Потому, думается, и предсказывал Григорий Распутин скорое распадение всей семьи Романовых, после его гибели — перестанет действовать эта ложная, «прельстительная» сила — и обратятся ее «достижения» в ничто.

Многое в реальной гибели Распутина сопровождалось устойчивыми «фольклорными элементами». Так, по преданию, колдун долго мучается перед смертью, да и не может умереть, не передав своей темной силы кому-либо из живущих. Зоркий взгляд писательницы выхватывает из потока бытия подобный эпизод, сопоставляя его с гибелью Распутина.

«Да опять-таки: у нас в деревне, невдалеке от Рукавишникова жил колдун, который в церковь никогда не ходил и никогда не приобщался[24]. Он мог наводить мор на скот, отводить людей от их долга, внушать недолжную привязанность и всячески за мзду продавал свою совесть. К нему шли гонимые страстью или потерявшие равновесие несчастные люди. В прошлом году он умер.

[23] Толстой Н.И. «Язычество и христианство древней Руси».

[24] Т.е. приобщаться святых Христовых тайн – причащаться в церкви после исповеди для очищения души и прощения грехов.

Наш батюшка мне рассказывал, что это была лютая смерть: в течение четырёх суток душа его никак не могла отделиться от грешного тела[25]. Он кричал, молил его убить, судороги сводили его лицо, руки и всё тело. Он всё повторял, или, скорее, рычал, что сатана со своими слугами начал его истязать уже при жизни. Руки и ноги колдуна были так сведены в момент смерти, что их пришлось сломать, чтобы положить его в гроб, а смрад от него шёл такой, что, несмотря на зиму и немедленные похороны, никто, кроме духовенства, не мог остаться в храме, хотя и много любопытных набралось к этому отпеванию. Одним словом, батюшка был не в состоянии передать без чувства содрогания всех подробностей этой ужасной смерти» (*гл. 7*).

Выводы, которые делает Лобанова-Ростовская в связи с «распутинщиной» и другими подмечаемыми ею «подрывными» процессами в обществе, предугадывают дальнейший распад традиционной России.

«Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы не в состоянии были облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог пред любимою женою поступиться Распутиным, этою сатанинскою карикатурою старчества, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашёптывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили двор и Распутина.

Государь был на редкость обаятельным человеком, до войны Россия достигла при нём небывалого развития во всех отраслях; она шла к полному своему расцвету шагами гиганта, и надо же случиться такой нелепой истории, как распутиновщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь патриарх – не было бы и революции» *(Гл. 8).*

В обобщенном виде эти соображения передает один из персонажей повествования:

«Ещё преподобный Серафим начал об этом говорить, и целая плеяда старцев это повторяет, углубляет и подробно предвещает, а они всё продолжают толкать родину на погибель. Что жизнь частного лица, что государства – всё едино: ошибки, промахи, прегрешения вызывают увещевания, если его не послушают – следует начальное наказание, а это не подействует, – Господь попускает сатану отчасти показать свою силу. Отец лжи приступает к своей известной всем работе: соблазнять и ввергать в позор. Море крови, стоны и стыд, ломка и крушение сопровождают его шествие. В частной жизни это кончается обыкновенно смирением и обращением, а в государственном масштабе процесс длительнее и потому болезненнее» *(Гл. 5)*.

Постепенно, углубляясь в события романа, мы понимаем: старцы, которых посещали Вл. Соловьев и Достоевский, Толстой и Ахматова, оказываются для автора важнейшей ценностью русской жизни, главным итогом многовековой духовной православной практики. Однако сильнейшее духовное почтение к ним не мешало ей разглядеть в текущей жизни «подделки», применяя весь свой обширный духовный опыт, и не ко всякому славимому большинством имени стремиться.

«Настоящих старцев, вдохновенных и прозорливых, очень немного, да и найти их не так-то легко и просто: и неведение, и дальность расстояния и всякие препоны, и Бог только знает, какие помехи восстают между ними и ищущими их людьми. А потому, кто имел счастье обрести в лице старца своего духовного руководителя, тот твёрдо должен помнить выработанное опытом веков правило: лучше не обращаться к старцу, чем, обратившись, не выполнить его заветов и указаний» (*Гл. 20*).

[25] По многочисленным «Полесским записям», сделанным участниками этнолингвистического семинара МГУ, руководимого акад. Н.И. Толстым, колдун не может «уйти», не передав своего черного умения кому-либо из живущих, и страшно мучается перед смертью.

Напротив, «Болящий Иоанн» вызывает неприятие у людей ее круга, это ее нисколько не останавливает.

«– Нет уж, княгинюшка, увольте. Боюсь я к нему ехать: это чародей какой-то, точно колдун! Боюсь, он мне ещё прорицать будет, Бог с ним. Уж вы меня извините, может быть, кого другого найдёте, а я не могу… Убеждать, объяснять значение старчества я не стала, а с горьким чувством поскорее ушла» *(Гл.8).*

Особенности прозы

Не обо всем можно рассказывать коротко. Именно дневниковый характер, тщательность выписанных эпизодов создает ту «подробность бытия», которая помогает читателю стать как причастным описанным событиям, представить себе зримо, как обыденная русская жизнь, испокон веку полная «злобы дня», забот и хлопот, постепенно, не сразу, начала «разъедаться» деятельностью новой власти. Тем более, без медленного развития сюжета нам не удалось бы войти в сам ход рассуждений религиозных людей, созерцать уникальный опыт духовной практики.

Роман в манере изложения остается преданным традициям русской прозы XIX века, конечно же, хорошо известной его автору. Без всякой иронии, понимая как положительную особенность прозы Веры Дмитриевны, соответствующую задачам повествования, мы можем применить к ней пушкинские строки: «Роман классической, старинный, Отменно длинный, длинный, длинный, / Нравоучительный и чинный, Без романтических затей». Все эпитеты на удивление окажутся верными.

Более того, медлительная подробность, постепенность погружения в атмосферу описываемого, разбег не только для обдумывания, но и для прочувствования события как бы внутри него, пространное «текстовое время» оказывается непременной компонентой хорошей прозы, ее жанровой необходимостью, по мнению И.А. Бунина. Что и было выражено писателем в присущей ему резкой лапидарной форме: «проза должна быть скучновата»[26].

Но это не только стиль прозы. Это чутье историка. Берусь предположить, что 150 страниц романа: поезд — вагонные хлопоты и лишения — ЧК — досмотр — поезд — сохраняют свою детализированную подробность почти в режиме «расписанного покадрового плана» документального кино в связи с тем, что княгиня предполагает: каждая песчинка этой «обыденной» реальности станет драгоценными сведениями для историка. Так и произошло (*Гл.17-19*).

Течение жизни, которое специально не придумаешь: среди всеобщего горя — веселый благотворительный вечер с целью «утереть слезу» потерявшим все имущество, грубости «товарищей» и страх перед жестокой народной стихией; модные пальто и поездка в Оптину. Естественность, ныне потерянная, отсутствие позы и смиренное описание того, *как* это было – в понимании автора. Подробность бытия сказывается во внимании к людям, с которыми сводила судьба. Благодаря сохраненным дневниками обстоятельности деталей случайная попутчица, обладающая московским характерным говором, или кучер Григорий, спасший лошадей ценой своего здоровья, становятся запоминающимися фигурами разветвленного повествования.

Характерная особенность текста княгини Лобановой-Ростовской — внимание к фонетическому и семантическому облику слова, даже к синтаксису народной речи – на фоне авторской речи, четко нормализованной и правильной. Так ее ухо улавливает и передает особые значения выражения «*скоромник* ты и *художник*» в речи горничной, осуждающей

[26] «...Он смотрит на меня насмешливо. – Пушкин говорил: поэзия, прости Господи, должна быть глуповата. А я говорю – проза, прости Господи, должна быть скучновата. Настоящая, великая проза. Сколько в «Анне Карениной» скучных страниц, а в «Войне и мире»! Но они необходимы, они прекрасны. Вот у вашего Достоевского скучных страниц нет. Нет их и в бульварных, и в детективных романах» См. Одоевцева И.В. Воспоминания о Бунине.

пустого человека, буфетчика Семена. Слово «скоромник» употреблено в переносном значении: нескромный, неприличный человек. Слово *художник* здесь тоже употреблено в неодобрительном смысле, т.е. позволяющий себе *художества* (*простореч.*) — озорные или дурные выходки. Разговорные формы «становилось все *слаже и слаже»* (слаще); «управляюсь, *ужотка* и поплачу»; «да народ *бает*, Ваше Сиятельство, что *ажно* мозги выскочили, так он обухом долбанул… *Кандальщика* уже *пымали*»; «наши ребята с лесом ездили, так *утрось* будут *порожнём*», *базаровать* (продавать на базаре). Синтаксис «у меня и в школе урок Закона Божьего *за самый любимый шёл*». Мы привели малую толику примеров, показывающих лингвистическую чуткость автора. Однажды мы встречаемся и с прямым выражением любви к русской речи в разных ее вариантах:

«Эта очень приветливая, симпатичная женщина средних лет говорила с тем чудным акцентом, с каким говорит народ только в Москве. Для меня это бесподобная музыка, и я сразу же утешилась как звуком её голоса» (*гл. 4).*

Чуткое ухо улавливает различия в южнорусском и северном говорах прислуги: **«– Что же я за ним целый день вождяться[27] буду? – грубо и угрюмо буркнула она, злобно глядя на вошедшую Степаниду, жену дворника... Я уже хотела уходить, как меня остановила возвращавшаяся к себе Степанида, полная нервного возбуждения. Её северный говор так отличался от новороссийского: – Ваше сиятельство, да разве вы не видите, что здесь творится… гребут, что могут – незаметно, как стащут, а всё клепят-то то на немцев, то на большевиков»** *(Гл. 20).*

Да и явственна любовь к языку в целом: **«барон и бабушка долго сидели и разговаривали на своём дивном французском языке округлёнными фразами, которые лились одна за другой и походили на журчание тихого ручейка… Это чистейший стиль Boileau! [классический французский —** *прим. автора романа***]»** (*Гл. 17*).

«Установка» строго передавать факты, не лишает все-таки роман влияния поздней ретроспекции. Да и кто бы мог избежать чуть измененного взгляда на то далекое и недостижимое более сокровище — «потерянную Россию»?!

Так, могло бы показаться преувеличением или некоторым «перебором» неприятие заграницы русскими людьми «простого звания», и непонятно умиление автора по этому поводу. Однако если мы обратимся, например, к образу нянюшки у Ивана Шмелева, оказавшейся в Париже, мы вряд ли найдем какие-то различия в восприятии «чужестранства» и в отношении писателя к этому восприятию. Надо признать, что княгиня описывает реальное явление таким, каково оно было в определенной части народа.

«– Аннушка, милая, что же ты на красоту такую не смотришь? – Да разве, ваше сиятельство, у нас в России своей красоты нет? Я на Кавказе, в Ставрополе родилась и выросла, с родителями ещё к Чёрному морю ездила – там до Батума такая красота, что глаз не отведёшь. Вот то, действительно – красота! А это что?.. Не больше, как на открытку взглянуть… хороша страна: со вчерашнего дня чая не пили, кипятку нигде не достать… » *(Гл. 6).*

Определенная религиозная дисциплина присуща умонастроениям автора, однако это вовсе не означает, что ее суждения — плод, не испытанный собственными впечатлениями и размышлениями. Круг ее обязательного чтения — духовные писатели, русские и зарубежные. Среди них Лодыженский, Глубоковский, протоиерей Гр. Дьяченко, Фр. Фаррар. Последнего ей рекомендовал священник, она, читая, тонко чувствует некоторую фальшь, о чем и говорит.

«Я взялась за чтение Фаррара и стала шаг за шагом изучать земную жизнь нашего Господа. Чудная книга! Но чего-то мне недоставало в ней: она не была согрета одной со мною любовью к сокровищу всех скорбящих, к Пресвятой Деве Марии… Она по своему содержанию совершенно не отвечала состоянию моей души. Но несмотря, так сказать, на подневольное состояние моего духа, я чувствовала степень таланта автора.

[27] *Вождяться* (*южнорусск.*)т.е. вожжаться или возиться

Прочтя этот труд, где трактовалось о создании мира, о наших прародителях и трагическом грехопадении их, я сразу ощутила силу автора, красоту его интуитивных выводов, оригинальность образа мысли и глубину самобытных суждений» (*Гл. 2*).

Или:

«После всего только что пережитого, мне не хотелось садиться, но к девяти часам усталость всё же дала себя знать, и я начала пользоваться в дозволенное церковным уставом время сидением, как и братия, памятуя, что лучше сидя думать о Боге, чем стоя о ногах» ***(Гл. 5).***

Нельзя сказать, чтобы автору не был присущ юмор, княгиня вдыхает всю полноту жизни, любуется красотой во всей ее земной, зримой и осязаемой полноте.

«Хотя еда была самая незатейливая – превкусно приготовленные щи и каша, рыбный студень и молочный кисель, но из бора тянуло смолистым ароматом, воздух был немного прохладный, волшебно-живительный, а солнце блистало ярче летнего, и повсюду носилась паутина» (*Гл. 5*). Щи да каша – пища наша – хлеб насущный, а не просто мирское! Воздухом и солнцем и монахи дышут!

Или:

«Несмотря на то, что тетушка доживала седьмой десяток, она была так хороша собой, что все дети, не понимая этого и не сознавая, тем не менее, были под обаянием её величественной красоты. И по характеру, и по манерам, и по голосу, и по размаху, и, конечно, по внешности, она так не подходила не только к Швейцарии, но и к жизни начала нашего столетия, что всё кругом бледнело пред нею, как бледнела бы буржуазная гостиная, если бы в неё внесли кресло из Версаля. Она любила окружать себя молодёжью, и поездка старших детей к ней была для них сплошным праздником» *(Гл. 6).*

Или описание спектакля в Швейцарии:

«Ракеты пускались по сотне штук сразу, причём они минут пять держались в воздухе. Казалось, что в необозримой выси лопались точно шары различных цветов, а из них вылетали роем, например, зелёные жуки и, полетав, лопались и превращались в голубые ленты, последние, в свою очередь, преобразовывались в золотые звёзды, которые скоро менялись в серебряный дождь, уже лившийся в озеро. Все это, изменяясь в цвете и в изображениях, неоднократно повторялось с неизменным рёвом будто падавших снарядов» *(гл. 6*).

Интуиция, которая приобретена была всем опытом чуткой духовной жизни и самоконтроля, подсказывает автору порой совершенно художественное видение надвигающейся трагедии:

«Фейерверк начался. Как всегда, изумительный... лился какой-то волшебный фонтан, светился какой-то огненный корабль, какой-то гигантский букет бросал все тени радуги от своих цветов. Вдруг, точно дугообразная молния сверкнула над эстрадою и прямо упала к месту под деревом. Через мгновение послышались зловещие слова: «tuée, tuée sur place»[28]… Мы подошли к месту происшествия – на полу лежала молоденькая девушка и тут же, в луже крови, её отрезанная голова. Публика в ужасе ринулась по аллеям к выходу… Над головой моего Никиты пролетел раскаленный добела диск, но не тогда суждено было Господом разлучить его с нами» *(Гл. 6*).

«Начало длительной казни нашего Отечества»

В тексте Веры Дмитриевны, в плотном следовании один за другим потоков конкретных событий, то тут, то там разбросаны свидетельства надвигающегося «**одичания**», **«чувство омерзения и отвращения к большевикам».**

[28] Убили, убили на месте [*прим*. автора]

Она верно предчувствует длительность предстоящего «плена»:

«Вскоре пришло потрясающее известие об убиении Государя. Многие сошлись на тайную, полу безымянную панихиду. Это убийство было не только убийством Царя и его семьи, оно было началом длительной казни нашего Отечества – все это почувствовали, если ещё и не вполне осознали» *(Гл. 12)*.

И тут княгиня деятельно проявляет все возможные женские, житейские качества, мудрость матери, а также изворотливость, ловкость, хитрость — для спасения близких. Ее Христос — здесь, с людьми, в лишениях и грязи бытия. В ее натуре нет разрыва между высоким строем души и «хлопотами Марфы» и «ложью во спасение». Наверное, и сотой доли не открывает она читателю

«всех секретов, которых при большевиках было так много» (*Гл.11*).

«…мы потеряли целую неделю на *хитрости и уловки*, на перенос вещей вечерами к близко живущим знакомым, а затем на вывоз их оттуда в телеге» (*Гл. 14*); **«Господи, вразуми, о чём мне с ними говорить, чтобы они не очнулись, пока их сердце не расположится ко мне»** *(Гл. 16)*.

Великая женщина, мать и жена, действует сообразно обстоятельствам, беря ответственность за семью в пылающей России, и не могла бы иначе:

«А только ты не учитываешь того, как я сама себе бываю противна: ведь когда я говорю с большевиками, мне приходится перевирать правду с неправдой, и этой ниткой вышивать нужный узор» (*Гл. 24*). И некоторым упреком звучат в ее адрес слова одного из действующих лиц: другие же, мол, жены не пошли на поклон к «злодею», пытаясь вызволить своих близких из тюрьмы? Она их честно фиксирует, оставаясь при своем мнении. Досадует она порой и на слишком прямолинейно понимаемую порядочность мужа, уговаривая его притвориться больным ради спасения из тюрьмы. Князь отказывается, не желая чем-то выделяться среди других обреченных. Но в задуманной ею и осуществляемой на пределе напряжения сложной комбинации по вызволению Ивана Николаевича Провидение оказывается на стороне женщины.

А вот сцена, которую автором передана так, что мы ощущаем и ужас ее и чуть мелькнувший авторский юмор. Спасая в сотый раз положение в опасной ситуации, она спешно сочиняет «житейски подходящую» историю:

«– А где ваш муж, хозяйка? – коварно спросил меня на прощание матрос… – Да что делать… была молода – так жалел меня муж, а начала стареть, так и бросил меня. Теперь вот и бьюсь одна-одинёшенька».

Здесь она чутко употребляет глагол «жалеть» в значении «любить», ибо народная речь знала только это слово в обозначении личного чувства к противоположному полу. Удивительна подсознательно положительная реакция простого человека на мощь и силы ее натуры:

«– И такую-то бабу бросить! – ударив себя по коленке, возмущённо воскликнул сидевший на кровати красноармеец» (*Гл. 24*).

Обо всем Вера Дмитриевна судит с трезвым взглядом работящей опытной хозяйки:

«Развратителем же деревни и её горем стало другое явление: развитие «комбедов» – комитетов бедноты, куда попадали отбросы крестьянства, потому что смело можно сказать, что бедность в нашей чернозёмной, плодородной полосе происходила большей частью не от несчастно сложившихся обстоятельств, а от морального падения, от пьянства, озорства, всякого буйства и озверения. Лишь незначительная часть бедноты состояла из обездоленных – калек, безземельных, бывших дворовых, сирот или же бобылей… В общем же своём положении село Захарино отличалось от многих других сёл как своим видом, так и зажиточностью своего крестьянства. Ввиду этого у нас бедность крестьянина была часто синонимом порочности, лично его или всего рода» *(гл. 14*).

Она способна честно заглядывать себе в душу в тех случаях, в которых редкий человек решается на нее:

«До смерти моего сына Господь столько уже показал мне богатств милости Своей, что пора было бы мне осмелиться сказать, что я скорее не верю в бытие Божье, а знаю о нём, однако вражеские нападения настолько иссушили душу, что я уже потеряла силу молитвенного общения с небом, а потому начала сомневаться и в загробной жизни» (*Гл. 2*).

Уже упоминалось, что до событий переворота весь главный круг интересов связан с последователями преподобного Амвросия Оптинского. Пройдя весь круг мытарств, закончившийся исходом из России, кн. Лобанова-Ростовская вновь возвращается к теме старчества.

«Мы были поставлены в безвыходные условия жизни. Волей или неволей надо было искать выход и думать, и придумывать, как его найти. И я пришла к заключению, что никто не мог его нам указать ни земными путями, ни логикою, ни рассуждениями, – потому что даже каждое правильное действие наше в один миг могло разбиться о вихрь бесправия и преступления. Одно высшее вмешательство «не от мира сего» было нам необходимо в нашем положении, и только старец, следовательно, мог дать нам нужные указания и благословить на безошибочные, в смысле их результатов, шаги. А голос совести, единственный нелицеприятный судья и помощник в безошибочном разрешении вопросов жизни нравственного характера, в данном случае, ничего ровно не мог подсказать» *(Гл. 15).*

Особо следует отметить близость семьи к Дому Романовых. Мы уже упоминали о том, что сестры князя Ивана Николаевича были фрейлинами Великой княгини Елизаветы Федоровны. Сын Дмитрий Иванович, который будет расстрелян в Болгарии — отец публикатора Н.Д. Лобанова-Ростовского —

«…получил в благословение от Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой — специально ею заказанный образок Козельской Божьей Матери. И опять она была так серьёзна и многозначительна, когда, благословив им новорожденного, передала мне образ и просила, чтобы Кирилл [т.е. Дмитрий] не расставался с ним во всю свою жизнь, и чтобы я записала всё, сказанное ею».

К сожалению, не удается восстановить ныне подлинную фамилию «княгини Сухоруковой» (мы знаем из комментариев автора, что подлинные титулы, должности и звания в тексте сохранены, изменены только имена)…

***

В любой, самой беглой рецензии, когда вводится в литературный обиход новый текст, хочется, чтобы читатель имел возможность почувствовать авторскую манеру изложения. Мы позволили себе в этом случае обильно цитировать автора «О российской трагедии XX века». Голос автора звучит и в заключение:

«Годы проходили, молодость души уходила безвозвратно. Я уже не только перелистывала страницы книги о жизни и смерти, но уже читала её внушительные строки и поняла опытом, что смерть на земле, это трагическое завершение нашей земной жизни, могла произойти только от неповиновения Творцу, неповиновения, ведущего к потере нашего спокойствия и радости. Я познала также опытом, что все гонятся за счастьем, а оно у нас в руках — только никто не видит его и не хочет видеть, а, наоборот, с каждым днём удаляются от него всё дальше и дальше» (*гл. 3*).

Княгиня В. Д. ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ

О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА.
ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (1903-1935).

Из пережитого Воспоминания Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской, урожденной Калиновской, написанные под псевдонимом Наталья Артамоновна Захарина (София, 1926)

О природе чудесного

В конце января злополучного 1917 года в двухсветном зале античного особняка в Петербурге[29] собралось около ста человек на публичные чтения.

Большинство лиц было представителями высшего петербургского общества, однако присутствовали и несколько священников, а в первом ряду сидел покойный уже ныне митрополит Владимир[30]. Гвоздём этого вечера было чтение М.В. Лодыженским[31] отрывка из его книги: «Невидимые волны». Автор читал превосходно: мягкий голос его невольно приковывал внимание слушателей, а умело выбранное им место — о чудесном исцелении героя у мощей Святителя Митрофания[32] — послужило темой дальнейших философских обсуждений. Книгу Лодыженского я читала раньше и очень сильно её переживала, а потому всё моё внимание сосредоточилось на священнике, подошедшем после автора «Невидимых волн» к столу.

— Позвольте и мне, — начал он, — поделиться с Вами впечатлением о хорошо известном мне, во всех подробностях, случае исцеления тяжело больного у мощей Святителя Митрофания. Лет семьдесят-восемьдесят тому назад, в глухом селении в ста пятидесяти верстах от Воронежа, жило семейство одного церковного служителя. Средств было, конечно, мало; семья большая, и мать с утра до вечера, и с вечера до утра возилась по хозяйству и с детьми. Среди них был мальчик Коля, лет пятнадцати, хорошо учившийся и радовавший родителей своим живым умом и добрым сердцем. Но, мало-помалу, какая-то болезнь стала подкрадываться к нему. Сначала заболел у него бок, потом спина, затем ногу стало сводить. Мальчик начал хромать, полёживать дома. Обучение было оставлено. Среди хлопот по хозяйству и возни с новыми детьми, появляющимися на свет, у семьи не было ни времени, ни сил лечить заболевшего. От времени до времени открывались у него раны, которые сильно его мучили. Средства лечения были местные и домашние, жизнь не останавливалась, и больной из мальчика превратился в мужчину-калеку.

[29] «Дом Половцева» на Большой Морской, 52?

[30] *Священномученик Владимир* (Богоявленский; † 1918), митрополит Киевский и Галицкий (с 23.11.1915). В 1912-1915 митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и первенствующий член Св. Синода. Высказывался против влияния Распутина при Дворе и был переведен на Киевскую кафедру. Убит революционными солдатами около Киево-Печерской Лавры, где и был погребен.

[31] *Митрофан Васильевич Ладыженский* (1852-1917) религиозный мистический писатель, искавший пути единства православия, индуизма, теософии. Л.Н. Толстой глубоко интересовался идеями писателя. Это беллетристическое сочинение повествует о преодолении темных сторон, заложенных в природе человека, и о дороге к свету.

[32] *Святитель Митрофан* (в схиме *Макарий), епископ Воронежский* († 1703), имел от Господа дар исцеления и чудотворения. .В конце 1831 состоялось обретение честных нетленных мощей святителя, от которых стали происходить многочисленные чудеса. 7.08.1832 епископ Митрофан был причислен к лику святых.

Болезнь все продолжалась: она перебросилась и связала руку, и на руке появились язвы. Если кто-либо спрашивал: «Да как же больного не сведёте Вы к Святителю Митрофанию?»

— то бедная, изнемогающая мать отвечала: «Да вот всё не удосуживаемся». Тем не менее, в семье жила глубокая непоколебимая вера, что лишь было бы время свезти, а уж исцеление-то у мощей будет верное. Всё дело во времени. А его-то для таких дел, как известно, никогда не бывает. Вот Господь и заставил найти время: болезнь ухудшилась и, наконец, стали у больного выпадать из ног и рук части разрушающихся суставов. Боль скорченных членов не давала ни минуты покоя, и несчастный страдалец в страшных мучениях не мог больше сдерживать стоны. В эту пору ему уже исполнилось тридцать восемь лет.

Наконец сердце родителей не выдержало этих картин и они, после стольких лет, снарядили телегу и состарившаяся уже мать повезла больного сына к Св. Митрофанию. Мучения, вынесенные больным в дороге, не поддаются описанию. Еле живого его сняли с телеги и отнесли в храм. Был отслужен молебен Святому, а затем больного приложили к мощам Святителя, и священнослужитель помазал елеем страдальца. Сам больной, человек глубоко верующий, кроткий и тихий, знал и верил, что боли должны прекратиться, как только он приложится к мощам. А потому, как только они действительно прекратились, он этому не удивился, но в радости и блаженстве воспринял милость Божью. В таком настроении его понесли отдохнуть и переночевать в монастырскую гостиницу, куда за ним последовала, конечно, и мать.

Наутро их ожидала новая радость: ран как не бывало — всё затянулось кожей. Хотя места выпадения суставных костей и происшедшие от этого изменения были заметны, но кровь исчезла, и перевязки сделались уже излишни. Больной стал шевелить руками и ногами, однако чувствовалась ещё связанность в имеющихся у него искривлениях. Понемногу и совершенно безболезненно сполз он сам с постели и, о диво! Стал, хотя и шатаясь, на искалеченные ноги. Ликование его не имело пределов. Благодать Божья явно коснулась его, и благодарное сердце просто разрывалось на части от восторга и веры. В таком настроении мать и сын вернулись домой. Укрепление последовало за исцелением, и прежний больной стал расцветать к новой жизни. Правда, всё его тело было искривлено и покрыто шрамами; правда, он ходил, хромая, но новая жизнь и новые силы влились в него.

Как случается обыкновенно, одно счастье последовало за другим: к этому времени престарелый отец исцелённого был посвящён в диаконы и переведён в город. Явилась

возможность для Николая продолжить прерванное учение. Помощь Божия, природный ум и твёрдая воля сделали своё великое дело: сорока двух лет ему нашлась подходящая жена и он рукоположен был во священники. Жена скрасила его жизнь, дала ему пятерых детей. А теперь, когда отцу Николаю уже девяносто пять лет и он ослеп, она с великим терпением и любовью продолжает служить ему. Отец Николай, которого я видел этим летом — весел, бодр и говорил мне: «Какова милость Божия ко мне грешному; Господь даёт мне теперь возможность внутренним взором ещё ярче видеть Его неизречённую благость ко мне, недостойному. И ангела земного, — говорил он, разумея свою жену, — послал Он покоить мою старость. Я думаю, счастливее меня нет человека в этом мире. Это моё счастье и радость, о, Господь, я заповедываю, как лучшее, что имею — детям своим. Да будет благословение Господне и над ними».

У отца Николая есть два сына-священника и три дочери, счастливо живущие со своими мужьями. А я, Вам это рассказывающий, — один из двух сыновей здравствующего и поныне отца Николая.

Так закончил своё слово небезызвестный в Петербурге священник, при общем душевном порыве к нему всех слушателей.

Затем выступил следующий докладчик. Это был светский человек около сорока лет, владевший словом и получивший хорошее образование и воспитание, но доклад его производил смутное и на многих неудовлетворяющее впечатление, хотя он и получил от знакомых, не понявших сути дела, звучные аплодисменты. Докладчик затронул вопрос о том, что: есть ли чудо, по существу? И многими примерами хотел доказать, что нам, с ограниченными нашими сведениями о сущности окружающего нас мира, несмотря на старания науки, многие явления кажутся чудом, так как мы не можем себе их объяснить; но с постепенным раскрытием тайны знания многие чудеса становятся вполне понятными. Развивая таким образом и далее эту мысль, мы увидим, что каждое чудо может быть и понято, и объяснено естественным образом.

В подтверждение всего этого докладчик рассказывал о многих совершенно непонятных, как бы чудесных явлениях, которые производятся такими же людьми, как и мы, только лишь имеющими и особые познания природы, и особую тренировку, хотя бы, например, йогами в Индии. Затем была приведена масса примеров из области действия электрической энергии и прочих научных открытий, объясняющих явления, до того считавшихся как бы чудесными. Однако всё это обилие примеров оставляло сердце холодным.

Далее говорил опять священник, но уже другой, тоже протоиерей и притом известный проповедник. Слова его успокоительно подействовали на многих встревоженных слушателей.

— Позволю себе, — начал он, — возразить многоуважаемому докладчику и категорически отвергнуть данные им сейчас пояснения. Чудо как понятие религиозное не есть только феномен физического мира, нами в данный момент не понятый: это есть и нас удивившее явление физического мира, и одновременно явное прикосновение к нам благодати Божией, которая выращивает в сердце нашем смысл данного события и даёт плод свой на радость, на счастье и на пользу души. Без благодатного прикосновения, без радостного ощущения его теплоты, не бывает чуда. Оттого и воздействие его необыкновенно, и душа, согретая неземным огнём, зажигается любовью к небесному.

В мире мы окружены непонятными явлениями, которые чудесами, однако, мы не считаем. Мы знаем удивительные явления-феномены: хотя бы, например, перелёты Юма[33], в

[33] *Дэниел Данглас Хьюм* (*или Юм*; 1833-1886) шотландский медиум-спиритуалист, помимо прочих «сверх способностей» слыл преодолевать земную гравитацию. Так, в 1852 г. в присутствии свидетелей он дважды взлетал к потолку, демонстрируя свою возможность левитации; Посещал Россию, показавая свои спиритические возможности на организованных А. Н. Аксаковым и А. М. Бутлеровым встречах, участие в которых приняли члены царской семьи и император Александр II. Был дважды женат на русских, во втором

середине прошлого столетия, при Королеве Виктории в Англии. Он чуть ли не вылетал из одного окна и влетал в другое, или распылялся как бы на атомы и переходил, как казалось, через стену.

Однако никто из присутствующих от этих явлений не возгорался любовью к Господу Богу и этим не положил начало новой, лучшей жизни. Как ни поразительно это явление, оно давно забыто и не выращивается в сердце на пользу человека. Чудеса же могут быть незначительны как феномены, но неимоверно велики как изливающаяся сила благодати, как ласка, посланная с неба на одно или на несколько лиц. А сила благодати полагает начало новым чувствам и новым делам. Заканчивая моё возражение, я прошу впредь очень извинить меня, потому что должен назвать предшествующее определение чуда еретическим и недопустимым, а многоуважаемым слушателям моим желаю на опыте почувствовать силу и значение чудес, которые и ныне щедро изливаются Всемогущим Господом Богом на верующих чад Его, так как Господь *и прежде и днесь* всё *Тот же*[34].

Как сразу стало легко на сердце от этих слов, и как самый воздух показался насыщенным бодрящими силами!

Любезные хозяева поднялись и подошли к Митрополиту Владимиру, к представителям белого духовенства и к нам, прося откушать чашку чая. Затем всё пошло по обыденному руслу: встреча со знакомыми, обмен мыслями, разговоры и разъезд. И как пело сердце тех, кто всё слышанное о чуде хоть отчасти ощутил когда-либо в течение своей собственной жизни!

Второй сын

Дорожные дамские радости и заботы

— Дашенька[35], если уже заказывать пальто, то на этой подкладке. Взгляни, какая прелесть! Воображаю, как будет тепло. Интересно знать, не тяжело ли будет носить? Ведь это настоящий мех! Хочешь, войдем в магазин, спросим, сколько стоит?

— Да, и мне нравится, это что-то новое. Войдем.

Материя-мех оказалась последней новинкой и была выработана из лучшей шелковистой и легчайшей шерсти, незаменимой по теплу и удобству[36]. Мы взяли адрес

браке перешел в православие. См. Lamont Peter. The First Psychic. The Perculiar Mystery of a Notorious Victorian Wizard. Little, Brown. London, 2005; Вяткин Аркадий Летающий медиум Даниэль Хоум // Аномальные новости : газета. — 2011. — № 34. — С. 6—7.

[34] Ср.: Евр. 13, 8.

[35] Речь идет об одной из сестер мужа. Фрейлинами в семье были: *Александра Николаевна Лобанова-Ростовская* (1868 - 1948),«Фафка» как ее звали в семье — детское произношение «Сашка», младшая сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского (1866-1947) и Ольги Николаевны ур. Лобановой-Ростовской (1863-1947; леди Эджертон во втором замужестве, основательницы Модного дома «Paul Caret» в Лондоне в 1919 г., филиалы которого вскоре были открыты в Париже и Каннах). Александра Николаевна – фрейлина обеих Императриц, а также с 1889 по 1891 гг. — фрейлина Вел. кн. Александры Георгиевны, с 1892 по 1901 г. — фрейлина Вел. кн. Елизаветы Федоровны.

Самая младшая из сестер: *Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская* (Лэндфилд) (1881 – 1952) фрейлина Вел.кн. Марии Георгиевны и фрейлина Императрицы Александры Федоровны с 1899 года. В браке (1907) с профессором Калифорнийского Университета Дж. Лэндфилдом.

Видимо, «*Дашенька*» - *Любовь Николаевна*, поскольку далее, в гл. 6 говорится, что «она вышла замуж и уехала заграницу». Александра Николаевна замуж не выходила.

Двоюродная сестра *Людмила Григорьевна Лобанова-Ростовская* (в зам. Балясная; 1860-1932) фрейлина Вел.кн. Елизаветы Федоровны.

Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская (Эристова) (1858-?), в зам. с 1890 года с князем Б. Д. Сидамон-Эристовым (1860—1923.); фрейлина Вел. кн. Марии Павловны (Старшей).

А также фрейлины Императрицы Марии Александровны, супруги Александра II: *Мария Александровна Лобанова-Ростовская* (Урусова; 1853-?) замужем за князем В. Д. Урусовым (1838—1903); *Мария Михайловна Лобанова-Ростовская* (Скарятина), замужем за В. В. Скарятиным (1847—1919); *Ольга Михайловна Лобанова-Ростовская* (Околичани; !958-1903), замужем за австро-венгерским дипломатом А. Околичани-и-Околична (ум. 1905)

магазина, затем сели в коляску Дашеньки и отправились к портному. Каждая из нас заказала себе по осеннему тёмно-серому пальто на этой подкладке, дав портному карточку магазина. Милая Дашенька была очень довольна. Она, наконец, нашла то, что ей было нужно: пальто должно было иметь свойства шубы, а внешность — корректного английского cover-coat[37].

От портного мы поехали к Дашеньке во дворец, к чаю, и стали совещаться об отъезде.

Дашенька была городской фрейлиной[38] обеих Императриц (что и обозначалось буквами на её шифре[39]), но временно она состояла при одной из Великих Княгинь, недавно вошедшей в Русскую Царскую семью. Доброта Дашеньки была безгранична, как и любовь её к детям своего брата и моего мужа. Она не знала, как повеселить детей и чем порадовать их. Сама она ещё была очень молода, по нраву весела и по виду нарядна…

Сны и явь

– Дашенька, я тебе не рассказала, какой я странный сон видела в феврале про Бориньку? ...

– Нет, не рассказывала, – как-то без особого интереса ответила мне Дашенька.

— Спала я плоховато, под утро в седьмом часу проснулась с большим утомлением и думаю — может быть, ещё удастся заснуть. Только что закрыла глаза – вижу себя в деревне, в Рукавишниково!.. Стою я спиной к правому флигелю, то есть в профиль фасада передо мной весь главный подъезд и вдали левый флигель, а справа колоннада, большой дом и опять колоннада. Ты представляешь ли себе это, Дашенька? Но моим глазам виделось что-то странное: вместо нашей большой клумбы росла высочайшая великолепнейшая рожь, из неё выскочил мой Боринька и побежал, как он это всегда делал, представляя лошадку. Радостно, убегая на восток, он кричал мне: «Посмотри, мама, какие в большом доме животные». Я подошла к клумбе. Рожь изумительна. Она так густа и высока: более, чем на аршин поднимается над моей головой. А колос вершков семь длиной; зёрна же у него огромные и плотно посаженные. Иду к большому дому. Только вхожу в него, вижу – огромная жаба невиданной величины и омерзительного образа таращится на меня. Я с ужасом убегаю в другую комнату, а там заметался страшный, дикий чёрный кот. Он и боялся меня, и старался укусить в то же время. Я от него рванулась, но в дверях он схватил меня за ногу, однако не укусил. В ужасе я

---

36 Скорее всего, здесь описание *ватина*, завоевавшего рынок меховых изделий на целое столетие. Это нетка ный или трикотажный материал изобретен во Франции как легкий утеплитель для рабочей одежды, а завоевал высший свет. Наименование от фр. слова ouatine («руно»), которым обозначали ватную ткань на сетчатой основе. Ватин чаще всего состоит из шерсти и хлопка и имеет пористую воздушную основу, по характеристикам схожую с ватой.

37 *Коверкот* – шерстяная материя [*прим. автора*]. Наличие новинки —теплой подкладки из ватина позволяло раскроенный по модели костюма коверкот использовать в качестве элегантной зимней одежды.

38 Фрейлина (Fraulein) придворное звание девушек благородного происхождения, служивших при Императорском или Великокняжеском дворах. Свитные фрейлины обязаны были жить и постоянно находиться при Дворе, у городских фрейлин (их еще именовали: Фрейлины Высочайшего Двора) не было постоянных обязанностей. Последнее наименование часто означало признание заслуг их родителей.

39 *Фрейлинский шифр* — золотой вензель, украшенный брильянтами и короной сверху, изображающий инициал Императрицы; двойной инициал (сплетенные инициалы действующей и вдовствующей Императриц); инициалы Великих княжон. *Быть пожалованной шифром* – получить звание фрейлины. Шифр носили на банте, соответствующем по цвету Андреевской голубой ленте (Орден Андрея Первозванного – высший орден Российской Империи). Прикрепляли с левой стороны корсажа.

пронеслась через всю ширину дома на другую его сторону. Тут меня охватила полная тишина и спокойствие: у газона стояла Маша[40], (ты помнишь Марихен, бывшую горничную моей Мамá? Она поступила в монастырь и приехала к нам погостить, в деревню). В руках Маша держала решето, наполненное правильно нарезанными кусками белого хлеба. «Бог послал овце ягненка, иду кормить его» — мысленно как бы сказала мне Маша. Я оглянулась: возле меня у самой стены дома вижу — лежит большая белая овца, а возле неё — большой белый ягнёнок. Тут я открыла глаза. Сон ли это был?

Всё так ярко, так отчетливо... Я, несколько раз себе его рассказывая, повторила и думаю: «Это сон про Бориньку». Однако чувствую, что это сон из тех, какие бывают только иногда в жизни, и всегда на вразумление... «Верно, — думаю, — на Борины именины или на рождение что-либо обозначится». Но прошло и 16 марта и 24 июля[41], я все ждала, но ничего не случилось. Как ты этот сон понимаешь, Дашенька?

— Да что ты, Наташа, сон как сон; мало ли какую несуразицу во сне видим, зачем ты об этом думаешь?

— Да думаю, Дашенька, и даже очень. У меня этот сон из головы не выходит... Ты была девочкой двенадцати лет, а я только что вышла замуж и видела тоже сон: точно наша речка в деревне, в Захарьино, куда, как ты знаешь, мы приехали после свадьбы, — обратилась в огромный поток, который пошёл с правой стороны, а по берегу потока стелилась зелёная рожь, необыкновенно густая и сочная, и вся переливалась, точно зыбь на море. А через семь лет было получено наследство. И всякая мелочь и подробность, иносказательно показанная во сне, исполнилась наяву с изумительной точностью и красочностью. Но теперь я видела во сне не зелёную рожь, а спелую — жёлтую. И колосья у неё были полновесные и огромные... Положительно ничего не понимаю... Да ты смеёшься, Дашенька, над снами, а вместе с тем как ты объяснишь, что все в доме более или менее одновременно видели необыкновенные вещи?

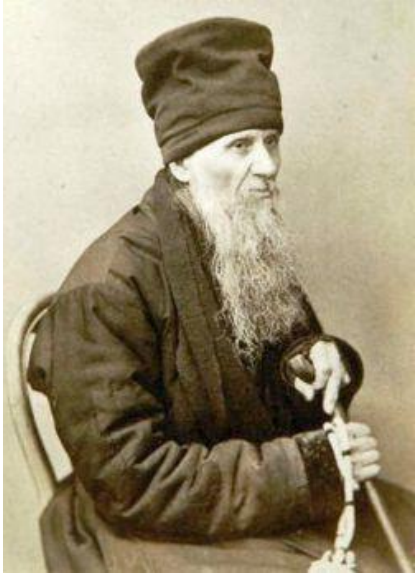
Кроме Саши, из детей только Боря имел право один ходить по усадьбе. Садовник, все рабочие, сторожа, кучера, конюхи — были его приятели. Когда он приходил, то каждому помогал серьезно и дельно. Умел он и запрягать лошадь в одиночку, и сам подавал к крыльцу одну из смирных лошадей. Нравственная чистота ребёнка имела на всех своё особое воздействие, и рабочие рассказывали друг другу, как, например, нетрезвому скотнику Степану Боря сказал: «Зачем пьешь, это грех, Бог этого не любит, береги денежки про чёрный день».

Борис Константинович был их радостью, их помощью, их бессознательным примирением. Он был соединяющим звеном между деревней и барским домом. На сенокос он не приходил зрителем, а чувствовал внутренним тактом, что не следует сидеть и смотреть, когда другие работают. Он взаправду работал, не покладая рук. Ворошил ли он сено в рядах, копал ли грядки — он понимал красоту и необходимость системы и порядка. Помогая метать скирды — дело трудное и далеко не простое, – он бывал полезен даже наверху, сразу поняв, как и что подсовывать и накладывать, чтобы выходил правильный скат. Боря бесконечно любил природу. Я чувствовала, что душа этого ребенка будет чисто русской, в лучшем значении этого слова, что он полюбит и поймет красóты русской жизни.

[40] Монахиня *Дугиненской обители*, в 45 километрах от Калуги, игуменьей которой была *София* (*Гринева*), что ясно из последующих глав.

[41] 16 (29) марта – день рождения «Бориньки»; 24 июля (6 августа) – празднование мучеников благоверных князей Бориса и Глеба († 1015).

Про одну из таких красот, но особого свойства, много мне рассказывала моя свекровь, которая была духовной дочерью покойного старца, батюшки Амвросия Оптинского[42]. Свою безграничную любовь к нему она всецело передала мне, поведав и о замечательных его беседах с нею. Я читала книги, им указанные и тянулась всей душой к нему, сразу почувствовав всё счастье личного общения с таким человеком: он мог ясно раскрыть и растолковать цель и смысл жизни, засорённой ненужными и зловредными осложнениями, и противоречиями. Но старец, к несчастью, вскоре преставился. Заочно почерпнутый от него запас моих духовных знаний, как ни были они малы, я старалась передать моим детям. Однако, из старших – один только Боринька, впиваясь в меня глазами, замирал от волнения и счастья, слушая меня. Особенно на него действовали рассказы о Рождестве Спасителя, о житии Божьей Матери на земле, об ангеле-хранителе и о борьбе духов света с царем тьмы…



Ещё вспомнился мне случай про Бориньку: эту зиму мисс Шафт как-то прихворнула, а мадам Вилетт необходимо было отлучиться. Я приняла на себя наблюдение за детьми и со мною после завтрака остались Саша, Ксения, Боря и крошка Лена. Конечно, Саша тут же засел за чтение и, как всегда, был спокоен. Остальных я заняла рассматриванием картин и рассказами, но трудно было примениться к различиям в возрасте и характере детей. Скоро Ксения стала шалить, другие нервничать. Всё это Бориньке сделалось невмоготу.

Вот я и взялась за последнее средство, сказав: «Дети, пойдёмте наводить порядок в моих вещах». Они бросились с восторгом в мою спальню. Я отперла шифоньерку. Лене дала подбирать пуговицы, ленточки и прочие мелочи, а старшим открыла ящик с золотыми вещами. Не камни и не оправа, конечно, прельщали их, но те рассказы, которыми сопровождался осмотр каждой вещи.

Вот эта брошка от покойной тетушки их отца; вдовы посланника Ribeiro da Silva[43] — и следуют рассказы об её жизни в Бразилии, вспоминается прочая семейная хроника, доступная детям. А вот кольцо моей прабабушки, маркизы Saint Sac de Traversay[44], сопровождаемое рассказами из французской революции: эпизод бегства прадеда и его семьи, жизнь уроками рисования прабабушки в Швейцарии, приезд ко двору Екатерины II и прочая. А вот маленькая заветная ложечка, подаренная бабушкой на мои крестины и рассказы о том, как я была маленькой. «Ну, теперь-то вы всё рассмотрели?»

Вдруг крошка беленькая Лена пролепетала: «Мама, покажи, что дашь, когда мы будем большие». «Ну, выбирайте, дети, сами, что каждому нравится». Но это оказалось трудным, и я стала указывать то на ту, то на другую вещь, медленно перечисляя: «Вот это

[42] *Преподобный Амвросий Оптинский* (Александр Михайлович Гренков; † 10 (23) октября 1891), один из самых известных старцев Оптиной пустыни, прообраз старца Зосимы в романе Фёдора Достоевского «Братья Карамазовы.

[43] *Рибейро да Сильва* (ум. в 1874 г.; Ribeiro da Silva) посланник Бразилии в России; был женат на Любови Алексеевне Лобановой-Ростовской (да Силва) (1818? – 1874), дочери князя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786-1848) и Александры Григорьевны, урожденной графини Кушелевой (см. след. сноску).

[44] *Иван Иванович де Траверсе* — Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе (1754-1831; Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay), бежал от французской революции; получил российское дворянство; адмирал Российского флота, командующий Черноморским флотом, первый губернатор Николаева, морской министр России в 1811-28 гг. Его внучка, графиня Александра Григорьевна Кушелева (1796- 1848) вышла замуж за Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786-1848). А.А. Лобанов-Ростовский — дед мужа повествовательницы.

Ксении, это Саше, это Лене, а это невесте Бориньки». Вижу, он сделал такое сосредоточенное, серьёзно-озабоченное личико и говорит: «Тебе, мама, трудно; у тебя детей много. Я сам зарработаю своей даме». Я молча обняла его…

Неотвратимое

Незаметно в своих мыслях я перешла на себя самоё. В духовной жизни я была тогда, как почти каждый человек, достаточно одинока. Семья, свет, родня, знакомые, переписка, деревня, администрация дома и прочее было одной стороной жизни, исполнением иногда приятного долга, а иногда и необходимости. Это первое не лишено было и радостей, но радости эти были кратковременными и беспокоящими, так как результат их терялся в неизвестности. Вторая же сторона жизни было то другое — заветное: трудное продвижение к двери, только приоткрытой старцем. Она найдена, и это одно уже было большим счастьем, но найдена она ощупью и в темноте, и какая темнота! Жизнь держит клещами в своих рамках попавшего к ней. Условность светской жизни с её подражаниями во всех областях более «культурным» странам, нелепейшие моды, противоречащие климату и здравому смыслу, и прочие затеи из человека делают раба, хотя бы и вполне сознающего свою рабскую долю. Чем сильнее было сознание всего этого, тем радостнее было хотя мгновениями бросаться к заветной двери…

Мы дали Боре Доверов порошок. Поздним вечером жар поднялся у него до 38, и ощущение камня на груди всё продолжалось. Ночью Боринька часто просыпался, спал очень тревожно. Утром четвёртого у него появилась тяжесть дыхания. Погода несколько прояснилась. Григорий выехал с фельдшером рано и повёз в Сафроново от меня письмо к доктору. О городе трудно было и думать. Утром я пошла проведать мамá; она совсем уже не кашляла, собиралась днём навестить внука и очень сожалела, что он прихворнул. Вернувшись, я застала следующую ужасную картину: Боринька лежит в полузабытье. Феня, сменившая мисс Шафт, сидит тут же. Бледные ручки его лежат ладонями вниз, и он бессознательно скребёт пальцами простыню, а сам так тяжело дышит. Что это? Что это значит? Господи, хоть бы доктор скорее ехал. В это время все пошли завтракать, а я вышла в одном платье на галерею и часа два ходила взад и вперед, как запертое в клетку животное, не чувствуя ни усталости, ни холода. Когда я вновь вернулась в комнату, то Боря был уже в сознании.

— Боринька, что ты чувствуешь?

— Мне тяжело дышать, мама, у меня камень на груди, — и он сорвал что-то, чем было завязано его горло.

Опять я посмотрела горло, и опять в нём ничего не было видно.

Ещё дала я ему порошок и тёплого молока с мёдом, которое он так не любил. А Боря всё повторял: «Дайте успокоиться...»

Жар у него был незначительный, но бледность и выражение тоски на лице всё увеличивались. Маша позвала меня и просила, чтобы я хоть немного поела. Я пошла в столовую. Почему-то вот уже более двадцати лет не могу забыть, что одним из блюд была брюссельская капуста с гренками. Но для моего сжатого тоской горла и капуста казалась камнем; и я ничего не могла проглотить...У меня тоже лёг тяжелый камень, но не на грудь, а на сердце. В шестом часу, когда зажгли уже лампы, приехал доктор. Я приняла его рядом с гостиной и рассказала о ходе болезни. Затем мы вошли с ним в спальню. Одновременно Боринька вскочил на ноги и во весь рост стал в кровати, рукою срывая ворот рубашки. Выражение глаз его было ужасно... Он начал задыхаться...Это было первое видимое проявление его непонятной болезни…

— Господи, отдай мне Борю, сотвори чудо, не бери его, Господи, милосердный Господи, помилуй и спаси его! ... — так лепетали губы, а сердце тосковало и разрывалось на части…

— Господи, отдай мне Борю, сотвори чудо, не бери его, Господи, милосердный Господи, помилуй и спаси его! ... — так лепетали губы, а сердце тосковало и разрывалось на части…

Когда я вернулась в свою комнату, Боринька тихо угасал, и доктор сидел в его ногах. Я не знала, что придумать; думая, что это его освежит, я стала мочить в холодной воде полотенце и покачивать им, уже выжатым, над головой сына. Так я продолжала целый час... но чудные глаза Бори стали останавливаться, уже не видели... Я поднесла лампу: из черных — глаза стали совершенно светлыми… дыхание делалось всё реже...

Меня вдруг осенила мысль:

— Доктор, могу я дать сыну вина? У меня есть первокачественное валлийское вино...

— Очень хорошо, только скорее давайте.

Маша и Семен моментально бросились вниз в погреб и через пять минут принесли бутылку. Разжать зубы Бориньки было очень трудно, вливали вино капля по капле... Наконец, мы влили ложку, и он зашевелился! Затем мы влили другую, третью, — он стал подниматься, а после целой рюмки вдруг сел на кровати.

— Ах, как хорошо, я ведь выздоровел, – сказал Боринька совсем нормальным голосом. Куда девались окостенение языка и слабость.

— Что это, доктор?

— Это реакция болезни, перелом, которого я и ожидал. Поздравляю вас…

— Боринька, что ты, куда?

— А я одеться хочу — ответил он и, с энергией совершенно взрослого и здорового человека, стал одевать принесённый по его желанию матросский костюм с длинными брюками, без всякой посторонней помощи…

У всех отлегло от сердца. Глядя на него, все ещё раз друг друга поцеловали и разошлись. Наше состояние было равносильно чувству помилованных пред казнью.

Когда мы остались одни, Боринька мне сказал:

— Что это со мной было, ведь мои глаза ничего не видели, всё было темно предо мною?

– Это бывает, мой Буренький, когда кровь отливает от головы.

… вырвал сердце?

А у самой у меня было полное сознание, что после причастия подходила тихая и торжественная смерть, но все же смерть...

Прочь, прочь, страшное, ужасное видение! Это немыслимо, чтобы Господь вырвал моё сердце! Он только хотел показать, что означает истинное горе, но, конечно, отвел Свою руку...

«Но чем же ты лучше других матерей? Почему же тебя надо миловать?» — спрашивал меня внутренний голос. «Только по безграничному милосердию Божьему», — был мой ответ…

Боря заснул, а я точно провалилась в тёмную бездну, — так только спят после тяжких потрясений.

***

Я пробудилась от внутреннего нервного толчка, и мне казалось, что прошло лишь пять минут. Мои часы показывали семь часов и уже светало. Через секунду я овладела

действительностью и повернула голову в сторону Бори. Он сидел без кровинки в лице — точно восковой, с тусклым потухшим взглядом и тоскою в лице. Затем вдруг он заметался:

— Мне тяжело дышать, мама, воздуха, воздуха!..

— Ваше сиятельство, что-то господин доктор мелко пишет, не разберу.

Записку, видимо, привез из Сарафанова Фома, и я не забуду её содержания, сколько ни проживу на свете: «Иван Иванович, когда мальчик умрёт, приезжайте немедленно с ингалятором, он здесь необходим. Захватите все остальные принадлежности, привезенные мною». Следовала подпись. Нож пронзил моё сердце и переворачивался в нём.

...О, Господи, дай сил! Значит он приговорён!.. Зачем же город, какая это трубка для горла? ...Нет, я вырву его у второй смерти! Боже, не оставь меня! Лишь бы мальчик ничего не заметил...

— Доктор просит привезти ингалятор и всё прочее, когда здесь окончится помощь, – ответила я фельдшеру.

— Да уж, известно, не забуду...– ворчливо, по адресу доктора, ответил фельдшер и мы приступили к ингаляции…

Боря всё слабел, но ничем не выражал каких-либо признаков страдания: его восковые ручки тихо лежали по сторонам. Ноги и все его тело до груди стало ледяным... Глаза совершенно были закрыты...

Вдруг затрепетали веки, затем усилие, и они поднялись… Но на нас глядели ничего не видящие, совершенно светлые глаза... Боже мой, Боже, ведь это смерть вторая...ведь это те же глаза. Я поспешила закрыть веки, чтобы избавить его от вторичного сознания, что он ничего не видит... ведь он всё понимал и, со страшным усилием, но исполнил мою просьбу...

Около него, справа, стояла его Маша, сама скорее мертвая, чем живая. Бессознательно движимый какой-то силою, в открытую дверь вошел Семён. Казак рыдал.

Дыхание прекратилось... Пробило половина одиннадцатого. Огромный сноп солнечных лучей разорвал тучу и осветил Бориньку. Первое солнце за десять дней. После большого промежутка мы услышали последний вздох.

Бори не стало.

Все опустились на колени, и я почувствовала удар по голове, словно балка упала на меня, а внутренний голос мне сказал: «Вот твой сон»…

Бабушка не знала о ком плакать: — об ушедшем внуке или об убитой горем дочери...

Скорбные хлопоты

Дорогие матери и отцы, терявшие и теряющие детей, к вам я обращаюсь: кто бы мы ни были с вами, мы сплочены в один союз. Мимолетный взгляд друг на друга нам достаточен, чтобы понять друг друга. Это горе одинаково чувствуется у каждого народа и в каждой стране, поэтому между нами, на этой почве, не может быть недоразумений.

Вы знаете, что значит видеть своё дитя одетым, причёсанным, ставшим почему-то огромным, лежащим торжественно на возвышении и слушать, как тихо читают над ним псалтырь.

Потому вы поймёте, что я переживала, когда составляла телеграмму, чтобы вызвать отца, ничего не подозревавшего об ужасе, который предстоит ему пережить; когда телеграммой выписывала гроб из Москвы; когда должна была назначить день отпевания и похорон; когда, наконец, письмом я должна была отменить ожидаемый приезд доктора. Через всё это надо было перейти, и я переходила…

Боря лежал в гостиной, как живой. Первые два дня лицо его было серьезно и скорее скорбно, но на третий день дивная улыбка заиграла на нём...

В нашем флигеле все говорили шёпотом, зеркала гостиной были завешены. Я не могла молиться, страшный, невыразимый протест овладел мною. Я была убита, как мать, прежде всего; но, кроме того, мне казалось, что я поругана пред всем светом, так как лучшее и самое драгоценное отнято от меня. «Как жить? — думала я и говорила Маше — если улыбка жизни взята у меня...»

— А как живут другие матери, Ваше Сиятельство? Ведь не у вас первой и последней взят теперь лучший ребенок. Господь всегда берёт лучших, а не худших. Господь берёт поспевших, но Он часто берёт не предупреждая, а Вас предупредил Милосердный Господь Бог о Своей воле дивным сном. Вспомните только, как велик был колос и насколько выше вас была рожь... Вспомните, как покойный радостно убегал на восток. Наступит время, и вы будете благодарить за всё это Бога.

Так повторяла мне Маша в немногие минуты, когда я или не рыдала, или не хлопотала, а только протестовала всем существом моим против совершившегося. К тому же на меня находила непостижимая спячка, как реакция нервного потрясения и постоянного ощущения близости сумасшествия. Этот глубочайший сон продолжался несколько часов и походил на летаргию…

Даже старичок-батюшка, так любивший Борю, что плакал, когда служил о нём панихиду, и тот не находил нужных слов, которые дошли бы до моего сердца...

Уже одетая, я первый раз за это время взглянула на себя в зеркало: оттуда на меня смотрела старая женщина. Эта женщина уже знала, что значит горе... А знала ли я его раньше? Конечно, нет. Я знала неприятности, может быть, и крупные, которые чередуются с радостными минутами, как серенький день с солнечным, но беспросветного горя я не знала...

А без этого не суждено нам, грешным, перейти поле жизни: мы должны познать на опыте, что нет пропасти на земле, куда бы ни проникал свет Господа Бога нашего...

Я не могла молиться. Упреки душили и терзали меня. Зачем ты сказала ему брать tub[45] в холодной комнате? ...Зачем ты не сдержала слова, данного Соне? ...Зачем ты не посмотрела, что у полушубка неплотно застегивается ворот?

...Зачем ты сейчас же не послушалась Дашеньки и не послала за доктором в город... — он привёз бы прививку..., и прочие упреки, один другого ядовитее и болезненнее, уязвляли меня... Наконец, панихида окончилась...

Вечером я долго рассказывала Косте[46] о ходе непонятной болезни:

— Это глубоко сидевший дифтерит бронхов, — высказал он своё предположение — ведь у дочери скотницы Марии тоже дифтерит, но девочка, слава Богу, выздоравливает. Надо позаботиться о других детях, предостеречь хоть их от заразы.

Затем я сказала Косте о моём желании после похорон, восьмого октября, в Москве, поехать с Машей в Боровск в Обитель Святого Пафнутия к её старцу Архимандриту Бенедикту[47].

[45] *Tub* — большой резиновый таз-ванна [*прим.* автора]

[46] Под этим именем подразумевается князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж повествовательницы.

— Хорошо, поезжай, а я приготовлю всё к твоему приезду: переведу всю семью и всех из большого дома во флигель и займусь детьми... О них надо думать и их надо сохранить...— закончил Костя.

Затем он стал молиться, а я вышла. Ещё и ещё резали мне душу упреки... Маша старалась утешить меня.

— Господь явно же вам указал пророческим сном, что Его Святой воле было угодно взять вашего сына, также и то, что искуситель будет мучать вас двояко. Вот вы и видели двух зверей. Один зверь — это упреки о простуде, а другой зверь — упреки о неумении лечить. К тому же этот зверь хотел ещё укусить вас, то есть он будет стараться умалить веру вашу в то, что волос с головы вашей не может упасть без воли Отца вашего Небеснаго... Вот князь, на что любили сына, а сейчас же подчинились воле Божьей. По-вашему, Ваше Сиятельство, выходит, что Мария, скотница, умеет лечить, что она вовремя доктора позвала и оттого её Маруся выздоравливает, а вы не умеете, верно, а потому ваш сынок скончался. А у царей, уж, кажется, докторов много, а разве дети их не умирают?

— Меньше, Маша, чем в народе.

— А зато в народе и родятся больше, — не унималась Маша, возражая мне по силе своей любви и жалости ко мне. На этом, вся истерзанная, я погрузилась в мой каменный сон.

«Не ворошить нам больше сена с тобой…»

Наступило седьмое октября. Открыв глаза и придя в сознание, я поняла, что сегодня надо добираться до вершины душевных мук: надо видеть любимое своё дитя уходящим навеки из родительского дома. «После этого возможно уже вынести и отпевание, и погребение», — думалось мне. Наш крестный путь доходил до тягчайшей минуты: весь дом заполнили служанки и крестьяне. Вынесли. Обедню служили соборно оба священника. У отца Матвея, тоже в своё время испытавшего подобное же горе, всё время службы прерывался голос от слёз... Потому не он, а младший священник села нашего вышел сказать слово:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Досточтимые родители и возлюбленные братья и сестры во Христе, к вам я обращаюсь с кратким словом моим. Среди вас вырос, ныне в Бозе усопший, отрок Борис. Мы все знали и все любили его. Этот отрок подобен чудному хлебу, выросшему во дворе Отчем. Когда хлеб поспел, Божественный Жнец снял его и унес в свою житницу[48]. Нам ли неумеренно предаваться скорби и печали. Ведь после первородного греха, принёсшего смерть на землю, смертью уходят в вечность и праведники, и грешники. Праведный отрок этой же смертью, этой же дверью был отозван от нас, так как иного пути на небо не существует. У нас проводы, а там радостная встреча, у нас прощание, а там ангельское приветствие. Да не отягчится сердце наше неумеренной скорбью, которая бы омрачила ликование отрока. Не будем забывать, что мы христиане, и что смерть есть для нас лишь временная разлука, а жизнь сего отрока прошла пред нами для нашей пользы и назидания. Помолимся же об упокоении души усопшего раба Божия отрока Бориса, чтобы и

---

[47] *Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровский монастырь* был основан в 1444 г. преподобным Пафнутием Боровским († 1477). В XIXв. монастыри Калужской епархии находились под духовным окормлением Оптиной пустыни, старцы которой благословляли многих своих воспитанников быть настоятелями и духовниками в этих монастырях.

Так и *архимандрит Венедикт* (в тексте «Бенедикт»), духовное чадо прп. Амвросия Оптинского, был назначен в 1903 г. настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря Калужской епархии и благочинным монастырей Калужской епархии. Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов; ? - 1915) окончил Смоленскую Духовную семинарию; до 1884 г. священник с. Чеботова Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Овдовев, в 1884 г. стал послушником Оптиной пустыни; в 1887 г. пострижен в монашество, был секретарем преподобного Амвросия Оптинского (см.: Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия / сост. схиарх. Агапит (Беловидов). 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 163-164).

[48] См.: Ин. 4, 35-36.

он помянул нас пред Престолом Всевышнего, когда вселится в селения праведных. Аминь. Да будет так, — закончил батюшка.

«Откуда это священник знает про сон, — думалось мне, – ведь я не рассказывала ни ему, ни отцу Матфею… про мой сон. Да никто и не интересуется им. Чудно что-то. А может быть, Сам Господь внушил батюшке сказать это слово?» — пронеслось в моём сердце…

Наконец, мы подъехали к вокзалу и направились к вагону; в это время крестьяне устанавливали в него гроб.

— Прощай, прощай, Борис Константинович. Не ворошить нам больше сена с тобой, не метать скирды… Царствие тебе небесное, дорогой ты наш, — говорил седовласый крестьянин; он несколько раз перекрестил вагон и смахнул набежавшую слезу…

Затем последовал приезд в Москву, встреча гроба, лития, второй крестный путь — бесконечная дорога к Новодевичьему монастырю, опускание гроба в могилу, первый удар земли о крышку, с этим незабываемым ужасным звуком….

Да, более изощренной пытки, как материальная сторона всего того, что следует за смертью, не может быть, думала я в своем протестующем и мятущемся сердце…

Сама же я собиралась уезжать с вечерним поездом в монастырь, куда неудержимо рвалась моя душа…

Я чувствовала, что собственными силами не встану на ноги. Наоборот, погибель моральная, физическая поджидали меня, если я не найду себе крепкой и надежной опоры.

– Вот Вы увидите, Ваше сиятельство, – говорила Маша, – как утешит Вас архимандрит Бенедикт[49]. Я так молила Бога, чтобы Ваша первая поездка к старцу была вам на пользу…Земная тина уж больно засасывает нас… За то, что Вы всегда тянулись к Царству Небесному, Господь позвал Вас на работу и дал знать, что пора, мол, настоящим образом взяться за дело…

– А почему Господь отнял у меня воздух, которым я дышала? ... Сам Он дал мне такого сына, а когда я всей полнотой любви моей привязалась к нему, Господь так утончённо покарал меня, поставив в такое положение, что я сама считаю себя виноватой в смерти сына, сначала простудив его, а потом не умея и вылечить. Да, нельзя было посмеяться утончённее и больнее…

Слово утешения

В келью вошёл отец архимандрит. Я подошла под благословение и сразу почувствовала себя совсем маленькою. Он был высок и скорее полон. От сановитой внешности его веяло отеческою ласкою и добротою. Умные, проницательные глаза его всё видели, всё понимали, а потому умели и прощать. Они выдавали большой житейский опыт и большую, не от мира сего, мудрость.

– Счастлив я, что Вы, княгиня, после посещения Вас Господом Богом, приехали в обитель, а не искали утешения в чём-либо ином. Вот и матушка Вашего супруга, княгиня Елена Сергеевна, во вдовстве своём и горе находила великое утешение в беседах с покойным старцем, батюшкой иеросхимонахом Амвросием Оптинским. Завтра исполняется двенадцать лет, что и я потерял в нём и старца и великого благодетеля. К знаменательному дню Вы приехали к нам. Мы будем молиться о почившем дивном старце, помолимся и о сыночке Вашем. Расскажите мне о своём горе.

Всё, что было у меня на душе, вылила я старцу. Рассказала о сыне, о сне, о двукратной смерти, о проповеди, о моих терзаниях и сомнениях, о Маше…

[49] *Архимандрит Венедикт* (Бенедикт) был воспитанником Оптиной пустыни, письмоводителем прп. Амвросия Оптинского. В свое время семья Лобановых-Ростовских была близка к старцу Амвросию. Приезд княгини в Пафнутьев монастырь к архимандриту Венедикту, 9-10 октября 1903 г., совпал с 12-й годовщиной со дня преставления преподобного.

– Дорогое дитя, теперь и Вы меня выслушайте. Вы не потеряли сына, а обрели его. Он будет переходить от света к свету и предстательствовать за Вас пред Господом Богом. Люди теряются не на небе, а на земле в великих бурях житейских. Настанет время, когда Вы меня поймёте и будете благодарить Господа за то, что Он укрыл сына Вашего. Бог есть Любовь и огнь всё пожигающий. Над людьми смеётся лишь сатана – он *лжец и отец лжи*[50]. Это он распаляет сердце Ваше и терзает его сомнениями. Сатана видит, что Вы всегда искали Господа Бога, и теперь, в минуту испытаний, когда Вы заколебались, он хочет вытравить Имя Божие из сердца вашего. Молитвой и постом отгоняйте супостата. Любовь к Богу есть величайший дар, который подаётся людям Самим же Господом Богом. Старайтесь вымолить у Бога этот дар. Тоску сердечную выбивайте молитвой Иисусовой. Творите её, когда можете: и сидя, и лёжа, и в путешествии, и у себя дома. Если удастся по обстоятельствам, поживите сосредоточенно в деревне. Читайте Священное Писание, обдумывайте прочитанное и старайтесь понять, что Сам Господь Вас призвал: *где сокровище ваше, там и сердце ваше*[51]… А вот что я расскажу Вам про самого себя: было это лет тридцать тому назад – я был приходским священником, имел любимую жену и двух малых детей. Сначала Господь взял у меня детей, а в скором времени и жену. Затосковал я невыразимым образом, а по сану своему должен был сам подавать утешение людям. Меня грызла непрекращающаяся тоска по жене и детям. В таком состоянии пришёл я к старцу Амвросию, похлопал он меня рукою по голове, да и говорит:

– Вот ты каков, а ещё священнослужитель! Что мне с тобою делать? Становись на молитву — утром, вечером и днём, говори так Господу: «Ты видишь меня, Господи, весь я пред Тобою, *трость, ветром ломимая*[52], изгибаюсь я весь под тяжестью скорби моей и боюсь я сломиться. Не смею просить, а прошу, не смею молить, а молю: покажи мне, Господи, где находятся жена мои и дети? Господи, прости и помоги! Но *да будет воля Твоя* во всём, Господи, *а не моя*[53]». И не даст тебе Господь видеть, — смирись: не смеем мы этого просить у Бога. По малодушию твоему разрешаю я тебе. А увидишь что, — приди и расскажи.

И стал я молиться, как заповедал мне старец, и увидел в тонком сне жену и детей — рассказали они мне про райские обители и про радость свою. По молитвам старца горе моё с тех пор как рукой сняло. Принял я тут монашеский чин и благодарю Господа по сей день за милость его ко мне, грешному. Так и Вам заповедываю: молитесь и Вы, как учил меня старец: «По малодушию моему, Господи, подай увидеть мне сына, но да будет во всём воля Твоя, Господи, а не моя». Если и не подаст Господь просимое, не унывайте – в иных путях может Господь утешить Вас. Вот так-то, дитя моё: да будет милость Божия с Вами…

Монастырская трапеза

…вошёл отец гостинник с послушником. Они начали накрывать на стол и принесли обед.

– Повар у нас отменный, испробуйте, матушка княгиня. Он от князей Щербатовых, невдалеке тут от нас их поместье. Лет двадцать пять у них жил, а потом потянуло в обитель, вот и спасается у нас, несёт кухонное послушание….

– Для дорогой гостьи повар особенно приготовлял. Покушайте, Ваше Сиятельство, подкрепитесь. Вы ведь эти дни к еде и не прикасались. В обители огонь для печи берётся по благословению, от лампады, и всё затем готовится с молитвою и душевным расположением, оттого и вкус бывает особенный, – говорила Маша.

Я молчаливо согласилась, и мы стали обедать. И правда, монастырь ли тут был причиною, повар ли, а только по вкусу такого обеда я никогда не ела и есть, наверное, больше не буду, так как впечатления редко когда повторяются. Сначала был постный борщ и пирожки с

50 Ин. 8, 44.
51 Мф. 6, 21.
52 Ср.: Мф. 11, 7.
53 Ср.: Лк. 22, 42.

кашей. До сих пор помню легчайшее калачное тесто пирожков, наподобие филипповских[54], но не такое! Затем была жареная рыба с картофелем и солёными огурцами, а на сладкое – овсяный кисель с медовою подливкою. Этот кисель возбуждал во мне всегда тихий ужас, когда я видела его у людей, но то, что подали тут, было утончённейшим блюдом и по вкусу, и по виду. Маша по-детски обрадовалась, что мне всё так понравилось.

– Вот видите, что значит обитель! Ведь мы находимся под кровом, где почивают святые мощи[55]. Сегодня вы в первый раз подкрепились. А то воск, и то вас краше. Теперь отдохните немного. И я прилягу – только уберусь. А потом пойдём обитель осматривать.

Я рада была погрузиться в небытие – каменный сон опять овладел мною.

Монастырский обиход

Гостиница наполнялась монашенками и всяким простым людом. Видя, как они прибывают, отец гостинник заметил:

– Вот батюшкину старческую руку почуяли, идут на окормление… А что в Оптиной делается! Замучает, бывало, народ батюшку, так он еле живой от них уходит.

Мы переходим в другой корпус – всюду седая старина, толстейшие стены, веет особою, своеобразною тишиною.

– Тут вот келья старичка-иеромонаха; он спасается здесь: отчитывает бесноватых и порченных, помогает народу. Многих несчастных вылечивает.

Чрез полуотворённую дверь кельи доносились слова молитвы об изгнании бесов. Особенность и сила слов молитвы, а также присутствие безумных с их провожатыми, усиливали впечатление. Мне казалось, что время отодвинулось на две тысячи лет назад.

– Вам, матушка, это на диво, а мы столько чудес видим, что уже и не удивляемся, а знаем, что: «*Господь близ* нас есть[56]».

В келью к старичку-иеромонаху вели другую больную.

– Так замучается бес молитвою, что иной раз после первого причастия отходит совсем, но, во всяком случае, всегда притихает, а то, большей частью, изгоняется после нескольких раз. Вот завтра сами, матушка княгиня, увидите: к Чаше подводить будут бесноватую… Ведь с иной еле-еле десять человек управиться могут. Силища у них какая! А иная больная, что твоё пёрышко, откуда только сила берётся…

Мы пошли дальше. К нам навстречу по коридору шёл небольшого роста мужичок. Глаза у него были прищурены, и весь он, казалось, порос мхом. Мужичок низко поклонился отцу гостиннику:

– Здорово, дядя Филипп, вот расскажи матушке княгине про твои глаза.

– Да что, матушка, моё дело самое обыкновенное. Родился я слепым, жил больше Христовым Именем, себе и людям в тягость. Вот батюшка, отец Лев, всё это знает. А тут на Ильин день пришли к нам старушки-богомолки. Шли они поклониться новому Преподобному[57] батюшке отцу Серафиму, да и говорят мне: «Ты всё равно не работник, пойдём с нами, мы тебя до Успения доведём, может, у Преподобного ты и прозреешь». А у меня как упала надежда в сердце, так и стал я сам не свой. Бог помог: где проехали, где прошли, а у меня в сердце всё слаже, да слаже. И добрались мы, наконец, до святой

[54] *Пирожки наподобие филипповских* — булочные И.М. Филиппова (1824-1878) и его наследников (в указанное время фирма называлась «Торговый дом братьев Филипповых»), в пекарнях которых пекли не только хлеб, калачи, бублики, но и пироги с разнообразной начинкой по особым рецептам, считались лучшими и образцовыми изготовителями выпечки.

[55] *Преподобный Пафнутий Боровский* был прославлен в лике святых в 1547 г. Его святые мощи почивают в главном храме обители - соборе Рождества Пресвятой Богородицы.

[56] Флп. 4, 5.

[57] *Преподобный* – особый разряд святых, совершивших духовный подвиг в монашестве. *Новым* называют его здесь, поскольку от его канонизации в 1903 г., на которой настоял лично император Николай II, до описываемых здесь событий 1913 г., прошло 10 лет.

обители[58]. У Преподобного я и выкупался в его источнике – глаза водою мыл, к мощам прикладывался и глаза мантиею вытирал. Что Вы думаете? С глаз стала сходить словно пелена за пеленою, а как блеснул в первый раз свет, то уже не тому свету я рад, а тому, что Господь меня вспомнил. И пошло – что дальше, то больше свету. Вот и стал я всё видеть, правда, как чрез кисею, а – вижу! И даром хлеба не жую, и дома кое-что подсобляю.

Я глубоко была тронута этим рассказом, поблагодарила за него мужичка, помогла, чем могла, и поздравила с исцелением.

– Батюшка, да ведь это исцеление, как во времена Иисуса Христа, – сказала я, когда мы отошли, – я никогда не думала, что в наше время слепорожденные могут прозревать.

– Что вы, матушка! Да ведь Господь всё *Тот же*[59]! Люди только другие: не верующие, холодные, озлобленные. Только в народе и теплится вера, да и то не сильная. За это отступление – старцы, наши Оптинские, говаривали, – быть беде на земле Русской.

Он вздохнул, а мы шли всё дальше и дальше, осматривали святыни монастыря, древние его части и новейшие пристройки.

«Враг напал на меня…»

К шести часам ударили в колокол, и мы пошли в тёплый зимний храм… К шести часам ударили в колокол, и мы пошли в тёплый зимний храм. Он содержался с великою любовью, с безукоризненною чистотою и тщательностью, что проскальзывало во всякой мелочи. Всё время, несмотря на виденное и слышанное, мысль о сыне не покидала меня. Я чувствовала, что во мне началась новая двойственная жизнь: во первых – переживание воспринятых извне впечатлений, а во вторых – постоянная мучительная, томящая жизнь терзаний и воспоминаний. Эта вторая жизнь ни на минуту не прекращалась, а, наоборот, томила, давила и душила меня. Несмотря на это, я решилась молиться, как заповедал мне старец.

Всенощная с парастасом[60] началась. Отец архимандрит служил соборно. Было очень торжественно. Прекрасно звучало пение монастырского хора. Враг нападал на меня изо всех сил, молитва была холодна, и я каменела в моём горе. После богослужения пришёл к нам в келью послушник и прочёл вечернее правило... А затем, когда все разошлись, я впала до утра в мой спасительный, непробудный сон…

Колокол ударил к обедне, и мы с Машей пошли в храм. Туда же двое сильных крестьян вели бесноватую, – сзади шла родня. Больная упиралась, временами произносила хулу на Господа, плевалась и кричала. Однако её удалось ввести в храм, и она утихла. Церковь быстро наполнялась людьми. Тут были: и степенная братия, и духовные дети отца архимандрита, и почитатели покойного старца отца Амвросия Оптинского.

Началась Литургия. Мгновениями и в мою душу проникал свет, но тотчас же и угасал от не покидавших меня ни на секунду терзаний. Во время малого выхода снова послышались возгласы и крики бесноватой. Время приобщения Святых Таин надвигалось. Я молила Господа пощадить меня, угасить огонь мучений моих, и мне удалось подойти к Чаше с некоторою тишиною в душе. Искра надежды на секунду опустилась ко мне, когда после причастия я возвращалась к своему месту с умилением в сердце, несмотря на нападки врага.

–Зачем гонишь меня? Не терзай меня! Никуда не уйду! – неслись вопли бесноватой.

58 *Серебряная рака* (дар Государя Николая II) со святыми мощами прп. Серафима Саровского была установлена в Успенском соборе Успенской Саровской обители, расположенной на границе Нижегородской и Тамбовской губернии при слиянии рек Саровки и Сатиса. Путь до Сарова занял у богомольцев около месяца: с 20-х числе июля (после открытия мощей) до праздника Успения Пресвятой Богородицы 15 августа по ст.ст. Ныне честные мощи прп. Серафима Саровского пребывают в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря.

59 Ср.: Евр. 13, 8.

60 *Парастас (греч. «ходатайство»)* – Великая панихида — заупокойная Всенощная по всем усопшим православным христианам; совершается на Всенощном бдении *родительских суббот* (особых дней поминовеия усопших).

Её подводили к Чаше. Изо рта шла пена, лицо перекосилось… Она вырывалась из рук восьми мужчин, державших её очень крепко. Временами она падала на пол и голова её, ударяясь, издавала звук камня, падающего на металл: казалось, что череп от такого удара должен разлететься на тысячу кусков.

Отец архимандрит бесстрастно ожидал с Чашею. Ему, верно, часто приходилось видеть такие картины…

У самой Чаши вопли, хула на Господа и крики дошли до своего предела… Бесноватую сковали железные руки державших её, чтобы она не выбила Чашу. Женщины открыли ей рот ручкой ложки, заранее, наверно, приготовленной. Отец архимандрит быстро приобщил её… Все мужчины разом отступили: на руках у женщин полулежала кроткая, тихая, милая молодая девушка. Она была очень слаба и часто дышала. Её отвели в сторону и усадили на скамью.

«Так вот как меняется человек, когда терзающий враг отступает, – думалось мне. – О Господи, отведи его от меня, помилуй меня». Но не тут-то было: он жёг и резал душу воспоминаниями.

Началась панихида. Как близок был мне дорогой покойный батюшка Амвросий! Через него изливались чудеса на семью моего мужа, моя свекровь постоянно рассказывала об этом. Батюшка умер в первые годы моего замужества, оплакиваемый всей нашей семьёй. Его-то и стала я молить помянуть моего сына и меня пред Престолом Всевышнего.

Меня преследовал ещё особый вид мучений: я представляла одиночество и холод могилы, которые чувствовал мой сын. Нелепое и тяжёлое мучение, которое враг насылал на меня. Молитвы об упокоении «раба Божия иеромонаха Амвросия» сплетались с молитвой о «новопреставленном отроке Борисе»…

Архимандрит о «сонных видениях»

– Рад я с Вами побеседовать ещё раз пред Вашим отъездом, княгиня… Покойный батюшка, отец Амвросий, был очень близок к Вашей семье, и вот Господь привёл и Вас к такому знаменательному дню в нашу обитель. В двенадцатую годовщину по смерти батюшки молитвы о нём и о вашем сыне слились воедино.

Оптинская пустынь издала книгу о покойном старце; составил её один из Оптинских архимандритов, но, по смирению своему, не пожелал выставить своего имени[61]. Хоть и хороша она по содержанию своему, но, тем не менее, не может передать и сотой доли всех чудес дивного старца. Поистине, прозорливость его не имела границ.

Я ведь состоял при отце Амвросии письмоводителем, и вот, как-то раз, в первые годы моего послушания, писал я под диктовку батюшки письмо, а самого меня так и искушают помыслы: ну вот мучают, а отогнать не могу. Вдруг чувствую, платочек на меня падает. И помыслы от меня отлетели, как и не бывали. Посмотрел я на батюшку, а он так ласково улыбается и говорит: «Это я бросил, чтобы отогнать врага».

Да и поплакали же мы, когда Господь взял его от нас! Вот в этой книге жизнеописания покойного батюшки есть приложение: «содержание писем к старцу о виденных замечательных сновидениях и их толкования, в ответ обращавшимся лицам». Там же, в этом же приложении, постарайтесь прочитать и то, что Симеон Новый Богослов излагает о снах. Имеется особый вид сонного видения, который он называет «зрением», – его он рассматривает, как величайшую милость от Господа Бога. Эти сонные видения очень редки,

[61] Возможно, речь идет об издании: *Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия с приложением избранных его поучений*. Брошюра. Издание Оптиной пустыни. М., 1893. По соборному благословению Оптинских старцев во главе с отцом Иосифом (Литовкиным) на основе этого и других монастырских источников архимандритом Агапитом (Беловидовым) было составлено Жизнеописание прп. Амвросия. Этот труд задумывался как наиболее полный материал для грядущей канонизации святого, в которой никто не сомневался, и был издан в 1900 г.

и понятны они только воспринявшему все их оттенки и мелочи[62]. Вот и Ваш сон, думается мне, принадлежит к разряду «зрений». Он должен служить вам и утешением, и назиданием. Одним из отличительных признаков «зрений» служит незабываемость: проходят десятки лет, а сон во всей полноте своей стоит перед глазами, и самая малейшая подробность его выявляется в жизни в целом ряде сцепленных между собой событий.

Да умудрит Господь мать Марию поддержать и утешить вас. Она – хорошая душа, и Господь Сам её вам послал на утешение. И молиться, и радоваться о Господе можете с нею вместе. От земли к Господу Богу каждый человек поднимается по духовной лестнице. Вы вступили на первую ступень её. Не обрывайтесь, держитесь твёрдо и отвоёвывайте дальнейший ряд ступеней. Пусть пост и молитва будут вашим оружием. Свято храните и держитесь установлений Церкви.

Тут отец архимандрит перешёл на разговор об общих церковных вопросах и о Патриархе, который, по его разумению и со слов старцев, должен был бы возглавлять Русскую Церковь. Об этом также мечтали многие миряне и надеялись на предстоящий созыв Поместного Собора, потом, между прочим, отменённый[63]. Покойный отец Амвросий, как хорошо помнил и знал это отец архимандрит, очень сокрушался о загробной участи того, кто нарушил патриаршество в России.

Побеседовав ещё немного со мною о семье моей, отец архимандрит меня благословил образом и дал две просфоры: одну для мамά, а другую для мужа… В утомлённом состоянии я вернулась в Рукавишниково.

Пустота

Я вошла в детскую сыновей. Боринькина кроватка без подушки, прикрытая белым покрывалом, стояла холодная, точно в саване. До этих пор не могу забыть моего тогдашнего ощущения, и воспоминание об этой пустой кроватке палит трепещущее сердце. Все вещи его: платье, бельё, найденный маленький дневничок, любимые его сказки, фотографический аппарат, тетради, и даже маленький хомут, приобретённый им для пони, его детской мечты, лежавший раньше аккуратно свёрнутым под кроватью, всё это было уложено в особый сундук. Когда я приехала, ничего больше не лежало на виду.

Какая страшная пустота без него!..

В Рукавишниковской церкви шёл сорокоуст. Наступил и девятый день. Я старалась молиться, как заповедал мне старец. Но общее состояние протестующей души моей было в то время таков, что меня терзали голоса то одного, то другого мучителя, и молитва не шла на ум. Первый голос твердил, не переставая: «Ты простудила сына, ты сказала ему мыться в холодной воде, ты не надела ему фуфайку, ты не заставила выпить чего-нибудь горячего, ты

[62] Речь идет о суждениях *прп. Никиты Стифата*. См.: Смиреннаго Никиты монаха и пресвитера святейшия обители Стифата Студийскаго, ученика Симеона Новаго Богослова, вторая естественных главизн сотница, о очищении ума. П. 61–63 // Добротолюбие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранныя от писаний святых и богодухновенных отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает (в четырех частях). Переведено с еллиногреческого языка. Часть 4, 1798.

В русском переводе такие сны, «зрения», названы «видениями»: «Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным, и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщатливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными».

[63] Весной 1905 г. Св. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв в Москве Всероссийского Церковного Собора для выбора Патриарха. В декабре Государь Император Николай II издал рескрипт о создании Предсоборного совещания для подготовки созыва Собора (*Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 11). Совещание выполнило чрезвычайно важную и ценную работу, потребовавшую много времени и труда, но вспыхнувшая Мировая война помешала созыву Собора в царствование Императора Николая II.

выпустила гулять слишком рано, ты дала слово и не исполнила его, ты не посмотрела, что ворот полушубка не высок, ты не сказала ему одеть башлык, ты не позаботилась о его мокрых ногах, ты виновата в его болезни, ты виновата, ты виновата…».

Второй голос твердил вторую вариацию: «Ты не поняла важности болезни, ты опоздала послать за доктором, ты не послала за лучшим, ты ошиблась в выборе доктора, ты убийца, ты убийца, ты убийца!..» Голоса эти мучили меня неистово, и я не имела ни минуты покоя. Каменный сон начал пропадать, а с этим ухудшилось моё состояние. В особенности тяжело было присутствие мужа. Мне так было жаль его: я видела и глубоко сознавала, и понимала его благородную борьбу с личным горем...

Я чувствовала, что душа моя стала положительно разбитым инструментом и можно ли починить его, я не знала… а когда мне было очень тяжело, бежала к мама и выливала ей весь запас больной накипи. Я видела, как это бесконечно огорчало её, но не в состоянии была удержать своего порыва в минуту томящей тоски и жгучих терзаний. Мама не дано было, в данном случае, уметь утешить меня, или, хоть временно, освежить мои палящие раны. Ведь во сне было мне указано, кому это было дано свыше; я это знала наперёд, но, в исступлении, поступала обратно тому, что приказывали и сердце, и разум.

– Успокойся, Наташа, что с тобою. Ты несправедлива, ты требуешь от старца сверхъестественных вещей, а старец такой же человек, как и ты. Только он посвятил себя молитве, а ты семье. Сон же есть следствие наших впечатлений, воспринятых в течение дня, и сон есть только сон. Ты сама себя возьми в руки и помни, что, прежде всего, надо исполнять свои обязанности, а ты забросила детей и только думаешь о себе, когда надо думать о других. В попечении о детях ты найдёшь покой.

– Ах, мама, мама, нельзя разбитой чашке приказывать поить людей.

– Что ты говоришь, Наташа, ведь всё моё счастье в тебе, если ты так несчастна, на что и мне жить?

Тут я окончательно выбивалась из сил…

Напрасно?

Как-то, приблизительно пред двадцатым днём сорокоуста, постучалась ко мне утром судомойка Дуня.

– Что ты, милая, не случилось ли чего?

– Как же, ваше сиятельство, вот что я хотела тебе сказать — видела я плохо во сне Бориса Константиновича: лежит это он в кроватке весь в белом, да весь мокрый. «Что это, – говорю, – ты, Борис Константинович, мокрый лежишь?» — «Да роса на меня нападала», – говорит. А роса – это наши слёзки. Грех, матушка, так отрока слезами обливать…

У нас в деревне за большой грех почитают — убиваться так по ребёнку. Уж нам там не быть, где он будет. Поплакали и хватит. На всё воля Божья!

Даже от этих слов неграмотной, простоватой Дуни, у меня посветлело на душе, правда, на мгновение, но зато и больнее не стало, как от мирских рассуждений…

— Напрасно я ездила в Боровск к архимандриту Бенедикту, — говорила я Маше, — он мне не старец — не умел он меня утешить; и не прозорлив он совсем, ничего я во сне не вижу.

— Вы совсем не знаете, как нужно относиться к старцам… Их не так легко понять, как вы думаете… Старцы по смирению своему скрывают свою прозорливость; и подаётся она им,

поскольку она нужна нам. *По вере вашей – дастся вам*[64]... Поверьте, что Господь Всевидящий и Всеведущий, сном предупредивший, какими двойными мучениями искуситель будет мучить вас, положил и на сердце праведного архимандрита, как утешить вас...

Горькие праздники

Наступили праздники... Когда мне пришлось надеть белое платье и выйти к ожидающим детям — я изнемогла. Боже, поддержи меня! Из своей комнаты я не пошла сразу в гостиную, где стояла ёлка, а вышла на верхнюю площадку и долго стояла под дверью, чтобы прийти в себя и высушить глаза. Слышу шаги Семёна Лучка: «Ваше сиятельство, крепитесь, не огорчайте его. Как тяжело ему оттуда смотреть, что даже в такой праздник вы неспокойны».

Я взяла себя в руки и решительно вошла в гостиную… Мне до сих пор тяжело вспомнить настроение этой первой ёлки без него! Даже для детей она была менее весела, чем обыкновенно раньше… Праздники, как и яркие солнечные дни, оскорбляли и ухудшали моё, и без того тягостное, настроение. Эти дни были днями особенной скорби… Перед глазами проходили картины прошлого Рождества в Петербурге. На ёлку, чудное огромное дерево до потолка, убранное нами в закрытой на ключ от детей зале, собралось много приглашённых. Заиграла музыка, двери открыли и ввели детей. Сколько радости и восторга! Вечер закончился появлением фокусника. Из рядов сидящих детей он выбрал себе в помощь Борю. Как деловито, просто и ловко держал он себя и как сразу покорил сердца всех присутствующих родителей… Наконец, праздники прошли…

Одна

И вот, я осталась в Рукавишниково на долгое время, так сказать, одна, и могла безо всякой помехи заняться тем, что было мне теперь единственно по душе — молитвою и чтением. Я не могла не думать о себе: мать есть душа дома. Душа пуста, пуст и дом. Я вполне понимала, что Костя не мог оставаться в деревне, когда моё состояние настолько его удручало, что он сам мог обессилеть в личной борьбе со своим горем. Ведь Костя, как раньше шутила над этим Дашенька: «зажимал в дверях зверя», душил и убивал терзавшую его скорбь, покоряясь воле Божьей; а будучи свидетелем моих терзаний, он и сам мог изнемочь в своей борьбе.

***

Чем сильнее была моя решимость бороться и исполнять то, что заповедал мне старец, тем сильнее мучил меня враг. Дошло дело до того, что я стала молить Бога о смерти. А как же дети? В своём исступлении я стала молить Бога и об их кончине. Я, кажется, дошла до последних пределов горя. Я молила Бога взять к себе меня и всю мою семью. Я придумывала, что могло бы сразу перенести всех нас в иной мир?..

Несмотря на всё, со мною происходившее, я продолжала заниматься чтением… Каждый день я читала Библию, и вот однажды нашла место в книге Премудрости Соломоновой, гл.4, ст.7-15, о причинах преждевременного отхода юных душ. Так вот почему Господь берёт в молодых годах избранных своих и удаляет их от нашего мира! Дивные вдохновенные строки утешали меня на мгновение, а затем все впечатления уплывали, и опять я подпадала под власть своего мучителя.

***

…вот уже пять месяцев, как я молю утром и вечером Господа хоть на мгновение показать мне во сне Борю, чтобы узнать о судьбе его, а всё ничего нет и нет. Скоро шестнадцатое марта, день его рождения, солнце уже блестит и греет, а у меня всё ужаснее и ужаснее на душе.

– И Вы, Ваше Сиятельство, всё настойчивее и настойчивее молитесь по слову старца. Господь не посылает испытания сверх того, что можно вынести[65]. С неба же всё *берётся*

[64] Мф. 9, 29.
[65] См.: 1 Кор. 10, 13.

силою. Царствие Божие нудится[66]. Потом сами увидите: у Вас будет не радость, а ликование!..

Враг продолжал терзать меня до исступления. Я всё время, так сказать, ходила пред Батюшкою Преподобным Серафимом: «— да вымолит он у господа мне подарок с неба к этому дню, да снимет с меня всю тяжесть искушения — ведь я падаю и изнемогаю. Если Богу угодно взять меня, то да возьмёт Он меня поскорее, — если же нет, то да подаст мне силы жить и благословлять Его…»

Предутренний сон: сын

Ночь я спала сплошь до утра… Часы показывают семь. Боже, хоть бы ещё заснуть, хоть бы ещё утром увидеть Борю.

— Драгоценный Батюшка, надежда моя, поддержи меня, подай мне, по вере моей, о чём прошу тебя…

Я начала цепенеть, продолжая, однако, всё воспринимать и сознавать. Вдруг, справа от моей кровати, подходит ко мне Боря, одетый в тот матросский костюм, в котором его хоронили. Он прилёг и положил голову на моё правое плечо, а правою ручкою обнял меня так крепко, что я почувствовала от этого прикосновения давление на левом плече. Я подумала: «Ведь ему должно быть, холодно», и прикрыла его ноги концом моего одеяла. И ещё пришло в голову: «Не изменились ли у него глаза, не стали ли светлыми, как пред смертью?» Тогда он, приподняв с моего плеча чуть-чуть голову, посмотрел на меня, обдав таким дивным, таким лучезарным взглядом своих тёмных глаз. А ручка его всё продолжала обнимать и сжимать меня. Не могу передать своего счастья! И подумалось мне — хоть бы всё спросить, пока он не ушёл. Это он по просьбе Батюшки ко мне пришёл. Вот и начала я задавать свои вопросы, но с большою нервностью, желая успеть всё спросить, ничего не забыв:

— Хорошо ли тебе?

— Очень хорошо, — последовал тихий, степенный ответ.

— В раю ли ты?

— Да, я в раю!

— С ангелами ли ты?

— Да, я с ангелами!

— Видел ли ты Бога?

Тут мгновенно мозг мой пронизала мысль: это самовнушение, он отвечает теми же словами. Вдруг слышу на мой вопрос, заданный в прошедшем времени, ответ:

— Я вижу Бога!

Нет слов передать звук этого голоса. Он выражал и безбрежную любовь, и безграничное поклонение, и восторг, и умиление. После паузы, точно подыскивая выражения, Боря продолжал:

— Я вижу свет! – и ещё через мгновение, явно подыскивая выражение для пояснения своих слов, он прибавил, – Это тонкое ощущение.

Восторг наполнил мою душу. Но надо торопиться, он сейчас уйдёт, он уже долго со мною находится. Что, напоследок, спросить? Вот и Лена кончает мыться. Да, вспомнила:

— Тебе было больно умирать?

— Мне было неприятно, — последовал его ответ и он исчез.

Я открыла глаза. Это он был, он! Он жив! Я чувствую его руку до сих пор…

***

Борина ручка продолжала обнимать меня, а дивный проникновенный голос всё повторял: «Я вижу Бога».

— Как вы себя чувствуете, ваше сиятельство?

[66] Ср.: Мф. 11, 12.

— Отлично, мне кажется, что я вышла на свободу из ужасной тюрьмы!.. Ведь смерть есть величайшее событие в жизни человека и люди давно бы погибли, если бы опирались только на свою догадливость и знание.

«вместо острого жала…»

Этот день был поминальным по Боре, и мы пошли к обедне… Когда я слышала слова поминовения: «об упокоении отрока Бориса» — вместо острого жала, которое впивалось раньше в сердце, теперь сердце наполнялось радостью и счастьем. Я ощущала, что мой возлюбленный сын уехал в путешествие в дальнюю чудную страну. Да, пока я живу, я не увижу его на земле; радости этой не будет у меня. Но и бояться за него больше не стану. Он уже доехал до места назначения и находится в верной надёжной пристани, а нам всем предстоит длинное и долгое путешествие…

Как назвать то, что я видела и слышала? Это не сон; ведь я сохранила и полное сознание и все слуховые способности, но, вместе с тем, глаза мои были всё время закрыты, и я находилась в состоянии какого-то оцепенения.

— Это то, что в монастырях называют: «тонкий сон», во время которого можно получить видения, — называемый Симеоном Новым Богословом: «зрение». А как вы должны молиться за отца архимандрита Бенедикта: ведь Господь вас утешил по его старческому слову. Теперь вы поняли, что значит старец?..

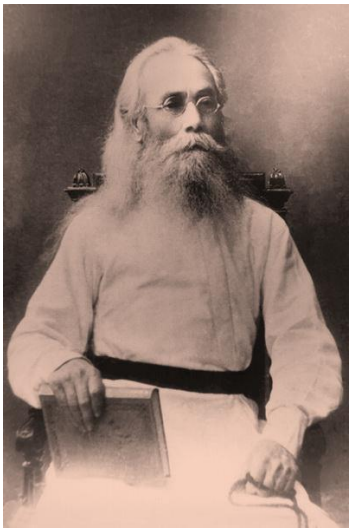
***

Воистину, там, где начинается бесконечное, — законы конечного более неприменимы.

И знала я, что вся эта неземная пища дана мне и всем, кто будет окружать меня и встречаться на моём пути, про запас, пред годами голода, когда будем питаться роскошью этого пира, вновь переживая его только в воспоминаниях.

Послесловие

Духовные поиски и впечатления бытия княгини структурно близки и к *путевым заметкам*, излюбленный русской прозой жанр еще с конца XVIII века, как, например, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1792 г.). В ее неторопливой прозе, на «поверхности» производящей впечатление бытописательского романа, зашифрована связь и с жанром «хождений», то есть паломничеств к святым местам, который известен в древнерусской литературе с XII в. Дневниковые записи, на которые опиралась Вера Дмитриевна, как нельзя более соответствуют этому симбиозу духовных и светских путешествий. Есть и третий, символический смысл путешествия: «*Россия колышется*»,— говорит одна из героинь романа. Все постепенно приходит в движение, и со временем в романе это движение станет растерянным, хаотичным, в конечном итоге превращаясь для героев в бегство, вынужденный исход из родных пределов. (Сравним с романом М.А. Булгакова о белоэмигрантах «Бег»).



Есть и еще один смысл — душа-странница, «странствие» души живет внутри жанра путевых заметок. Практика духовного наставничества старцев в России продолжалась весь XIX век, и первые два десятилетия XX века, пока новая власть не истребила ее, разоряя монастыри, преследуя старцев и людей, к ним обращавшихся.

Но и в те времена, когда еще эта беда не грозила России, старческое руководство было очень редким явлением. Ибо omnia praeclara rara по латинской поговорке, «все прекрасное редко» на грешной земле. Даже и при большой потребности найти «своего» старца — обретение его было редкой удачей. В символическом «странствии» души, которое живет внутри жанра «путешествия», избранного Верой Дмитриевной, героиня находит цель этого

постоянного движения — утешение духовным словом. «Её» старцы — это преподобный Варсонофий Оптинский,

«каждое слово которого я своевременно записала и запомнила на всю жизнь» (*Гл. 5*).

Литература

Вырубов Н.В. Русский барин — герой Франции. М., 2017.
Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба, Коллекция. М., Русский путь, с. 10.
Лобанов-Ростовский Н.Д. «Рюрикович в эмиграции», М. 2015,
Лобанов-Ростовский Н.Д. «Рюрикович в XXI веке», М., 2017.
Одоевцева И.В. На берегах Сены. http://www.rulit.me/books/na-beregah-seny-read-71418-1.html
Толстой Н. И. Язычество и христианство в древней Руси / Избранные труды. М., 1997–1999

Список иллюстраций

1. Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. София
2. Митрополит Владимир (Богоявленский)
3. Митрофановский монастырь
4. Великая Княгиня Елизавета Федоровна с фрейлиной, Княжной Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской
5. Фрейлина Великой Княгини Елизаветы Федоровны Княгиня Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская, младшая сестра Князя И.Н. Лобанова-Ростовского на костюмированном балу
6. Великая Княгиня Елизавета Федоровна с фрейлиной, Княжной Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской
7. Маркиз Иван Иванович де Траверсе, адмирал русского флота
8. Преподобный Амвросий Оптинский
9. Церковь в подмосковном имении Лобановых-Ростовских Лобаново-Троицкое
10. Князь Александр Александрович Лобанов-Ростовский с супругой Александрой Григорьевной, внучкой адмирала де Траверсе
11. Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, в романе «Костя», муж героини и автора
12. Князь Иван Николаевич и Княгиня Вера Дмитриевна Лобановы-Ростовские
13. Князь Иван Николаевич и Княгиня Вера Дмитриевна Лобановы-Ростовские
14. Преподобный Варсонофий Оптинский

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема междисциплинарности научного знания является одной из наиболее актуальных для современной исследовательской парадигмы. В этом отношении возникает целый ряд методологических вопросов. Важнейший из них — вопрос о роли языка в целом и метаязыка научных разысканий, в частности, реализуемого в процессе описания результатов аналитического осмысления феноменов действительности с точки зрения неформального, гуманитарного подхода.

Изучение роли языка в жизни человека с антропоцентрических позиций обусловлено необходимостью сфокусировать внимание исследователей на том положении, что именно человек является носителем языка, субъектом обработки известной и источником порождения новой информации, ее передачи, а также субъектом приобретения и порождения знания.

Проблематика, лежащая в русле методических аспектов, связанных с процессом передачи лингвистических и более широко - филологических знаний, непосредственно взаимодействует с проблемой формирования картины мира, ее культуроспецифических и лингвистических особенностей, тесно коррелирующих с областью языковых и культурных универсалий.

Особое внимание привлекает изучение глубин мирового культурного пространства, роли национальных языков и литератур в постижении мирового культурного континуума, существование которого обусловлено наличием разнообразных интертекстуальных и интердискурсивных взаимодействий.

Функциональный подход к изучению языка и культуры, находящихся в отношениях теснейшего взаимодействия и взаимопроникновения, позволяет рассмотреть анализируемые процессы в их динамике, с учетом реального воплощения в действительности языковой системы, обеспечивающей возможность обозначения и познания отражаемых в человеческом сознании явлений окружающего мира и созидательной деятельности по его преобразованию, возможность передачи знаний от поколения к поколению, в том числе на основе развития новых методов их освоения.